

ISSN 2712-9519 (Online)

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Том 6 №2

2026

LINGUISTICS & EDUCATION

Volume 6 №2

2026

«Лингвистика и образование» – рецензируемое электронное издание сетевого распространения профессиональное издание, в котором отражаются результаты научных исследований ученых из России и других стран в области теории языка, германистики, романистики, сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания.

Миссия журнала – отражать результаты научно-исследовательской, научно-практической и инновационной деятельности, а также профессорско-преподавательского состава и научных работников вузов и научных организаций России, стран СНГ и дальнего зарубежья; привлекать внимание к наиболее актуальным, перспективным и интересным направлениям лингвистики; публиковать материалы исследований молодых ученых; информировать специалистов о жизни международного и национального научного сообщества, о конгрессах, конференциях, публикациях монографий.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория языка, германистика, романистика, сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, обзоры.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Саня Ибрагимовна Маджаева, д-р филол. наук, заведующий кафедрой физики, цифровой медицины и прикладной информатики, профессор кафедры иностранных и латинского языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

Ольга Викторовна Иванчук, д-р пед. наук, доцент,

профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО "ВГСПУ", Волгоград, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Елена Юрьевна Гагарина, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных и латинского языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

Марина Владимировна Косова, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики, ФГАОУ ВО ВолГУ, Волгоград, Россия.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Земфира Ришадовна Гречухина, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

Татьяна Владимировна Лукьянова, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных и латинского языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ, Астрахань, Россия.

Валентина Авраамовна Маслова, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования, ВГУ имени П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Екатерина Михайловна Дьякова, старший преподаватель кафедры иностранных и латинского языков, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

Мария Евгеньевна Михайлова, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой философии, биоэтики, истории и социологии, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ, Астрахань, Россия

Светлана Леонидовна Мишланова, д-р филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики, ФГБОУ ВО ПГНИУ, Пермь, Россия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Жером Багана, д-р филол. наук профессор, профессор кафедры романо-германской филологии и М.К., ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия.

Мехриниссо Бозоровна Нагзибекова, д-р филол. наук, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Таджикский национальный университет, Душанбе, Республика Таджикистан.

Елена Владимировна Бекишева, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры иностранных и латинского языков ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России, Самара, Россия.

Елена Александровна Никулина, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой фонетики и лексики английского языка им. В.Д. Аракина, ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия.

Елена Иосифовна Голованова, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВО «ЧелГУ», Челябинск, Россия.

Альфия Хамитовна Сатретдинова, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия.

Сергей Викторович Гринев-Гриневич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации, ГАОУ ВО МПГУ, Москва, Россия.

Эльвира Анатольевна Сорокина, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия.

Татьяна Васильевна Дроздова, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные язык и речевая коммуникация», ФГБОУ ВО АГТУ, Астрахань, Россия.

Алтынгүль Жакипова Суюнбаева, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры государственного языка, Военный институт Сил Воздушной Обороны МО, Актобе, Республика Казахстан.

Ольга Станиславовна Зубкова, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия.

Нина Юрьевна Штрекер, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры теории и методики дошкольного, начального и специального образования, ФГБОУ ВО КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

ISSN 2712-9519 (Online)

Наименование органа, зарегистрировавшего издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 07 декабря 2020 г. (Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г. – электронное издание)

Периодичность

4 раза в год

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия

Адрес учредителя и издателя

414000, Российская Федерация, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Бакинская, д. 121.

E-mail

lingv_edu@astgmu.ru

Дата выхода в свет

07.07.2026

«Linguistics & Education» is a peer-reviewed online publication. It presents the results of scientific research by scholars from Russia and other countries in the fields of language theory, Germanic studies, Romance studies, comparative-historical, typological, and contrastive linguistics, and the theory and methodology of higher.

The journal's mission is present the results of research, practical research, and innovation activities, as well as those of the faculty and research staff of universities and scientific organizations in Russia, the UFC, and abroad; to draw attention to the most relevant, promising, and interesting areas of linguistics; to publish research materials by young scientists; to inform specialists about the activities of the international and national scientific community, congresses, conferences, and the publication of monographs, lecture courses, and textbooks.

The journal publishes papers on the following topics: linguistics, Germanic studies, Roman studies, comparative-historical, typological, and contrastive linguistics.

The journal accepts original articles, reviews.

EDITOR-IN-CHIEF

Sanya I. Madzhaeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Yu. Gagarina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign and Latin Languages, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia

SCIENTIFIC EDITOR

Zemfira R. Grechukhina, Candidate of Philology, Associate Professor of the of the Department of Foreign and Latin Languages, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Ekaterina M. Dyakova, Senior Lecturer of the of the Department of Foreign and Latin Languages, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia

EDITORIAL BOARD

Jerome Bagana, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Roman and Germanic Philology and M.C., Deputy Director for Research and International Activities, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Elena V. Bekisheva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University, Samara, Russia.

Elena I. Golovanova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

Sergey V. Grinev-Grinevich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Studies and Intercultural Communication, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

Tatyana V. Drozdova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department «Foreign Languages and Speech Communication», FSBEI HE ASTU, Astrakhan, Russia.

Olga S. Zubkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, FSBEI HE Kursk State University, Kursk, Russia.

Olga V. Ivanchuk, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Physics, Digital Medicine and Applied Informatics, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia.

Evgeniya Yu. Kislyakova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, FSBEI HE VSSPU, Volgograd, Russia.

Marina V. Kosova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, VolSU, Volgograd, Russia.

Tatyana V. Lukyanova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Latin Languages FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia.

Valentina A. Maslova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Preschool and Primary Education, VSU named after P.M. Masherova, Vitebsk, Republic of Belarus.

Maria E. Mikhailova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Bioethics, History and Sociology, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia.

Svetlana L. Mishlanova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Lingvodidactics, Perm State National Research University, Perm, Russia.

Mekhriniso B. Nagzibekova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Translation and Intercultural Communication, Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Elena A. Nikulina, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Phonetics and Lexicon of the English Language named after V.D. Arakina, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

Alfiya Kh. Satretdinova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Russian Language Department, FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, Astrakhan, Russia.

Elvira A. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, FSAEI HE "State University of Education", Moscow, Russia

Altyngul Zh. Suyunbaeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the State Language Department, Military Institute of the Air Defense Forces of the Ministry of Defense, Aktobe, Republic of Kazakhstan.

Nina Yu. Shtreker, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Preschool, Primary and Special Education, K.E. Tsiolkovsky Kazan State University, Kaluga, Russia

ISSN 2712-9519 (Online)

Name of the agency that registered the publication

The peer-reviewed online edition of "Linguistics & education" was registered by the Federal service for supervision of communications, information technologies and mass communications on December 7, 2020 (Certificate of registration Эл № ФС77-79816 on December 7, 2020 – online edition).

Publication Frequency

4 times a year

Founder and Publisher

FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia., Astrakhan, Russia

Postal address

414000, Russian Federation. Astrakhan region, Astrakhan, Bakinskaya street, 121.

E-mail

lingv_edu@astgmu.ru

Signed for printing

07.07.2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С КОМПОНЕНТОМ -FORMIS, -E В АНАТОМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ: К РАЗМЫШЛЕНИЯМ О МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ВУЗЕ	6
<i>Анциферова О. Н.</i>	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПРАВА И ИСКУССТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ	17
<i>Аргашиокова С.Х., Демидова Е.В., Манукян М.Р.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА “MYSTERY” (НА ПРИМЕРЕ АНИМАЦИОННЫХ СЕРИАЛОВ)	27
<i>Асадуллаева А. В.</i>	
ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. А. БУЛГАКОВА	35
<i>Байдашева Э. М.</i>	
БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ И ПРОКЛЯТИЯ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ	46
<i>Исмоилова Н. М.</i>	
О КОММУНИКАТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЦВЕТОВЫХ МАРКЕРОВ	55
<i>Кульпина В. Г.</i>	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕРОЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПЛОТНОСТИ В ВОЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. М. РЕМАРКА “ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ УМИРАТЬ”)	63
<i>Куприянычева Е. А.</i>	
СТИЛЕВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОСОДИИ В ЗВУЧАЩЕМ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	73
<i>Фрейдина Е. Л.</i>	
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СНОВИДЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ СИСТЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЖОРЖ САНД)	80
<i>Харитонова И. В., Тимашева О. В.</i>	
Требования к оформлению статьи	96

CONTENTS

ADJECTIVES WITH THE COMPONENT -FORMIS, -E IN ANATOMICAL NOMENCLATURE: REFLECTIONS ON THE METHODOLOGY OF TEACHING LATIN TERMINOLOGY AT UNIVERSITY	6
<i>Antsiferova O. N.</i>	
THE INTERACTION OF TERMINOLOGICAL SYSTEMS OF LAW AND ART THROUGH THE PRISM OF TRANSTERMINOLOGIZATION	17
<i>Argashokova S.Kh., Demidova E.V., Manukyan M.R.</i>	
VERBALIZATION PECULIARITIES OF THE CONCEPT “MYSTERY” (IN ANIMATED FILMS)	27
<i>Asadullaeva A. V.</i>	
COLOR SYMBOLISM OF MEDICAL TERMINOLOGY IN THE WORKS BY M. A. BULGAKOV	35
<i>Baydasheva E. M.</i>	
WISHES AND CURSES AS TYPES OF LINGUISTIC UNIVERSALS	46
<i>Ismoilova N. M.</i>	
ABOUT THE COMMUNICATIVE POTENTIAL OF COLORMARKING	55
<i>Kulpina V. G.</i>	
THE TRANSFORMATION OF THE HERO THROUGH THE PRISM OF METAPHORICAL DENSITY IN A MILITARY ARTISTIC NARRATIVE (BASED ON THE EXAMPLE OF E. M. REMARQUE'S NOVEL “A TIME TO LIVE AND A TIME TO DIE”)	63
<i>Kupriyanicheva E. A.</i>	
STYLISTIC VARIATION OF PROSODY IN SPOKEN LITERARY DISCOURSE	73
<i>Freidina E. L.</i>	
VERBALIZATION OF DREAM SPACE AS A FIGURATIVE-SYMBOLIC SYSTEM (BASED ON TEXTS BY GEORGE SAND)	80
<i>Kharitonova I. V., Timasheva O. V.</i>	
Requirements for article arrangement	103

Научная статья

УДК 811.124

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-6-16>

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С КОМПОНЕНТОМ *-FORMIS, -E* В АНАТОМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ: К РАЗМЫШЛЕНИЯМ О МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ВУЗЕ

Ольга Николаевна Анциферова

Уральский государственный медицинский университет, Россия

antsiferovaon@yandex.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на существующие предложения корректировки методологических основ преподавания латинской терминологии в медицинском вузе, отмечается важность практико-ориентированного подхода в обучении. С позиции данного подхода рассматриваются и анализируются латинские имена прилагательные с конечным компонентом *-formis, -e*, функционирующие в анатомических наименованиях. Расширяются и обобщаются сведения о названных именах прилагательных, встречающихся на страницах учебных пособий и словарей. Предлагаются дидактические материалы, позволяющие разнообразить иллюстративный материал на практических занятиях по латинскому языку. Комментируется словообразовательная модель имен прилагательных с компонентом *-formis, -e*, попутно приводятся примеры употребления данных слов в других терминологических системах.

Ключевые слова: латинская терминология, анатомические наименования, латинские композиты, методика преподавания латинского языка, дидактические материалы

Для цитирования: Анциферова О.Н. Имена прилагательные с компонентом *-formis, -e* в анатомических наименованиях: к размышлениям о методологии преподавания латинской терминологии в вузе // Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №2. – С. 6-16. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-6-16>

Original article

ADJECTIVES WITH THE COMPONENT *-FORMIS, -E* IN ANATOMICAL NOMENCLATURE: REFLECTIONS ON THE METHODOLOGY OF TEACHING LATIN TERMINOLOGY AT UNIVERSITY

Olga N. Antsiferova

Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia

antsiferovaon@yandex.ru

Abstract. The article deals with existing proposals for adjusting the methodological foundations of teaching Latin terminology at the medical university. The importance of a practice-oriented approach in education is noted. Latin adjectives with the final component *-formis, -e* are considered and analyzed in anatomical nomenclature from the perspective of this approach. Information about these adjectives found in textbooks and dictionaries is expanded and summarized. Handouts are proposed that allow for the diversification of illustrative material in practical Latin language classes. The word building model of adjectives with the component *-formis, -e* is commented on, with examples of the use of these words in other terminological systems provided.

Keywords: Latin terminology, Anatomical nomenclature, Latin compound adjectives, Latin
ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2026. Том 6 №2

language teaching, handouts

For citation: Antsiferova O.N. Adjectives with the component *-formis*, *-e* in anatomical nomenclature: reflections on the methodology of teaching Latin terminology at university, *Linguistics & education*, 2026. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 6-16. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-6-16>

Введение

Современное образовательное пространство сформировало тенденцию к постоянному поиску наиболее эффективных способов обучения, а также к совершенствованию и регулярному обновлению учебно-методических материалов. В связи с этим имеющиеся в наличии учебники и учебно-методические пособия подвергаются анализу, комментируются учебно-методическим сообществом, дополняются и редактируются.

С предложением о корректировке методологических основ преподавания латинской терминологии в вузе выступают М. А. Бородина, Д. Ю. Липсон, А. А. Качалкин, П. И. Савельев, Т. Г. Шавырина [1, 2]. Авторы предлагают создать базовый лексический минимум и расширенный за счет употребления словосочетаний [3]. Заметим, что М. Я. Сумарокова, А. В. Голосов, Ю. И. Городкова, И. И. Соколов в начале 70-х гг. XX в. внедряли практику заучивания терминологических словосочетаний в составе лексического минимума, но их учебник был рекомендован Министерством здравоохранения СССР для средних медицинских учебных заведений [4]. Кроме того, в учебно-методических пособиях по анатомии человека предлагается для заучивания терминологический минимум, включающий латинские составные наименования [5].

Ученые разграничивают понятия «латинский язык» и «медицинская терминология» в названии учебной дисциплины «Латинский язык, основы медицинской терминологии», так как терминология может изучаться самостоятельно, и это меняет традиционную методику филологического подхода к изучению дисциплины [6]. О том, насколько при изучении современной медицинской терминологии важно осознание роли словообразовательной системы, убедительно сказано в трудах В. Ф. Новодрановой [7]. Возможно, что в учебниках нового типа именно словообразованию будет уделено главное место, тогда как в учебных пособиях настоящего времени основное внимание уделяется грамматике латинского языка (части речи, типы склонения и т. п.). В некоторых вузах в обучении используется учебное пособие Л. А. Бахрушиной, в котором представлены словообразовательные модели анатомических наименований [8].

В свете размышлений о методических подходах к изучению латинской анатомической терминологии осуществляется попытка осмысления учебного материала, связанного с названиями, включающими прилагательные, оканчивающиеся на *-formis*, *-e*.

Цель: обобщить и расширить сведения о прилагательных с компонентом *-formis*, *-e*, реализовать практико-ориентированный подход в восприятии и изучении лексического материала.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования служат данные современных учебных пособий по латинскому языку для медицинских вузов. Используется сравнительно-сопоставительный и аналитический методы исследования, осуществляется семантико-мотивационный и словообразовательный анализ лексических единиц с компонентом *-formis, -e* в составе латинских анатомических наименований.

Результаты и обсуждение

В современных учебных пособиях нет единообразия в комментировании словообразовательной структуры прилагательных, оканчивающихся на *-formis, -e*. Так, А. П. Бехтер, Т. Г. Шавырина квалифицируют *-form-* как суффикс прилагательных [9, с. 34; 10, с. 23], М. Н. Нечай называет *-formis, -e* конечным словообразовательным формантом [11, с. 49], Г. В. Петрова – конечным словообразовательным элементом [12, с. 116].

Наиболее полную характеристику данному элементу дает В. Ф. Новодранова, называя *-formis, -e* специальным терминологическим элементом [7, с. 166], *-form-* десубстантивным базисным компонентом, который из-за высокой продуктивности получает статус суффиксоида [Там же, с. 227]. Напомним, что суффиксоиды и префиксоиды занимают промежуточное положение между «чистыми корнями и чистыми префиксами, и суффиксами» [Там же, с. 191], то есть суффиксоид – это корневая морфема, выступающая в качестве суффикса. Так как в терминосистеме связь суффикса и флексии существенна, имеет смысл представление суффиксов в виде формантов [Там же, с. 248]. Словообразовательным формантом принято называть «наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство из числа тех средств, которыми данное мотивированное слово отличается от мотивирующих слов» [13, с. 134].

Формант *-formis, -e* мотивирован существительным *forma, -ae f* ‘форма, вид, образ’, в терминологической системе за ним закреплено значение «имеющий форму того, что выражено основой», поэтому в русском переводе он имеет соответствия *-формный, -видный, -образный*. Этот конечный словообразовательный элемент задает производному слову грамматическую форму прилагательного III склонения и присоединяется к первому компоненту композита интерфиксом *-i-*, что характерно для слов латинского происхождения. Напомним, что композитами принято называть слова, образованные путем соединения двух и более основ (от лат. *compositio* – составление, сложение, соединение).

Семантическое значение композита является следствием взаимодействия значений его первого и второго компонентов, причем второй компонент является опорным, так как включает характеристику процесса, явления или предмета [7, с. 160]. Значение опорного компонента влияет на выбор признакового значения первого компонента, то есть из возможных значений первого компонента реализуется одно [Там же]. Опорный компонент, являясь производным от многозначного слова, также утрачивает многозначность и приобретает закрепленное значение [Там же].

В. Ф. Новодранова выявила наиболее продуктивные опорные компоненты сложных слов, среди которых *-formis*, *-e*, соответствующий схематической модели: Subst + is, e (вторая группа прилагательных) [7, с. 176, 177].

В учебных пособиях по латинскому языку для медицинских учреждений формант *-formis*, *-e* встречается в терминологических минимумах словообразовательных элементов [12, с. 121; 14, с. 122], а также прилагательные с данным формантом входят в состав лексических минимумов [11, с. 54; 15, с. 70]. Отметим, что в пособиях нет примеров употребления данных слов в составе анатомических наименований, то есть студент запоминает формант или прилагательное с этим формантом, не имея возможности познакомиться с анатомическими наименованиями, в которых эти прилагательные функционируют. В учебнике Г. В. Петровой есть упражнение, нацеленное на запоминание словообразовательной модели таких прилагательных, но анатомические наименования, в которых они встречаются, отсутствуют [12, с. 116].

В латинско-русских словарях прилагательные с компонентом *-formis*, *-e* в ряде случаев также даны без отсылки к анатомическому наименованию. Так, в словаре К.А. Тананушко лексемы *corniformis*, *-e*, *emboliformis*, *-e*, *falciformis*, *-e* представлены вне составных наименований [16, с. 289, 392, 439]. Некоторые терминологические словосочетания не отнесены к области (органу) тела человека, например, *recessus piriformis* ‘грушевидный карман’ [Там же, с. 951]. Вероятно, такая традиция предъявления языкового материала связана с опытом составителей словарей прошлых лет. Например, в «Латинско-русском медицинском словаре» С. И. Вольфсона также не включены в наименования прилагательные: *choreiformis*, *-e*, *plexiformis*, *-e*, *retiformis*, *-e* и др. [17, с. 73, 259, 282].

Учитывая важность практико-ориентированного подхода в обучении, о котором упоминалось выше, предлагаем более подробно осветить вопрос о словообразовании и функционировании прилагательных с формантом *-formis*, *-e*.

В таблице 1 показано, какое признаковое значение в составе композита имеет первый компонент; словарная форма прилагательного с формантом *-formis*, *-e* дана с переводом на русский язык; латинские анатомические наименования представлены с переводом на русский язык и с указанием на область (орган) тела человека. Привлечены материалы «Международной анатомической терминологии» под ред. Л. Л. Колесникова и других источников [18, 19, 20].

Таблица 1. Имена прилагательные с компонентом *-formis*, *-e* в составе анатомических наименований

Первый компонент сложного прилагательного	Словарная форма прилагательного с элементом <i>-formis</i> , <i>-e</i>	Прилагательное в составе анатомического наименования
cochlear-	cochleariformis, -e	processus cochleariformis – улитко-

cochlearis, -e (улитковый, относящийся к улитке), cochlea, -ae f (улитка)	(улитковидный)	видный отросток (среднего уха)
cost- costa, -ae f (ребро)	costiformis, -e, (реберный)	processus costiformis vertebrae lumbalis – реберный отросток поясничного позвонка
cruc- crux, -ucis f (крест)	cruciformis, -e (крестообразный)	eminentia cruciformis ossis occipitalis – крестообразное возвышение затылочной кости; ligamentum cruciforme atlantis – крестообразная связка атланта (первого шейного позвонка); pars cruciformis vaginae fibrosae – крестообразная часть фиброзного влагалища (сухожилия нижней конечности)
cune- cuneus, -i m (клин)	cuneiformis, -e (клиновидный) subcuneiformis, -e (подклиновидный) intercuneiformis, -e (межклиновидный)	nucleus cuneiformis – клиновидное ядро (серого вещества среднего мозга); nucleus subcuneiformis – подклиновидное ядро (серого вещества среднего мозга); os cuneiforme intermedium – промежуточная клиновидная кость (стопы); os cuneiforme laterale –латеральная клиновидная кость (стопы); os cuneiforme mediale – медиальная клиновидная кость (стопы); ossa cuneiformia – клиновидные кости (стопы); articulationes intercuneiformes – межклиновидные суставы (стопы) ligamenta intercuneiformia interossea – межкостные межклиновидные связки (стопы)
emb- embolus, -i n (эмбол– закупоривающая частица, вызывающая эмболию: оторвав-	emboliformis, -e (эмболиформный, пробковидный)	nucleus emboliformis – пробковидное ядро (мозжечка)

шийся тромб или частица тромба, бактериальная масса, частица опухоли, капли масла, пузырьки воздуха или другого газа)		
falc-falx, falcis f (серп)	falciformis, -e (серповидный)	ligamentum falciforme – серповидная связка (печени); processus falciformis fasciae latae – серповидный отросток широкой фасции (бедро); processus falciformis ligamenti sacrotuberalis – серповидный отросток крестцово-бугорной связки (нижней части таза)
fili-filium, -i n (нить)	filiformis, -e (нитевидный)	papillae filiformes – нитевидные сосочки (языка)
fund-funda, -ae f (праща, <i>перен.</i> невод)	fundiformis, -e (працевидный)	ligamentum fundiforme clitoridis – прачевидная связка клитора (женские половые органы); ligamentum fundiforme penis – прачевидная связка полового члена (мужские половые органы)
fung-fungus, -i m (гриб)	fungiformis, -e (грибообразный)	papillae fungiformes – грибовидные сосочки (языка)
fus-fusus, -i m (веретено)	fusiformis, -e (веретенообразный)	musculus fusiformis – веретенообразная мышца (конечности, поясницы)
glom-glomus, -eris n (клубок, клубочек, гломус)	glomiformis, -e (клубочковидный, клубневидный)	glandulae glomiformes – клубочковидные железы (потовые железы в виде длинных трубок, закрученных в клубок)
incud-incus, -ūdis f (наковальня)	incudiformis, -e (наковальнеобразный, похожий на наковальню)	uterus incudiformis – матка с верхней частью в виде наковальни (женские половые органы)
lent-lens, lentis f (чечевица, хрусталик, линза)	lentiformis, -e (чечевицеобразный, чечевицевидный, линзовидный)	papillae lentiformes – чечевицевидные сосочки (языка); nucleus lentiformis – чечевицеобразное ядро (одно из базальных ядер большого мозга);

	retrolentiformis, -e (зачечевицеобразный; от лат. retro – назад, обратно, позади) sublentiformis, -e (подчечевицеобразный)	pars retrolentiformis capsulae internae – зачечевицеобразная часть внутренней капсулы (большого мозга); pars sublentiformis capsulae internae – подчечевицеобразная часть внут ренней капсулы (большого мозга)
mult- multus, -a, -um (многий, много численный. обиль ный, значитель ный)	multiformis, -e (многообразный, много видный, мультиформ ный)	stratum multiforme – мультиформ ный слой (гиппокампа, большого мозга)
rampin- rampinus, -i m (виноградная ветвь, виноград ные листья)	rampiniformis, -e (лозовидный, лозообраз ный, имеющий вид виноградной лозы)	plexus rampiniformis – лозовидное, гроздевое сплетение (внутритазо вое венозное сплетение)
papill- papilla, -ae f (сосок, сосочек)	papilliformis, -e (сосочковидный, сосце видный)	nucleus papilliformis – сосцевидное ядро (одно из базальных ядер головного мозга)
pir- pirus, -i m (груша)	piriformis, -e (грушевидный)	apertura piriformis nasi – грушевид ная апертура носа (отверстие в центральной части черепа); musculus piriformis – грушевидная мышца (таза); nervus musculi piriformis – нерв грушевидной мышцы (таза); recessus piriformis – грушевидный карман (гортанной части глотки); sinus piriformis – грушевидная пазуха (гортанной части глотки)
pis- pisum, -i n (горох)	pisiformis, -e (гороховидный)	os pisiforme – гороховидная кость (запястья); articulatio ossis pisiformis – сустав гороховидной кости (запястья)
rest- restis, -is f (веревка, канат)	restiformis, -e (веревчатый, канатовид ный)	corpus restiforme – веревчатое тело (продолговатого мозга, бульбуса); nucleus marginalis corporis restiformis – краевое ядро веревча того тела (серого вещества голов ного мозга)
sacc- saccus, i m	sacciformis, -e (мешкообразный,	recessus sacciformis – мешкообраз ное углубление, мешкообразный

(мешок)	мешковидный)	заворот (локтевого сустава, луче-локтевого сустава)
verm- vermis, -is m (червь, глист)	vermiformis, (червеобразный)	-e appendix vermiformis – червеобразный отросток, аппендикс(придаток слепой кишки); vena appendicis vermiformis – вена червеобразного отростка

Как видно из представленных в таблице примеров, первый компонент имен прилагательных является субстантивной основой, в двух случаях – адъективной: *cochleariformis*, -e, *multiformis*, -e. Известно, что преобладание субстантивных основ в качестве первых компонентов сложных слов является важным фактором становления терминологии [7, с. 163].

В одном случае интерфикс -i- совмещается с финалью первой субстантивной основы: *filiformis*, -e.

В четырех случаях сложение сопровождается префиксацией: *intercuneiformis*, -e, *subcuneiformis*, -e, *sublentiformis*, -e (префиксы *inter-*, *sub-* с пространственным (локативным) значением), *retrolentiformis*, -e (префикс *retro-* с пространственным (направительным) значением). Префиксы выражают значения уточняющего, конкретизирующего характера.

Опорный компонент *-formis*, -e в русских соответствиях чаще представлен вариантом *-видный* (60% словоупотреблений), реже – вариантом *-образный* (24% словоупотреблений), в одном случае – вариантом *-формный*. Известно, что в русском языке высокочастотны композиты с опорным компонентом *-видный* [13, с. 323]. В некоторых случаях в русском эквиваленте нет вышеуказанных конечных элементов: *costiformis*, -e ‘реберный’, *restiformis*, -e ‘веревчатый’. Обратим внимание на существование латинских синонимов: *processus costiformis* – *processus costalis* [21, с. 647]. В единичном случае русский эквивалент представляет собой описательный оборот без сложного прилагательного: *uterus includiformis* ‘матка с верхней частью в виде наковальни’.

Анатомические наименования, в составе которых функционируют сложные имена прилагательные, относятся к различным подсистемам: кости, соединения, мышцы, половая система, полость живота и таза, нервная система, органы чувств.

Подобные композиты также функционируют в других терминологических системах, а именно в биологических наименованиях: *Holtermannia corniformis*, *Xylaria corniformis* (вид грибов: Холтерманния роговидная, Ксилария роговидная), *Xyris difformis* (травянистое растение: Ксирис разнородный, изменчивый), *Phanaeus difformis* (вид навозных жуков), а также в названиях заболеваний и болезненных состояний: *keratitis disciformis* ‘кератит с дисковидным помутнением’, *keratitis filiformis* ‘кератит с образованием серых нитей’, *pulsus filiformis* ‘нитевидный пульс’, *sputum puriforme* ‘мокрота гнойно-слизистая или гнойная’. Это подтверждает вывод о частотности

словоупотребления сложных прилагательных с опорным компонентом *-formis*, *-e* и о продуктивности данной словообразовательной модели.

Выводы

Предлагаемые в статье материалы расширяют представления о функционировании сложных прилагательных с компонентом *-formis*, *-e* в составе анатомических наименований, позволяют разнообразить иллюстративную часть практического занятия по латинскому языку в медицинском вузе, демонстрируют связь со знанием анатомии человека, являются реализацией практико-ориентированного подхода в обучении.

© Анциферова О.Н., 2026

Список источников

1. Бородина М. А. Методические особенности преподавания существительных III склонения медицинской терминологии / М. А. Бородина, Д. Ю. Липсон, А. А. Качалкин, П. И. Савельев, Т. Г. Шавырина // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 3. – С. 141–151.
2. Бородина М. А. Особенности обучения древним языкам в современном профессиональном образовании / М. А. Бородина // Современное педагогическое образование. – 2025. – № 4. – С. 167–173.
3. Качалкин А. А. Систематизирующий подход как основа методологии преподавания латинской терминологии в вузе / А. А. Качалкин // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 62–2. – С.113–116.
4. Голосов А. В. Латинский язык: учебник для учащихся средних медицинских и фармацевтических учебных заведений / А. В. Голосов, Ю. И. Городкова, И. И. Соколов; под общ. ред. М. Я. Сумароковой. – М.: Медицина, 1972. – 248 с.
5. Улитко М. В. Анатомия человека: учебно-методическое пособие / М. В. Улитко, И. М. Петрова, А. А. Якимов; под общ. ред. М. В. Улитко; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 88 с.
6. Качалкин А. А. Латинский язык vs. основы терминологии (вопросы методологии) / А. А. Качалкин // Конструктивные педагогические заметки. – 2021. – № 9-1(15). – С. 325–333.
7. Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* / В. Ф. Новодранова; Рос. академия наук; Ин-т языкознания. МГМСУ. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 328 с.
8. Бахрушина Л. А. Словообразовательные модели анатомических терминов: учебное пособие по специальностям 31.05.01 «Лечебное дело», 31.05.02 «Педиатрия», 32.05.01 «Медико-профилактическое дело» / Л. А. Бахрушина; под ред. В. Ф. Новодрановой, Министерство образования и науки РФ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. – 191 с.
9. Бехтер А. П. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебник / А. П. Бехтер. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2017. – 140 с.
10. Шавырина Т. Г. Латинский язык для ветеринарно-санитарных экспертов: учебное пособие /Т. Г. Шавырина, Е. А. Просекова, А. Э. Семак, Е. В. Панина; Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева. – М.: РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева, 2023. – 91 с.
11. Нечай М. Н. Латинский язык и стоматологическая терминология: учебник. Под ред. В. Ф. Новодрановой. – 2-е изд., стереотип. – М.: КНОРУС, 2021. – 320 с.
12. Петрова Г. В. Латинский язык и медицинская терминология: учебник / Г. В. Петрова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2021. – 512 с.

13. Русская грамматика: в 2 т. Т. I / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
14. Нечай М. Н. Латинский язык для педиатрических факультетов: учебное пособие. – 4-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2016. – 352 с.
15. Архипова И. С. Terminologia medica latina. Латинская медицинская терминология: учебное пособие по латинскому языку для студентов лечебных факультетов медицинских вузов / И. С. Архипова, М. Б. Дриккер, О. Г. Олехнович, О. Ю. Ольшванг, А. В. Тихомирова. – Екатеринбург, УГМУ, 2019. – 224с.
16. Латинско-русский словарь / Авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2015. – 1344 с.
17. Латинско-русский медицинский словарь / Авт.-сост. С. И. Вольфсон; под ред. А. Г. Лушникова. – М.: Медгиз, 1957. – 423 с.
18. Международная анатомическая терминология / Под ред. Л.Л. Колесникова. – М.: Медицина, 2003. – 424 с.
19. Международная анатомическая терминология с грамматикой латинских терминов / под ред. Г. В. Петровой. – М.: Абрис, 2019. – 368 с.
20. Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3-х томах. Около 60 000 терминов / Гл. ред. Б. В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1982–1984.
21. Анатомия человека: полный компактный атлас / сост. Ю. В. Боянович. – 6-е изд. М.: Эксмо, 2020. – 736 с.

References

1. Borodina M. A., Lipson D.YU, Kachalkin A. A., Savel'ev P. I., Shavyrina T. G. Metodicheskie osobennosti prepodavaniya sushchestvitel'nykh III skloneniya medicinskoj terminologii [Methodological Features of Teaching Third-Declension Nouns in Medical Terminology]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern pedagogical education], 2019. – No. 3. – Pp. 141–151.
2. Borodina M. A. Osobennosti obucheniya drevnim yazykam v sovremennom professional'nom obrazovanii [Features of Teaching Ancient Languages in Modern Professional Education]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern pedagogical education], 2025. – No. 4. – Pp. 167–173.
3. Kachalkin A. A. Sistematiziruyushchij podkhod kak osnova metodologii prepodavaniya latinskoj terminologii v vuze [A systematic approach as the basis of teaching Latin terminology in higher education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern teacher education], 2019. – Vol. 62. – No. 2. – Pp. 113–116.
4. Golosov A. V., Gorodkova YU. I., Sokolov I. I. Latinskij yazyk: uchebnik dlya uchashchikhsya srednikh medicinskikh i farmacevticheskikh uchebnykh zavedenij [Latin: A Textbook for Secondary Medical and Pharmaceutical Education Students]. Moscow, Publishing House Medicine, 1972. – 248 p.
5. Ulitko M. V., Petrova I. M, Yakimov A. A. Anatomiya cheloveka: uchebno-metodicheskoe posobie [Human Anatomy: Textbook and Teaching Guide]. Yekaterinburg, Ural University Publishing House Ekaterinburg, 2018. – 88 p.
6. Kachalkin A. A. Latinskij yazyk vs. osnovy terminologii (voprosy metodologii) [Latin vs. Fundamentals of Terminology (Methodological Issues)]. *Konstruktivnye pedagogicheskie zametki* [Constructive pedagogical notes], 2021. – Vol. 9. – No. 1(15). – Pp. 325–333.
7. Novodranova V. F. Imennoe slovoobrazovanie v latinskom yazyke i ego otrazhenie v terminologii. Laterculi vocum Latinarum et terminorum [Nominal word formation in Latin and its reflection in terminology. Laterculi vocum Latinarum et terminorum]. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2008. – 328 p.
8. Bakhrushina L. A. Slovoobrazovatel'nye modeli anatomicheskikh terminov: uchebnoe posobie po special'nostyam 31.05.01 «Lechebnoe delo», 31.05.02 «Pediatriya», 32.05.01 «Mediko-profilakticheskoe delo» [Word-building models of anatomical terms: a textbook for the

specialties 31.05.01 "Medical Care", 31.05.02 "Pediatrics", and 32.05.01 "Medical and Preventive Care"]. Moscow, GEOTAR-Media Publishing House, 2018. – 191 p.

9. Bekhter A.P. Latinskij yazyk i osnovy medicinskoj terminologii: uchebnik [Latin and the Basics of Medical Terminology: A Textbook]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publishing House, 2017. – 140 p.

10. Shavyrina T. G., Prosekova E. A., Semak A. EH., Panina E. V. Latinskij yazyk dlya veterinarno-sanitarnykh ehkspertov: uchebnoe posobie [Latin for Veterinary and Sanitary Experts: A Study Guide]. Moscow, K. A. Timiryazev Russian State Agrarian University-Moscow Agricultural Academy, 2023. – 91 p.

11. Nechaj M. N. Latinskij yazyk i stomatologicheskaya terminologiya: uchebnik. [Latin and Dental Terminology: A Textbook]. Moscow, KNORUS Publishing House, 2021. – 320 p.

12. Petrova G. Vs. Latinskij yazyk i medicinskaya terminologiya: uchebnik [Latin and Medical Terminology: A Textbook]. Moscow, GEOTAR-Media Publishing, 2021. – 512 p.

13. Shvedova N. YU. Russkaya grammatika: v 2 t. T. I. [Russian Grammar: In 2 Volumes. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publishing House, 1980. – 784 p.

14. Nechaj M. N. Latinskij yazyk dlya pediatricheskikh fakul'tetov: uchebnoe posobie [Latin for Pediatric Faculties: A Textbook]. Moscow, KNORUS Publishing House, 2016. – 352 p.

15. Arkhipova I. S., Driker M. V., Olekhovich O. G., Ol'shvang O. YU., Tikhomirova A. V. Terminologia medica latina. Latinskaya medicinskaya terminologiya: uchebnoe posobie po latinskomu yazyku dlya studentov lechebnykh fakul'tetov medicinskikh vuzov [Latin Medical Terminology: A Latin Language Textbook for Medical Students]. Yekaterinburg, UGMU Publishing House, 2019. – 224 p.

16. Tananushko K. A. Latinsko-russkij slovar' [Latin-Russian dictionary]. Minsk, Harvest Publishing House, 2015. – 1344 p.

17. Vol'fon S. I. Latinsko-russkij medicinskij slovar' [Latin-Russian medical Dictionary]. Moscow, Medgiz Publishing House, 1957. – 423 p.

18. Kolesnikov L. L. Mezhdunarodnaya anatomicheskaya terminologiya [International anatomical terminology]. Moscow, Publishing house Medicine, 2003. – 424 p.

19. Petrova G. Vs. Mezhdunarodnaya anatomicheskaya terminologiya s grammatikoj latinskikh terminov [International anatomical terminology with the grammar of Latin terms]. Moscow, Abris Publishing House, 2019. – 368 p.

20. Petrovskij B.V. Ehnciklopedicheskij slovar' medicinskikh terminov: V 3-kh tomakh. Okolo 60 000 terminov [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms: In 3 volumes. About 60,000 terms]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publishing House, 1982–1984.

21. Boyanovich YU. V. Anatomiya cheloveka: polnyj kompaktnyj atlas [Human Anatomy: A Complete Compact Atlas]. Moscow, Eksmo Publishing House, 2020. – 736 p.

Анциферова Ольга Николаевна	кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия antsiferovaon@yandex.ru
Antsiferova Olga Nikolaevna	candidate of philology, associate professor, Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia antsiferovaon@yandex.ru

Научная статья

УДК 81-119

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-17-26>

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПРАВА И ИСКУССТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ

Светлана Хазраильевна Аргашокова¹, Евгения Владимировна Демидова², Мариам Рафиковна Манукян³

^{1,2,3} Пятигорский Государственный Университет, Пятигорск, Россия

¹argashokova78@mail.ru

²eva.demidova.85@list.ru

³35mariam@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется взаимодействие терминологических систем права и искусства в современном англоязычном дискурсе. Объектом анализа является юридическая терминология, которая переходит в сферу искусства и используется для описания художественных практик, институциональных отношений и зрительского опыта. Цель исследования – выявить основные виды семантических преобразований в процессе транстерминологизации юридических терминов. Материал включает термины искусства, взятые из статей журнала Art Monthly и определения из авторитетных англоязычных словарей юридических терминов, которые позволяют реконструировать первоначальные юридические значения и проследить их семантическую трансформацию в терминосистеме искусства. В исследовании используются компонентный, контекстуальный и семантический анализы. В результате выделяются два основных типа транстерминологизации: первый связан с сохранением юридического семантического ядра при его расширении посредством метафорического или метонимического переноса; второй предполагает более глубокое переосмысление, при котором юридическая составляющая отодвигается на второй план, а в центре оказываются новые культурно и эстетически нагруженные значения. Показано, что транстерминологизация, затрагивающая сферы права и искусства, не только обогащает обе терминосистемы, подвергая трансформации значение терминов права в терминосистеме искусства, но и существенно изменяет их прагматический потенциал, позволяя им выступать инструментами оценки, институциональной критики и вовлечения аудитории.

Ключевые слова: термин, терминосистема, транстерминологизация, семантическое преобразование, ядро, периферия, терминосистема права, терминосистема искусства

Для цитирования: Аргашокова С.Х., Демидова Е.В., Манукян М.Р. Взаимодействие терминологических систем права и искусства через призму транстерминологизации // Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №2. – С. 17-26. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-17-26>

Original article

THE INTERACTION OF TERMINOLOGICAL SYSTEMS OF LAW AND ART THROUGH THE PRISM OF TRANSTERMINOLOGIZATION

Svetlana Kh. Argashokova¹, Evgenia V. Demidova², Mariam R. Manukyan³

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

¹argashokova78@mail.ru

²eva.demidova.85@list.ru

Abstract. The article examines the interaction between the terminological systems of law and art in contemporary English-language discourse. The object of analysis is legal terminology that enters the sphere of art and is used to describe artistic practices, institutional relations, and audience experience. The aim of the study is to identify the main types of semantic transformation in the process of transterminologization of legal terms. The material includes art-related terms taken from articles published in *Art Monthly* and definitions from authoritative English-language dictionaries of legal terms, which make it possible to reconstruct the original legal meanings and trace their semantic transformation within the terminological system of art. The study employs componential, contextual, and semantic analysis. As a result, two main types of transterminologization are identified: the first is associated with the preservation of the legal semantic core while expanding its meaning through metaphorical or metonymic transfer; the second involves a deeper reconceptualization, in which the legal component recedes into the background and new culturally and aesthetically charged meanings come to the fore. It is shown that transterminologization affecting the spheres of law and art not only enriches both terminological systems by transforming the meanings of legal terms within the terminological system of art, but also significantly alters their pragmatic potential, enabling them to function as instruments of evaluation, institutional critique, and audience engagement.

Keywords: term, terminological system, transterminologization, semantic transformation, core, periphery, terminological system of law, terminological system of art

For citation: Argashokova S.Kh., Demidova E.V., Manukyan M.R. The interaction of terminological systems of law and art through the prism of transterminologization, *Linguistics & education*, 2026. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 17-26. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-17-26>

Введение

Неотъемлемым элементом современной профессиональной коммуникации выступает взаимодействие специализированных языков и междисциплинарное распространение профессиональных знаний, что обусловлено потребностью в описании и интерпретации сложных социальных реалий. В таком контексте терминологические системы рассматриваются не как замкнутые, жесткие и упорядоченные наборы слов [1], а как динамично развивающиеся структуры [2], отражающие происходящие изменения в научных парадигмах, институциональных практиках и культурных ценностях. Одним из важных проявлений этого динамизма является перемещение терминов из одной профессиональной области в другую, где они начинают обозначать новые явления, приобретать дополнительные значения или изменять свои прагматические характеристики. Междисциплинарное движение терминов особенно заметно в областях, где пересекаются различные типы знаний, включая взаимодействие права и искусства.

Представляется актуальным проанализировать взаимодействие терминологических систем права и искусства через призму транстерминологизации, понимаемой как перенос термина из одной специализированной области в другую, сопровождающийся семантическими преобразованиями. В отличие от широко обсуждаемых в лингвистике процессов терминологизации и детерминологизации, транстерминологизация включает перемещение терминов через дисциплинарные границы, что приводит к формированию новых междисциплинарных значений и, в некоторых случаях, к появлению междисциплинарных омонимов. Исходя из этого, терминология

права оказывается особенно продуктивным источником заимствований в дискурсе современного искусства, где она используется для репрезентации нормативности.

Цель работы – выявить основные типы семантических преобразований, которые претерпевают термины права при вхождении в современную англоязычную терминосистему искусства, в результате чего представляется возможным выяснить, как эти изменения влияют на прагматический потенциал терминов. В фокусе внимания примеры единиц, в которых юридическое смысловое ядро сохраняется и метафорически расширяется, а также примеры более глубокой реконцептуализации юридического значения, когда первоначальный юридический компонент значения отодвигается на второй план, а на первый план выходят новые культурно-эстетические смыслы. Материалом исследования послужили термины, содержащиеся в статьях из британского искусствоведческого журнала *Art Monthly*, а также толковые словари юридических терминов на английском языке, используемые для реконструкции первоначальных юридических значений и концептуальных структур анализируемых терминов. В исследовании применяются компонентный, контекстуальный и семантический анализы, что позволяет проследить перемещение терминов в терминосистемах права и искусства и типы семантических преобразований, участвующих в процессах транстерминологизации.

Обзор литературы

Терминосистема, выступая «совокупностью терминов, обеспечивающих номинацию основных понятий определенной области знания и сферы деятельности, связанных между собой логическими, семантическими и иными отношениями» [3, с. 28], широко исследуется в работах лингвистов в последние годы [4; 5; 6], что указывает на актуальность данной темы. Интегрируя лексические, семантические, синтаксические и прагматические признаки терминов, терминосистема представляет собой структурированный комплекс, включающий «группы и понятийные классы терминов» [7, с. 202], т.е. специализированные понятия и связанные с ними лексические единицы, формирующиеся и функционирующие в пределах определенной профессиональной области [8].

Обеспечивая однозначность, точность и эффективность коммуникации между специалистами, а также воспроизводимость и преемственность знаний в конкретной профессиональной области, терминосистема, с точки зрения ее функциональной нагрузки, способствует стандартизации языка профессиональной области и интеграции предметных знаний национального и межнационального уровней. Понимание структуры связей в рамках соответствующей терминосистемы облегчает перевод терминов, а также способствует диалогу между представителями различных профессиональных областей.

Учитывая междисциплинарный характер современной социальной и научной среды, терминосистемы находятся в постоянном развитии, пополняясь

новыми терминами, адаптируя существующие термины под современные условия, что способствует взаимодействию и взаимопроникновению профессиональных языков, например, права и искусства. Одним из инструментов пополнения терминосистем выступает транстерминологизация.

Несмотря на то, что в научной среде до сих пор отсутствует однозначное определение транстерминологизации, поскольку она, с одной стороны, трактуется как заимствование терминов из смежных отраслей без переосмысления, с сохранением понятийного объема специальной лексемы, с другой, как «перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением и превращением в межотраслевой омоним» [10, с. 124], мы будем отталкиваться от понимания транстерминологизации как процесса перехода термина из одной отрасли в другую с изменением его семантики или метафоризацией [11, с. 93].

Транстерминологизация строится на соотнесении ядра и периферии значений, реконцептуализации исходных смыслов, активном использовании когнитивных и ассоциативных связей в сознании адресатов [12; 13]. В ситуации взаимодействия права и искусства транстерминологизация становится важным способом развития терминосистем, позволяя терминам эффективно функционировать в иной системе понятийных связей и коммуникативных задач в результате изменения их прагматических функций, что обусловлено необходимостью соответствия нормам другого вида профессионального дискурса.

При этом термины, переходящие из одной профессиональной сферы в другую, сохраняют свое значение в сфере-источнике. Они продолжают функционировать одновременно в двух профессиональных сферах, что требует от адресата высокого уровня профессиональной компетентности или культурной эрудиции [14].

Результаты

Анализ материала выявил несколько типов транстерминологизации при взаимодействии терминосистем права и искусства.

Первый тип транстерминологизации заключается в сохранении ядра правового значения и частичном расширении семантики в терминосистеме искусства. Здесь нами зафиксированы случаи метафорического или метонимического переноса при том, что базовый понятийный компонент (правовое «ядро») сохраняется, дополняясь оценочными или эстетическими значениями, что демонстрируют приводимые ниже примеры.

*Steve McQueen effectively immerses the viewer into a cinema with no images, where one is instead **witnessed** within it, as both momentary onlooker and revealed as image in these painful histories* [15]. – *Стив Маккуин эффективно погружает зрителя в кинотеатр без изображений, где вместо этого он становится свидетелем происходящего, одновременно и как сиюминутный зритель, и как изображение в этих болезненных историях.*

В приведенном примере термин *witness*, в терминосистеме права обозначающий и участника процесса, дающего под присягой показания по делу

на основе непосредственных наблюдений или экспертных знаний, и человека, лично видевшего событие и способного свидетельствовать о нем, и лицо, присутствующее при подписании юридического документа, соответственно, способное подтвердить данный факт своей подписью, и глагол, обозначающий подтверждение совершения юридически значимого действия [16] путем метафорического переноса сценария из сферы права в сферу искусства, обретает значение не участника процесса, а зрителя с его личным опытом «свидетельства» травматической истории, по сути, становясь ее частью. Этот перенос сопровождается расширением прагматического потенциала термина и формированием интердискурсивного эффекта, отражая наложение правового и художественного опыта.

*Neither, it seems – on the **evidence** of the mural, its marketing and gallery interpretation – have they entered the minds of Ofili or Tate commissioners* [17]. – Ни то, ни другое, судя по фреске, ее маркетингу и галерейной интерпретации, не приходило в голову представителям Офили или Тейт.

Реализация метафоры в вышеприведенном примере – лексема *evidence*, в юридическом смысле обозначающая *любые* допустимые судом средства доказывания, направленные на убеждение судьи и /или присяжных в существовании юридически значимых фактов, включая показания свидетелей, экспертов, документы, вещественные доказательства, фотографии [18], в художественном контексте сохраняет статус «улики», однако ею выступает художественное произведение – фреска, которая в правовом контексте обычно не рассматривается в качестве доказательства.

Вторая группа терминов демонстрирует семантическое переосмысление, или реконцептуализацию, при переходе из терминосистемы права в терминосистему искусства. Исходная правовая сема уходит на периферию значения, уступая место переносному, т.е. переосмысленному содержанию.

*Recent artworks by several UK-based artists have in some ways touched upon these possibilities, some more explicitly than others, but largely seek to disturb the categories that forge **normative** culture* [19]. – Недавние работы нескольких британских художников в какой-то мере затрагивают эти возможности, некоторые из них более явно, чем другие, но в основном направлены на то, чтобы нарушить те категории, которые формируют нормативную культуру.

Термин *normative* является одним из важнейших понятий в праве, обозначая соответствие нормам и правилам [20], однако в терминосистеме искусства он подвергается семантической деривации, в результате которой происходит переосмысление и смещение акцента с абстрактного соответствия нормам на критику навязывания норм культурными и институциональными механизмами.

*Even as they were attempting to dissolve formalist object-making, early conceptual artists spoke of their work as sculpture, meaning everything from bits of typewritten paper to performance and its documentation, perhaps out of a perverse desire for **sanction** on the previous generation's terms* [21]. – Даже когда они пытались покончить с формалистическим созданием объектов, ранние

художники-концептуалисты говорили о своей работе как о скульптуре, подразумевая все – от кусочков машинописной бумаги до перформанса и его документации, возможно, из-за извращенного желания получить одобрение на условиях предыдущего поколения.

Здесь транстерминологизация осуществляется путем реконцептуализации термина *sanction*, при которой его юридическая семантика – финансовое взыскание, наказание и формальное одобрение [22] – утрачивает правовую специфику и конкретизируется в культурно-институциональном значении одобрения, признания и легитимации в рамках художественного сообщества.

Отдельного внимания заслуживает изменение прагматического потенциала терминов, сопровождающее транстерминологизацию. В юридическом дискурсе термины выполняют номинативную, концептообразующую, регулятивную и коммуникативную функции [23, с. 3831], называя лицо или понятие, фиксируя его статус, квалификацию деяния, тип процедуры, тем самым обеспечивая предсказуемость коммуникации между участниками. Они способствуют однозначности толкования текстов, т.к. их использование минимизирует риск различий в понимании норм. В терминосистеме искусства те же термины приобретают интерпретативную и, часто оценочную функции, поскольку, подвергаясь метафорическому переосмыслению, они приобретают эмотивный компонент, который транслирует отношение адресанта.

На основании полученных результатов представляется возможным уточнить роль транстерминологизации во взаимодействии терминосистем права и искусства. Во-первых, транстерминологизация выступает не просто способом количественного расширения лексического состава, но механизмом семантической трансформации термина в пределах смежных терминосистем. Во-вторых, транстерминологизированные единицы оказываются узловыми точками пересечения двух терминосистем, через которые в терминосистемах права и искусства актуализируются общие для обеих сфер категории нормы, ответственности, свободы и творчества. В-третьих, анализ прагматических свойств терминов показывает, что переход из одной терминосистемы в другую сопровождается изменением не только семантической структуры, но и коммуникативных функций терминологических единиц. Указанные положения служат основой для дальнейшего анализа отдельных терминов, репрезентирующих зоны пересечения права и искусства, а также для разработки методики их описания в дву- и многоотраслевых терминосистемах.

Заключение

Анализ терминов искусства из статей журнала *Art Monthly* и статей юридических словарей показал, что транстерминологизация терминов права и искусства сопровождается двумя основными типами семантической трансформации: сохранением правового ядра с частичным метафорическим расширением в терминосистеме искусства и более глубокой реконцептуализацией, при которой исходный юридический компонент отодвигается на периферию значения. В ходе компонентного анализа было

установлено, что в первом случае термины сохраняют связь с юридическими процедурами и доказыванием, приобретая дополнительные оценочные значения. Во втором случае переосмысление терминов приводит к актуализации в художественном дискурсе таких значимых для искусства характеристик, как институциональное признание, культурная легитимация, критическая оценка и интерпретационная открытость. Результаты, полученные в ходе исследования, убедительно подтверждают важность транстерминологизации для развития терминосистем права и искусства.

© Аргашокова С.Х., Демидова Е.В., Манукян М.Р., 2026

Список источников

1. Чернышенко А. Г. К вопросу о функционировании и систематизации молодых профессиональных терминологий (на примере терминологии медиации) / А. Г. Чернышенко // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 2-2. – С. 284.
2. Алимуратов О. А., Лату М.Н. Динамические процессы в терминологических системах (на материале современных англоязычных терминосистем) / О. А. Алимуратов, М. Н. Лату // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2012. – № 14. – С. 250–259.
3. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учебно-методическое пособие / Л. В. Ивина. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.
4. Литвишко О. М., Черноусова Ю. А., Карнаух Т. В. Феномен межъязыковой лакунарности в англоязычном юридическом дискурсе / О. М. Литвишко, Ю. А. Черноусова, Т. В. Карнаух // *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*. – 2022. – № 15. – С. 112–125.
5. Милетова Е. В., Литвишко О. М. Сравнительный анализ структурно-семантических особенностей терминологических единиц профессионально-ориентированного дискурса (на материале английского языка) / Е. В. Милетова, О. М. Литвишко // *Филология и человек*. – 2021. – № 1. – С. 49–67. DOI 10.14258/filichel(2021)1-04.
6. Панкова Е. И., Якунина Т. И. Терминологическое поле как структурно-семантический ареал функционирования / Е. И. Панкова, Т. И. Якунина // *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. – 2023. – № 1. – С. 38–46. DOI: 10.18137/RNU.V925X.23.01.P.038.
7. Чернышенко А. Г., Лату М. Н. Системные отношения внутри терминосистем прикладного характера (на материале терминологии информационных технологий и терминологии медиации) А. Г. Чернышенко, М. Н. Лату // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2015. – № 1-2(43). – С. 202–206.
8. Litvishko O., Miletova E. Structural peculiarities of terminological system of international law (based on ILO conventions) / O. Litvishko, E. Miletova // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, Grozny, 01–03 ноября 2018 года*. – 2019. – Vol. 58. – P. 2324–2335.
9. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л., Яковлева Е. В. Транстерминологизация как лингвокогнитивный процесс / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова, Е. В. Яковлева // *Научный диалог*. – 2025. – Т. 14. – № 4. – С. 9–37. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-4-9-37.

10. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
11. Мушкина Ю. В. Явление многозначности или процесс терминологизации в современной лингвистике / Ю. В. Мушкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2(135). – С. 92–97.
12. Мальцева Е. И. Процессы транsterминологизации в лингвистике и искусствоведении / Е. И. Мальцева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2(831). – С. 107–118.
13. Хижняк С. П. Когнитивная проблематика в общей теории термина: монография / С. П. Хижняк. – 2-е изд., испр. и доп. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. – 188 с.
14. Балыгина Е. А., Ермолова Т. В., Круковская О. А. Терминологическая вариативность как источник когнитивно-прагматических искажений в переводе научных текстов по психологии / Е. А. Балыгина, Т. В. Ермолова, О. А. Круковская // Язык и текст. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 18–42. DOI: 10.17759/langt.2026130102.
15. Steve McQueen: Bass / Chris McCormack // Art Monthly. – 2024. – No. 478 (Jul–Aug). – URL: <https://www.artmonthly.co.uk/magazine/site/issue/jul-aug-2024?newsletter-buy-button> (дата обращения: 23.03.2026).
16. Witness. Legal Dictionary. – URL: <https://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=2256> (дата обращения: 23.03.2026).
17. Art Monthly. March2024. No. 474. – URL: <https://reader.exacteditions.com/issues/115288/spread/1> (дата обращения: 23.03.2026).
18. Evidence. Legal Dictionary. – URL: <https://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=671> (дата обращения: 23.03.2026).
19. Art Monthly. – 2020. – March. – No. 434. – URL: <https://reader.exacteditions.com/issues/86884/page/17> (дата обращения: 23.03.2026).
20. Normative. Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/normative#dictionary-entry-1> (дата обращения: 23.03.2026).
21. Art Monthly. – 2011. – November. – No. 351. – URL: <https://reader.exacteditions.com/issues/29760/spread/1> (дата обращения: 23.03.2026).
22. Sanction. Legal Dictionary. – URL: <https://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=1880> (дата обращения: 23.03.2026).
23. Воронцова Ю. А., Галиева Д. А., Хорошко Е. Ю. Лексико-семантическая организация юридического дискурса / Ю. А. Воронцова, Д. А. Галиева, Е. Ю. Хорошко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 12. – С. 3830–3836.

References

1. Chernyshenko A. G. K voprosu o funktsionirovanii i sistematizatsii molodykh professional'nykh terminologiy (na primere terminologii mediatsii) [On functioning and systematization of young professional terminologies (on the example of mediation terminology)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. – 2015. – No. 2-2. – P. 284.
2. Alimuradov O. A., Latu M.N. Dinamicheskie protsessy v terminologicheskikh sistemakh (na materiale sovremennykh angloyazychnykh terminosistem) [Dynamic processes in terminological systems (based on modern English terminological systems)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Topical Issues of Philology and Pedagogical Linguistics]. – 2012. – No. 14. – Pp. 250–259.

3. Ivina L. V. Lingvo-kognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem (na primere angloyazychnoy terminologii venchurnogo finansirovaniya) [Linguo-cognitive foundations of the analysis of sectoral terminological systems (on the example of English terminology of venture financing)]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2003. – 304 p.
4. Litvishko O. M., Chernousova Yu. A., Karnaukh T. V. Fenomen mezh'yazykovoy lakunarnosti v angloyazychnom yuridicheskom diskurse [The phenomenon of interlingual lacunarity in English legal discourse]. Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki [Professional Communication: Top Issues of Linguistics and Teaching Methods]. – 2022. – No. 15. – Pp. 112–125.
5. Miletova E. V., Litvishko O. M. Sravnitel'nyy analiz strukturno-semanticheskikh osobennostey terminologicheskikh edinit professional'no-orientirovannogo diskursa (na materiale angliyskogo yazyka) [Comparative analysis of structural and semantic features of terminological units of professionally oriented discourse (in English)]. Filologiya i chelovek [Philology and Man]. – 2021. – No. 1. – Pp. 49–67. DOI 10.14258/filichel(2021)1-04.
6. Pankova E. I., Yakunina T. I. Terminologicheskoe pole kak strukturno-semanticheskii areal funktsionirovaniya [Terminological field as a structural and semantic area of functioning]. Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire [Bulletin of Russian New University. Series: Human in the Modern World]. – 2023. – No. 1 – Pp. 38–46. DOI 10.18137/RNU.V925X.23.01.P.038.
7. Chernyshenko A. G., Latu M. N. Sistemnye otnosheniya vnutri terminosistem prikladnogo kharaktera (na materiale terminologii informatsionnykh tekhnologiy i terminologii mediatsii) [System relations within applied terminological systems (based on IT and mediation terminology)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. – 2015. – No. 1-2(43). – Pp. 202–206.
8. Litvishko O., Miletova E. Structural peculiarities of terminological system of international law (based on ILO conventions). The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS), SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, Grozny, 01–03 November 2018. – 2019. – Vol. 58. – Pp. 2324–2335.
9. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L., Yakovleva E. V. Transterminologizatsiya kak lingvokognitivnyy protsess [Trans-terminologization as a linguistic-cognitive process]. Nauchnyi dialog. – 2025. – No. 14(4). – Pp. 9–37. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-4-9-37.
10. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. Obshchaya terminologiya: voprosy teorii [General terminology: Issues of theory]. Moscow, Nauka, 1989, 246 p.
11. Mushkina Yu. V. Yavlenie mnogoznachnosti ili protsess terminologizatsii v sovremennoy lingvistike [Polysemy phenomenon or terminologization process in modern linguistics]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Volgograd State Pedagogical University]. – 2019. – No. 2(135). – Pp. 92–97.
12. Maltseva E. I. Protsessy transterminologizatsii v lingvistike i iskusstvovedenii [Transterminologization processes in linguistics and art studies]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. – 2020. – No. 2(831). – Pp. 107–118.
13. Khizhnyak S. P. Kognitivnaya problematika v obshchey teorii termina [Cognitive issues in the general theory of the term]. Saratov State Law Academy, Saratov, 2020, 188 p.
14. Balygina E. A., Ermolova T. V., Krukovskaya O. A. Terminologicheskaya variativnost' kak istochnik kognitivno-pragmaticheskikh iskazheniy v perevode nauchnykh tekstov po psikhologii [Terminological variability as a source of cognitive and pragmatic distortions in the translation of scientific texts in psychology]. Yazyk i tekst [Language and Text]. – 2026. – No. 13(1). – Pp. 18–42. DOI 10.17759/langt.2026130102.

15. McCormack C. Steve McQueen: Bass. *Art Monthly*, 2024, no. 478 (Jul–Aug). URL: <https://www.artmonthly.co.uk/magazine/site/issue/jul-aug-2024?newsletter-buy-button> (accessed 23 March 2026).
16. Witness. Legal Dictionary. URL: <https://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=2256> (accessed 23 March 2026).
17. *Art Monthly*. 2024, March, No. 474. URL: <https://reader.exacteditions.com/issues/115288/spread/1> (accessed 23 March 2026).
18. Evidence. Legal Dictionary. URL: <https://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=671> (accessed 23 March 2026).
19. *Art Monthly*. 2020, March, No. 434. URL: <https://reader.exacteditions.com/issues/86884/page/17> (accessed 23 March 2026).
20. Normative. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/normative#dictionary-entry-1> (accessed 23 March 2026).
21. *Art Monthly*. 2011, November, No. 351. URL: <https://reader.exacteditions.com/issues/29760/spread/1> (accessed 23 March 2026).
22. Sanction. Legal Dictionary. URL: <https://dictionary.law.com/Default.aspx?selected=1880> (accessed 23 March 2026).
23. Vorontsova Yu. A., Galieva D. A., Khoroshko E. Yu. Leksiko-semanticheskaya organizatsiya yuridicheskogo diskursa [Lexico-semantic organization of legal discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. – 2022. – No. 12. – Pp. 3830–3836.

Аргашокова Светлана Хазраильевна	кандидат филологических наук, Пятигорский Государственный Университет, Пятигорск, Россия argashokova78@mail.ru
Argashokova Svetlana Khazrailievna	candidate of philology, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia argashokova78@mail.ru
Демидова Евгения Владимировна	кандидат филологических наук, Пятигорский Государственный Университет, Пятигорск, Россия eva.demidova.85@list.ru
Demidova Evgenia Vladimirovna	candidate of philology, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia eva.demidova.85@list.ru
Манукян Мариам Рафиковна	старший преподаватель, Пятигорский Государственный Университет, Пятигорск, Россия 35mariam@mail.ru
Manukyan Mariam Rafikovna	senior lecturer, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia 35mariam@mail.ru

Научная статья

УДК 81.42

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-27-34> (английский язык)

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА “MYSTERY” (НА ПРИМЕРЕ АНИМАЦИОННЫХ СЕРИАЛОВ)

Арзу Вахабовна Асадуллаева

Волгоградский социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

a.arzul8@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуются языковые механизмы объективации концепта «mystery» в рамках анимационного дискурса. На основе анализа словарных дефиниций лексемы «mystery» вычленяются и описываются ключевые семантические признаки данного лингвокультурного концепта. Центральной задачей работы является идентификация и анализ вербализаторов концепта с последующим определением их функциональной нагрузки в нарративах анимационных сериалов. Результаты исследования позволили не только описать богатый деривационный потенциал и синонимическое поле ядерной лексемы, но и классифицировать выявленные вербализаторы по трём основным тематическим кластерам: 1) эмоциональная сфера (страх, ужас), 2) мифологизированные агенты (волшебные существа), 3) категории непознанного (загадочное, необъяснимое). Работа вносит вклад в понимание того, как языковые средства конструируют смысловое поле концепта "mystery" в современном медийном продукте.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, дискурс, mystery, вербализация, анимационные сериалы

Для цитирования: Асадуллаева А. В. Особенности вербализации концепта “mystery” (на примере анимационных сериалов) // Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №2. – С. 27-34. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-27-34>

Original article

VERBALIZATION PECULIARITIES OF THE CONCEPT “MYSTERY” (IN ANIMATED FILMS)

Arzu V. Asadullaeva

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

a.arzul8@yandex.ru

Abstract. This article examines the linguistic strategies employed to objectify and actualize the concept of “mystery” within animated series discourse. Based on a lexicographic analysis of the core lexeme, the work identifies and describes its fundamental semantic components that structure the concept under investigation. The primary focus is on identifying, cataloging, and functionally analyzing the verbalizers of this concept within the narrative fabric of animated storytelling. The research results provide a comprehensive characterization of the derivational potential and synonymous field of the “mystery” lexeme. The identified linguistic means are grouped into three key semantic groups representing the concept: the affective (fear, awe, terror), the mythopoetic (magical, supernatural beings), and the epistemological (the unknown, the inexplicable, the hidden). The conducted analysis demonstrates how linguistic tools contribute to modeling an atmosphere of enigma and constructing a specific worldview within contemporary animated discourse.

Keywords: linguocultural concept, discourse, animated series, mystery, verbalization,

animated series

For citation: Asadullaeva A.V. Verbalization peculiarities of the concept “mystery” (in animated films), *Linguistics & education*, 2026. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 27-34. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-27-34>

Введение

В современной лингвокультурологии и когнитивной лингвистике особый интерес представляет изучение ключевых концептов, структурирующих картину мира и массовое сознание [1], [2], [3]. Концепт “mystery” (*тайна, загадка*) является одним из таких фундаментальных образований, отражающих не только универсальную человеческую потребность в познании непознанного, но и специфику его восприятия в различных видах дискурсов. Концепт “mystery” рассматривался в философском [4], религиозном [5], литературоведческом [6] и других аспектах. Однако его лингвистическая репрезентация в современном медиадискурсе, в частности в анимационном сериале, исследована фрагментарно. Существует значительный пробел в работах, где языковая объективация данного концепта анализировалась бы системно, с учетом его многокомпонентной структуры и взаимодействия с визуальным каналом коммуникации.

В последние десятилетия анимационные сериалы эволюционировали из сугубо развлекательного контента в сложные нарративные системы, активно эксплуатирующие и трансформирующие жанр мистери. Их языковое пространство становится уникальным полем для вербализации данного концепта, где переплетаются элементы разговорной речи, терминологические пласты, мультимодальные тексты (визуальный ряд + вербальная составляющая) и интертекстуальные отсылки. Изучение языковых средств репрезентации концепта “mystery” в анимации позволяет выявить универсальные языковые приёмы, которые делают этот жанр столь притягательным для зрителей разных возрастов.

В качестве материала исследования привлекаются популярные анимационные мультсериалы, такие как “Gravity Falls” [7] и “Over the garden wall” [8], демонстрирующие разнообразие подходов к созданию загадочности (*mystery*).

Цель исследования – выявить и проанализировать языковые особенности вербализации концепта “mystery” в анимационных сериалах.

Полученные результаты исследования

С целью более точного и полного изучения вербализаторов концепта “mystery” представляется необходимым в первую очередь обратиться к его этимологии. Слово “mystery” является обобщённым обозначением того, что неизвестно и неизведанно, возбуждает любопытство и, возможно, благоговение; оно часто используется по отношению к тому, что путает или сбивает с толку, а также вызывает огромный, часто благоговейный интерес.

Важно уточнить, что слово “mystery” изначально было связано с сакральным знанием, доступным только узкому кругу посвящённых. Его история начинается в древнегреческих религиозных практиках, где ‘mystērion’

обозначало тайные обряды и учения, включавшие ритуальные очищения, скрытые от посторонних глаз жертвоприношения.

Этимология слова “mystery” раскрывает саму суть сокрытия:

- 1) “mystēs” – «посвящённый»;
- 2) “myein” – «закрывать» (глаза или уста) [9].

Эта двойственность указывает либо на обет молчания, данный посвящёнными, либо на сокрытие обрядов от непосвящённых, которым было запрещено на них смотреть.

По мере развития общества слово “mystery” приобретало все больше значений, но большинство из них сохранили оттенок религиозности (*religious truth via divine revelation, hidden spiritual significance, mystical truth*). Другие значения, несвязанные с религией, появились намного позже: нечто скрытое, секретное, тайное, загадочное (*a hidden or secret thing*) и детективный рассказ (*detective story*) как один из жанров литературных произведений [10].

Попытка проанализировать дефиниции изучаемой лексики в лексикографических источниках при помощи семантического и компонентного анализа дает основания выделить следующие компоненты значения, вошедшие в ядро концепта “mystery”:

- 1) *not understood or difficult to understand* (непонятный или сложный для понимания);
- 2) *unexplained or inexplicable, obscure* (необъяснимый или непостижимый, неясный);
- 3) *enigmatic* (таинственный);
- 4) *concealed or secretive* (сокрытый или секретный);
- 5) *mysterious* (загадочный);
- 6) *profound* (сложный);
- 7) *religious or sacramental* (религиозный или сакраментальный) [11].

Важно уточнить, что синонимический ряд ключевой лексики концепта, представленный в словарных статьях, выглядит следующим образом: 1) *ambiguity* (неясность, двусмысленность), *ambiguity* (неоднозначность), *indefiniteness* (неопределенность), *obscurity* (неизвестность), *secrecy* (секретность), *vagueness* (неопределенность), *nebulosity* (туманность), *veiling* (пелена); 2) *detective story or novel* (детективный рассказ или роман), *murder story* (история убийства); 3) *enigma* (тайна), *riddle* (загадка), *puzzle* (загадка, головоломка), *secret* (секрет), *problem* (проблема), *conundrum* (загадка, ребус), *challenge* (загадка, задача), *matter* (вопрос) [12], [13], [14], [15], [16].

В лексикографических источниках также фигурируют ключевые слова, которые вербализируют природу концепта “mystery”: *unknown* (неизвестный), *enigma* (тайна), *question* (вопрос), *problem* (проблема), *murder* (убийство), *secret* (секрет), *strange* (странный), *hidden* (скрытый), *fear* (страх), *eerie* (сверхъестественное), *crime* (преступление), *unexplained* (необъяснимый), *complicated* (сложный), *curiosity* (любопытство), *revelation* (разоблачение), *puzzle* (загадка), *lost* (потерянный), *weird* (странный), *odd* (странный), *dark* (темный) [12], [13], [14], [15], [16].

Таким образом, в результате анализа словарных дефиниций лексемы “mystery” становится очевидной загадочная, скрытая, неизведанная природа изучаемого концепта.

Далее необходимо идентифицировать способы репрезентации / вербализации концепта “mystery” в анимационных сериалах “Gravity Falls” [7] и “Over the garden wall” [8]. Для выполнения задачи использовалось номинативное поле лексемы, ее синонимы и дериваты.

В первую очередь необходимо отметить, что концепт “mystery” отражен непосредственно в названии сериала – “Over the garden wall”. Действие сериала происходит в параллельной вселенной, в которую герои попадают после пересечения этой «изгороди». “The garden wall” – это метафоричное название для границы между двумя мирами, обычным и неизведанным. Что именно там находится – для всех является «тайной». Слово “Unknown” (*неизвестный, неизведанный*) (употребляется 7 раз) также является одним из ключевых. Первый эпизод сериала “Over the garden wall” начинается с песни о загадочном месте, название которого “Unknown.” В последствии оно будет постоянно употребляться в речи героев, подчёркивая таинственность леса и всего происходящего там.

Важным аспектом концепта “mystery” в анализируемых сериалах выступает репрезентация чувства страха. Хотя лексема “fear” (*страх*) встречается лишь единожды, она занимает ключевую позицию в смысловом поле. Непознанное и иррациональное по своей природе порождает тревогу, что становится неотъемлемой характеристикой таинственности. В анимационных сериалах этот эмоциональный фон передается через смежные вербализаторы: *eerie* (*сверхестественный*), *horrid* (*ужасный, страшный*), *creepy* (*вызывающий страх*). Именно эти дескрипторы становятся центральными при создании атмосферы загадочных и пугающих событий.

На периферии концепта располагается группа лексем, обозначающих мифологических существ. Они служат дополнительным инструментом для формирования мистического антуража. К ним относятся: *witch* (*ведьма*), *spirits* (*духи*), *ghost* (*привидение*), *fairymother* (*фея-крестная*), *magical tiger* (*волшебный тигр*), *talking bird* (*говорящая птица*). Особое место занимает номинация *Beast* (*Зверь*) – наиболее частотная в этой группе, поскольку обозначает главного антагониста. Его образ окутан тайной, что подчеркивается поэтическими, но зловещими описаниями. *Beast* олицетворяет саму неразгаданность Леса, препятствуя любым попыткам постичь его суть. В целом, большинство сверхестественных существ в нарративе выполняет роль «посвященных» или скрытой угрозы, что придает концепту “mystery” выраженную негативную коннотацию.

К этой же семантической группе примыкает лексема *magic* и ее дериваты, например, *magical*, *magician*, *magically*, напрямую связанные с фантастическими явлениями. Магия предстает как феномен, одновременно пробуждающий любопытство и страх, а ее иррациональная природа делает ее стержневым элементом в структуре концепта «тайны».

К нейтральным или амбивалентным вербализаторам можно отнести прилагательное *mysterious* (загадочный, необъяснимый), а также лексемы *weird* (таинственный, потусторонний) (16) и *vague* (тайный, неуловимый) (1). Слово “weird”, в частности, несет двойственную нагрузку: оно может указывать как на пугающую странность, так и на безобидную непривычность, выступая для персонажей универсальным маркером столкновения с неизведанным.

Таким образом, все представленные репрезентанты можно разделить на три группы: *страх и ужас, загадки, волшебные существа*:

1. Группа «Страх и ужас» (26,01% от общего корпуса примеров). Данная группа занимает центральное положение в реализации концепта, поскольку неизвестное и необъяснимое часто вызывает тревогу и страх. Вербализация этой составляющей включает лексемы, напрямую обозначающие эмоциональные состояния (*fear* (страх), *dread* (ужас), *panic* (паника), *scared* (напуганный)), и прилагательные, описывающие жуткую, пугающую атмосферу (*eerie* (нечто пугающее), *creepy* (вызывающий страх), *spooky* (страшный, зловещий), *horrid* (страшный, ужасный)), а также прямые отсылки к жанру ужасов (*horror* (ужас), *gruesome* (страшный)) [7], [8]. Эти репрезентанты являются ключевыми для создания напряженной, мистической атмосферы в повествовании.

2. Группа «Волшебные существа» (25,17%). Данная группа формирует периферию концепта “mystery”, выступая в качестве важного инструмента для материализации тайны и создания фантастического антуража. В корпус вошли номинации классических существ фольклора и массовой культуры (например, *ghost* (призрак, привидение), *witch* (ведьма), *vampire* (вампир), *werewolf* (оборотень), *zombie* (зомби), *mermaid* (русалка)), а также уникальные авторские создания (*Gobblewonker*, *soothoquitos*, *Mr. Mystery*) [7], [8]. Большинство этих существ выполняет в сюжете роль источников опасности или «посвященных» в тайну, что придает концепту устойчивую негативную коннотацию. Особенно значима эта группа для сериала *Gravity Falls*, где подобные существа являются двигателем сюжета.

3. Группа «Загадки» (48,82%). Эта группа является наиболее обширной, составляя почти половину всех вербализаций, что подтверждает её статус ядерной для концепта. Она включает лексемы, непосредственно связанные с идеей тайны, секрета, головоломки и неясности. В данную семантическую группу входят следующие наиболее употребительные единицы (в скобках указано количество раз употребления слов в речи героев): *unknown* (неизведанный) (21), *weird* (таинственный) (48), *wondrous* (удивительный) (2), *strange* (странный) (37), *secrets* (тайны) (26), *go nuts* (снянуть) (1), *mysteriously* (загадочно) (9), *mysterious* (загадочный) (24), *legend* (легенда) (4), *mystery* (тайна) (21), *to spill the beans* (приоткрыть завесу) (1), *conspiracies* (тайный сговор) (3), *to beware* (опасаться) (8), *suspensions* (подозрения) (6), *murder* (убийство) (7), *keys* (разгадки) (2), *puzzle* (тайна) (3), *trap* (ловушка) (3), *vague* (туманный) (6), *crime* (преступление) (5), *being watched* (преследуемый) (1), *cult* (культ) (5), *investigation* (расследование) (8), *dark* (темный) (17) [7], [8] и другие.

Именно эта группа более всего отражает этимологическую основу и основные словарные значения концепта “mystery”.

Такой значительный объём репрезентантов, объединённых в чёткие тематические группы, свидетельствует о высокой семантической и синонимической плотности средств объективации концепта “mystery”, подчеркивая его важность для англоязычной лингвокультуры и её нарративов.

Вербализация концепта осуществляется преимущественно на лексическом уровне (отдельные лексемы), реже – на уровне фраз и предложений. Хотя в контексте сериалов многие репрезентанты приобретают негативную окраску, большая часть ядерной лексики сохраняет нейтральный характер. Выявленная структура (ядро «загадки» → эмоциональная реакция «страх» → материальное воплощение «существа») позволяет воссоздать целостную картину репрезентации данного концепта в современном анимационном дискурсе.

Заключение

В заключении представляется важным отметить, что концепт “mystery” – это сложное, многогранное ментальное образование. Отмечается, что у концепта “mystery” высокая семиотическая и синонимическая плотность, что является подтверждением его значимости для английской лингвокультуры. Все выявленные смыслы помогают воссоздать целостную картину концепта “mystery” в анимационных сериалах “Over the garden wall” и “Gravity Falls”. Его важными репрезентантами чаще всего являются отдельные лексемы, реже предложения, наиболее ярко выделяются слова: *unknown, weird, beast, fear*. Также необходимо отметить присутствие групп лексем (вербализаторов), связанных между собой: слова, обозначающие мифические существа; слова, обозначающие страх – один из важнейших компонентов тайны, а также слова, обозначающие загадочное.

Перспективой данного исследования нам видится обращение к аудиовизуальной стороне анимационных сериалов для комплексного анализа интересующего нас концепта.

© Асадуллаева А.В., 2026

Список источников

1. Красавский, Н. А. Ключевые эмоциональные концепты в новелле Артура Шницлера "Умирание" / Н. А. Красавский // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2022. – № 6. – С. 207-213.
2. Лингвокультурная концептология: Учебное пособие / С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Пименова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – 288 с.
3. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурная концептология: становление исследовательского направления / Г. Г. Слышкин // Этнокультурная концептология: Межвузовский сборник научных трудов. Том Выпуск 1. – Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2006. – С. 27-38.
4. Filatov, V. From the mystery of life to the mystery of consciousness / V. Filatov // Al Farabi. – 2022. – Vol. 78, No. 2. – Pp. 3-14.

5. Liu, S. The Mystery of Evil and the Hiddenness of God: Understanding Mystery in Christian Theodicy / S. Liu // *Vanderbilt Undergraduate Research Journal*. – 2022. – Vol. 12, No. 1. – Pp. 9-16.
6. Creaney, M. A Mystery Thriller: Paul's Use of the Term 'Mystery' in the New Testament / M. Creaney // *The Expository Times*. – 2003.
7. Gravity Falls. The US. 2012–2016, dir. Alex Hirsch.
8. Over the Garden Wall. The US. 2014, dir. Patrick McHale.
9. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 26.03.2026).
10. Encyclopedia Britannica [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 26.03.2026).
11. Асадуллаева, А. В. Понятийные характеристики лингвокультурного концепта «Тайна» в английской и русской картинах мира / А. В. Асадуллаева // *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки*. – 2025. – № 1(9). – С. 32-35.
12. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 26.03.2026).
13. Collins Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 26.03.2026).
14. FreeDictionary.com [Electronic resource]. URL: <http://www.freedictionary.com/> (дата обращения: 26.03.2026).
15. The Free Merriam Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 26.03.2026).
16. Oxford Dictionary of English [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 26.03.2026).

References

1. Krasavskiy, N. A. Klyuchevyye emotional'nyye kontsepty v novelle Artura Shnitslera "Umiraniye" [Key Emotional Concepts in Arthur Schnitzler's Novella "Dying"] / N. A. Krasavskiy // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. – 2022. – № 6. – Pp. 207-213.
2. Vorkachev, S. G., Karasik, V. I., Maslova, V. A., Pimenova, M. V. Lingvokul'turnaya kontseptologiya: Uchebnoye posobiye. [Linguocultural Conceptology: Textbook] – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet, 2025. – 288 p.
3. Slyshkin, G. G. Lingvokul'turnaya kontseptologiya: stanovleniye issledovatel'skogo napravleniya [Linguocultural Conceptology: The Formation of a Research Field] // G. G. Slyshkin // *Etnokul'turnaya kontseptologiya: Mezhdvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Tom Vypusk 1*. – Elista: Kalmytskiy gosudarstvennyy universitet, 2006. – Pp. 27-38.
4. Filatov, V. From the mystery of life to the mystery of consciousness / V. Filatov // *Al Farabi*. – 2022. – Vol. 78, No. 2. – Pp. 3-14.
5. Liu, S. The Mystery of Evil and the Hiddenness of God: Understanding Mystery in Christian Theodicy / S. Liu // *Vanderbilt Undergraduate Research Journal*. – 2022. – Vol. 12, No. 1. – Pp. 9-16.
6. Creaney, M. A Mystery Thriller: Paul's Use of the Term 'Mystery' in the New Testament / M. Creaney // *The Expository Times*. – 2003.
7. Gravity Falls. The US. 2012–2016, dir. Alex Hirsch.
8. Over the Garden Wall. The US. 2014, dir. Patrick McHale.
9. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 26.03.2026).
10. Encyclopedia Britannica [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 26.03.2026).
11. Asadullaeva, A.V. Ponyatiinye kharakteristiki lingvokul'turnogo kontsepta «Тайна» v angliyskoy i russkoy kartinakh mira [Conceptual Characteristics of the Linguocultural Concept "Mystery" in the English and Russian Worldviews] / A. V. Asadullaeva // *Izvestiya Volgogradskogo ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2026. Том 6 №2*

gosudarstvennogo sotsial'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskiye nauki. – 2025. – № 1(9). – Рр. 32-35.

12. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 26.03.2026).

13. Collins Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 26.03.2026).

14. FreeDictionary.com [Electronic resource]. URL: <http://www.freedictionary.com/> (дата обращения: 26.03.2026).

15. The Free Mariam Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 26.03.2026).

16. Oxford Dictionary of English [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 26.03.2026).

Асадуллаева Арзу Вахабовна	кандидат филологических наук, Волгоградский социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия a.arzu18@yandex.ru
Asadullaeva Arzu Vakhabovna	candidate of philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia a.arzu18@yandex.ru

Научная статья

УДК 82.081:82.1:001.4

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-35-45>

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. А. БУЛГАКОВА

Эльвира Максумовна Байдашева

Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

bem27@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается символика цвета медицинской терминологии в произведениях М.А. Булгакова и цветовая символика в медицинском пространстве. Особое внимание уделяется анализу цветового значения в рассказах «Стальное горло», «Звездная сыпь», «Полотенце с петухом», повести «Собачье сердце». Выявленные медицинские термины в рассказах М.А. Булгакова указывают на то, что медицинские термины с компонентом цветообозначения эмоциогенны и отражают различные коннотативные (положительные и отрицательные) реакции. Понятие цвет (его номинация) является составной частью врачебного знания, древней семиотической системой и важной частью концептуальной картины мира медицины.

Ключевые слова: медицинский термин, цвет, символика цвета, компонент цвета, рассказы

Для цитирования: Байдашева Э. М. Цветовая символика медицинской терминологии в произведениях М.А. Булгакова // Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №2. – С. 35-45. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-35-45>

Original article

COLOR SYMBOLISM OF MEDICAL TERMINOLOGY IN THE WORKS BY M. A. BULGAKOV

Elvira M. Baydasheva

Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia

bem27@mail.ru

Abstract. This article examines the symbolism of the color of medical terminology in the works by M.A. Bulgakov and color symbols in the medical space. Special attention is paid to the analysis of color meanings in the stories "The Steel Throat", "The Starry Rash", "The Towel with Rooster", the novella "Heart of a Dog". The highlighted medical terms in the stories of M.A. Bulgakov indicate that medical terms with a color designation component are emotionally charged and cause various connotative (positive and negative) reactions. The concept of color (its nomination) is an integral part of medical knowledge, an ancient semiotic system, and an important part of the conceptual worldview of medicine.

Keywords: medical term, color, color symbolism, color component, short stories

For citation: Baydasheva E.M. Color symbolism of medical terminology in the works by M.A. Bulgakov, Linguistics & education, 2026. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 35-45. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-35-45>

Введение

В настоящее время современная медицина представляет собой комплекс активно развивающихся наук, а медицинские термины и понятия остаются предметом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов.

Цвет как компонент медицинского термина является составной частью врачебного знания, древней семиотической системой и важной частью концептуальной картины мира медицинской сферы. Они являются бесспорным показателем системности терминологии в целом; позволяют максимально полно представить клиническую картину заболевания, демонстрируют научные основы его развития, способствуют адекватному восприятию врачом и пациентом специальной информации о симптомах, причинах, формах и классификации болезней.

Цель исследования – изучить символику цвета в медицинской терминологии на материале художественных произведений М. А. Булгакова и выявить её роль в создании художественного образа и передаче профессиональной специфики медицинской деятельности.

Как определяет С. И. Маджаева, «язык медицины – это активно функционирующий язык интенсивно развивающейся науки, имеющей огромную социальную значимость в жизни общества» [1, с. 27]. В рамках профессиональной коммуникации язык медицины функционирует как сложная семиотическая система, предназначенная для аккумуляции, трансляции и развития специализированных знаний. Особую роль в этой системе играют термины с компонентом цветообозначения, которые реализуют многоуровневое воздействие на профессиональное сознание. Они

- обеспечивают *эффективную коммуникацию* между участниками медицинского процесса;
- выполняют *информационную функцию*, кодируя визуальные клинические признаки;
- несут *дидактическую нагрузку*, выступая инструментом обучения и формирования профессионального восприятия;
- обладают *эвристическим потенциалом*, способствуя выдвижению диагностических гипотез;
- реализуют *когнитивную функцию*, структурируя концептуальную картину мира медика и формируя профессиональные паттерны мышления.

Популярность цветообозначений в медицинском дискурсе как объекта исследования объясняется тем, что они оказываются частью более глобальной проблемы соотношения содержания и формы языкового знака в том или ином языке, что определяет изучение вопроса особенностей семантики цветообозначений актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Понятие *цвет* (его номинация) является составной частью врачебного знания, древней семиотической системой и важной частью концептуальной картины мира медицины. Как компонент медицинского термина цвет аккумулирует в себе значительную информацию, становится для медицинского

специалиста объективной характеристикой здоровья человека и приобретает статус сущностной характеристики, соотносится с семиотической, ценностной и философско-мировоззренческой картиной мира с учетом особенностей национальной культуры.

Изучению понятия *цветообозначение* в лингвистике, выявлению основных подходов цветообозначения в *функциональном, историческом, грамматическом, лексико-семантическом, когнитивном аспектах*, определению цветообозначения в национально-культурной, языковой картинах мира и в медицинской терминологии посвящены работы Р. В. Алимпиевой [2], Э. М. Байдашевой [3], Н. Б. Бахилиной [4] Е. В. Бекишевой [5], Б. Берлина, Дж. Кея [6], А. П. Василевича [7], С. В. Кезиной [8], В. Г. Кульпиной [9,10], С. И. Маджаевой [11,12], В. А. Московича [13], Л. П. Прокофьевой [14] и др.

Цветовые лексемы входят в состав медицинской терминологии как символы номинации заболеваний, цвета кожи, названий кровяных клеток, внешнего вида больного, особенностей организма.

Проследим значимые этапы эволюции исследовательских подходов к изучению и описанию лингвистики цвета и наметим новые возможности их интеграции в художественной литературе.

Из истории вопроса

Древнегреческий философ Аристотель в трактате писал: «Всё живое стремится к цвету... Цвета по приятности их соответствий могут относиться между собой подобно музыкальным созвучиям и быть взаимно пропорциональными» [Аристотель. О душе. Кн. II. 418a]. Ивли Грант заметил: «Чем больше смотришь на этот мир, тем больше убеждаешься в том, что цвет был создан для красоты, и красота эта – не удовлетворение прихоти человека, а необходимость для него» [15, с. 45]. Действительно, цвет способен возбуждать и подавлять, возносить и низвергать, лечить и облагораживать.

В. В. Драгунский приводит несколько выдержек из замечательной книги Мориса Дерибере «Цвет в деятельности человека»: «...физиологическое и психофизиологическое воздействие цвета на живые существа позволило разработать богатую технику цветотерапии... Особое внимание привлекал *красный цвет*, который использовали ещё средневековые врачи для лечения *ветряной оспы, скарлатины, кори* и некоторых кожных заболеваний. Лечение невралгических явлений светом началось очень давно. Вначале оно было очень эмпиричным, но после наблюдений Плезантона над болеутоляющим свойством света, пропущенного через *голубой фильтр*, и наблюдений Поэга над тем же свойством *фиолетового света*, оно стало более точным. В начале нашего века несколько русских и немецких терапевтов подтвердили наблюдения о благоприятном воздействии *голубых и фиолетовых* лучей при лечении невралгических заболеваний...» [16, с. 72–73].

С античных пор до настоящего времени *цвет* играет огромную роль в картине мира. Античными философами предпринимались попытки объяснить причины возникновения цветов. Вопрос о сущности и значении цвета, а также его влияние на человека интересовало ученых, начиная с Платона (IV в. до н.

э.). Ранняя философская концепция цвета представлена в диалоге Платона «Тимей». Философ определяет цвет следующим образом: «Цвет – это пламя, струящееся от каждого отдельного тела и состоящее из частиц, соразмерных способности нашего зрения ощущать» [17, с. 45]. Это определение закладывает основу для последующих размышлений о природе восприятия цвета. Система Платона основывалась не на идее лучей света, проникающих в глаз, а на лучах «зрения», исходящих из глаза и взаимодействующих с частицами окружающих предметов. Платон считал, что *белый* цвет – это продолжение лучей зрения, а *чёрный* – его противоположность. Для Платона и неоплатоников *белый и золотой, жёлтый* цвета выражали благо, истину, счастье, добро, познание, гармонию; *тёмные* цвета являлись символами зла, бедствий, враждебных человеку сил.

Английские учёные Б. Берлин и П. Кей провели ряд исследований и пришли к выводу, что «процесс возникновения и развития компонента с цветообозначением в различных языках является своего рода языковой универсалией» [6, с. 45]. Учёные подробно исследовали и описали этимологию цветообозначений в книге «Основные цвета» [6, с. 112–130].

Как известно, в выборе предпочитаемого цвета исследователи выдвигают три основных теории: *биологическую теорию* (Херлберт (Hurlbert) и Линг (Ling)), *гендерную схему* (ЛоБью (LoBue) и Делос (Deloache)), *экологическую валентность* (Стивен Палмер (Stephen E. Palmer) и Карен Шлосс (Karen V. Schloss)).

Во-первых, *биологическая теория* репрезентирует цветовые предпочтения, основанные на внутренних биологических механизмах, которые заложены в нас.

Надо признать, что цветовые предпочтения человека к болезни и здоровью остаются прежними. Например, болезнь (*чёрный рак, черная катаракта, черная чума*) человек ассоциирует с *чёрным цветом*, здоровье, в частности с *зеленым цветом* и оттенками (*зеленая аптека, ярко-жёлтым цветом – витамины, розовым – сироп*).

Во-вторых, в основе *гендерной теории* лежит принадлежность к полу. Гендерные стереотипы: мальчика одеваем в *голубую* или *синюю* одежду, девочку – в *розовую*.

В-третьих, при *экологической валентности* влияет жизненный опыт человека. Согласно этой теории, восприятие определённого цвета развивается на основе приобретаемого с течением времени эмоционального опыта, связанного с ним.

Экологическая валентность может объяснить эмоциональную насыщенность цветов и семантическое значение.

Роль цветовых символов медицинской терминологии в произведениях М. А. Булгакова

В настоящее время медицинские термины с цветовым значением в художественном произведении любого писателя являются одним из элементов его стиля и мировосприятия.

Символика, играя важную роль в жизни человека, способствует общению, углублению знаний, получению информации.

Современная лингвистика определяет различные версии смыслового содержания древних символов и эмблем медицины, дошедших до наших времен. При изучении истории возникновения и распространения медицинских символов обратимся к произведениям одного из великих мастеров русской прозы, врачу по образованию, русскому писателю Михаилу Афанасьевичу Булгакову.

Предметом нашего исследования стали рассказы М. А. Булгакова в сборнике «Записки юного врача», такие как «Стальное горло» (1925), «Полотенце с петухом» (1926), «Звездная сыпь» (1926) и повесть «Собачье сердце» (1926).

Название рассказа «Стальное горло» связано с трахеотомией и *серебряной трубкой*, которую поставил доктор девочке Лидке, трех лет, с дифтерией. Прилагательное *стальной*, имеющее цвет стали; *светло-серый с серебристым отливом* определяет с одной стороны прочность, а с другой стороны цвет символизирует медицинский инструмент как вспомогательный и необходимый предмет для больной девочки. После успешной операции и выздоровления девочки по деревням пошел слух о том, что теперь у нее не настоящее, а *стальное горло*. Автор определяет медицинский термин *стальное горло* как символ стойкости, непоколебимости и силы. В тексте автор стремится передать важную информацию о здоровье и лечении точно.

В рассказе «Стальное горло» М. А. Булгаков семикратно использует *синий (лиловый)* цвет, наделяя его негативной коннотацией близости смерти у маленькой девочки, больной дифтерийным крупом. Ключевые примеры:

«...а лицо отливало из розоватого в легонький лиловатый цвет» – постепенное изменение цвета кожи как признак удушья; в данном случае синий цвет передается лиловым. Автор этим цветом усиливает художественное восприятие.

- «...ведь у неё ногти синеют» – цианоз как медицинский симптом кислородного голодания;
- «Лидка синела» – лаконичная, но выразительная фиксация угасания жизни.

Такое цветовое решение подчёркивает критичность состояния пациентки до операции.

В ранних произведениях М. А. Булгакова встречаются сочетания следующих цветов: *красный, белый* (образы медицинских *белых халатов, постелей, марли, окрашенных в кровь*).

Названием рассказа «Звёздная сыпь» М. А. Булгаков вводит в медицину новый термин, обозначающий основной симптом вторичного сифилиса. Будучи педиатром по образованию, писатель сталкивается с таким видом и формой сифилиса, что вынужден фактически стать венерологом. В произведении больной обращается с жалобами: «Глотка вот захрипела» [18, с. 15]. При

осмотре врач фиксирует: «зловещую *красноту* в глотке, странные белые пятна в ней, *мраморную грудь*, заживающую уже первичную язву» на половых органах» [18, с. 16].

Автор использует компонент цветообозначения для конкретного и точного определения болезни и постановки диагноза (*краснота*, *белые пятна*, *мраморная грудь* и т.д.). Медицинские термины с компонентом цветообозначения *краснота*, *белые пятна*, *мраморная грудь* указывают на физиологическое состояние пациента, работу его функциональных систем.

Мастерство писателя заключается в том, что серьезные медицинские ситуации описаны с тонким юмором, литературным блеском и почти всегда с положительным исходом.

Герой произведения «Полотенце с петухом» впервые в жизни делает ампутацию ноги молодой девушке. До этого молодой хирург только смотрел на подобные операции. М. А. Булгаков детально описывает ход операции, но все же остается художником, поэтому не складывается впечатление, что это история болезни. Текст создаёт эффект непосредственного переживания: читатель словно прощупывает пульс героя, находящегося на грани жизни и смерти. Символика цвета усиливает этот контраст: *белый* кодирует темы смерти, болезни и страдания, тогда как *красный* отсылает к образу крови как носителя жизненной силы, необходимой для существования человека.

В произведении «Полотенце с петухом» *белый и красный цвета* в сочетании на полотенце, которое героиня дарит врачу в знак признательности за спасённую жизнь, *символизируют медицину*.

В подробно описанной операции в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», автор больше проявляет себя как художник, а не как врач, художественно описывая симптомы: «Выскочили розовые и жёлтые, плачущие кровавой росой ткани» [18, с. 42]. Но записи в истории болезни, которые делает доктор Борменталь, свидетельствуют о глубоком профессионализме и обстоятельности научного исследования.

В повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» цветовая символика, связанная с медицинской тематикой, приобретает многослойное значение. Автор активно использует *красный*, *белый* и *серый* цвета: их семантика не ограничивается узкопрофессиональным медицинским контекстом, но и служит раскрытию ключевой идеи произведения – осуждению противоестественности революционных преобразований.

Анализ медицинских терминов с компонентом цветообозначения в прозе М. А. Булгакова показывает, что они обладают высокой эмоциогенностью и вызывают у читателя разноплановые коннотативные реакции – как положительные, так и отрицательные. Коннотативный потенциал терминов-фразеологизмов с компонентом цветообозначения свидетельствует о наличии тесной связи семантики обозначения цветового оттенка с ментально-эмоциональными характеристиками коммуникации *врач-врач*, *врач-пациент*, *врач-родственники пациента*.

Вышеописанные произведения свидетельствуют о том, что через цвет автор подчёркивает медицинскую тематику произведения и символику, связанную с работой врача и спасением жизни.

Цветовая языковая картина мира медицинского специалиста выражена медицинскими терминами с компонентом цветообозначения, способствующими её углублению, расширению, индивидуализации, свидетельствующими о специальных знаниях, патологических процессах, симптомах, признаках, методах лечения, лекарственных средствах и т. д.

Исследование показало, что в произведениях М. А. Булгакова язык медицины как символический репрезентант картины мира соотнесен с концептом «цвет», с его эмоциональным, физиологическим, ассоциативным и когнитивным содержанием. Физический цветовой спектр при восприятии человеком превращается в систему цветowych символов, становящихся совокупностью регулятивов в научном мире.

Анализ цветовой символики в цикле рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача» позволяет сделать существенные выводы о функциональной роли цветообозначений: они не только репрезентируют медицинскую тематику, но и служат важным средством раскрытия художественного замысла произведения.

1. Доминирующие цвета и их семантика

В произведениях М. А. Булгакова выделяется триада базовых цветов – *белый, чёрный, красный*, формирующая основу художественного колорита:

- *Белый* символизирует чистоту, неопытность, юность героя (например, «снежно белое полотенце» в рассказе «Полотенце с петухом»), но также может обозначать смерть (*белая простыня*, которой накрывают пациентку). Со временем *белый* цвет теряет первоначальную «чистоту» – это отражает взросление и обретение опыта врачом.

- *Чёрный* связан с тьмой, невежеством, опасностью и смертью. Образ «тьмы египетской» в начале цикла метафорически обозначает отсутствие опыта у молодого доктора и косность окружающей среды.

- *Красный* выступает символом крови, жизни, борьбы. В ряде эпизодов (например, *окровавленные простыни* после успешной операции) он приобретает позитивную коннотацию – сохранения жизни.

2. Специфика медицинской символики

Цветообозначения в медицинской терминологии у М. А. Булгакова выполняют не только номинативную, но и художественно-символическую функцию:

- *белый халат, марля, простыни* – атрибуты медицинской профессии, подчёркивающие стерильность и порядок;
- *красный (кровь)* – маркер критической ситуации, борьбы за жизнь;
- *чёрный (тьма, тени)* – символ неизвестности, страха, профессиональных вызовов.

3. Дополнительные цветовые акценты

Помимо основной триады, автор использует и другие цвета с целью создания атмосферы и раскрытия подтекста:

- *синий/лиловый* («Стальное горло») – признак угрозы, близости смерти (*синюшность кожи* при дифтерийном крупе);
- *зелёный* – редкий, но значимый акцент (*зелёный клочок света от лампы*), дающий проблеск надежды в мрачной обстановке.

4. Художественные приёмы

М. А. Булгаков мастерски применяет *контраст* и *полисемантику* цветообозначений:

- противопоставление *белого* и *красного* (жизнь vs смерть, спасение vs жертва);
- амбивалентность *белого* (чистота/смерть);
- трансформация значения *чёрного* (от физической тьмы к метафорической «тьме невежества»).

5. Роль света

Свет в произведениях выступает *индикатором смысла*:

- фонарь, лампа – символы знания, истины, профессионального долга;
- игра света и тени подчёркивает драматизм ситуаций и эмоциональную напряжённость.

6. Функциональная значимость

Цветовая символика у М. А. Булгакова:

- создаёт атмосферу (тревогу, надежду, отчаяние);
- раскрывает внутренний мир героя (эволюция восприятия мира молодым врачом);
- подчёркивает ключевые моменты сюжета (кульминации, развязки);
- усиливает метафоричность текста, соединяя реальность и мистику.

Заключение

Анализ медицинской лексики в произведениях М. А. Булгакова показывает особую роль цветообозначений: они не выполняют исключительно иллюстративную функцию, а являются структурным элементом текста. Цветовая символика в контексте медицинских терминов реализует комплекс художественных задач, сочетая предметно-конкретное и символическое значения:

- отражает профессиональный контекст (медицинские реалии, инструменты, процедуры);
- служит средством психологической характеристики героя (его страхи, сомнения, победы);
- формирует философский подтекст (борьба жизни и смерти, света и тьмы, знания и невежества);
- создаёт уникальный художественный мир, где цвет становится языком, передающим глубинные смыслы.

Таким образом, М. А. Булгаков демонстрирует новаторский подход к использованию цветообозначений, сочетая традиции русской литературы с индивидуальной стилистикой. Цветовая палитра его произведений не только

визуализирует медицинские ситуации, но и превращает их в мощные символы, раскрывающие вечные темы человеческого существования.

© Байдашева Э. М., 2026

Список источников

1. Маджаева С. И. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование (на материале предметных областей медицины сахарный диабет и СПИД) / С. И. Маджаева. – Астрахань: АГМА, 2012. – 277с.
2. Алимпиева Р. В. Становление лексико-семантических групп цветowych прилагательных в русском языке первой половины XIX в./ Р. В. Алимпиева // Вопросы семантики. – 1982. – № 2. – С. 49-60.
3. Байдашева Э. М. Цветология языка медицины: лингвистические, психологические, социальные аспекты: монография / Э. М. Байдашева. – Астрахань: Изд-во ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, 2024. – 157 с.
4. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. / Н.Б. Бахилина – М. – 1975. – 286 с.
5. Бекишева Е. В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: дис. ... д-ра филол. наук. / Е. В. Бекишева. – М. – 2007. – 401 с.
6. Берлин Б., Кей П. Основные цвета / Б. Берлин, П. Кей // Их универсальность и видоизменения. – М., Знание. – 1969.
7. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко // Под общ. ред. А. П. Василевича. Изд. 2 -е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 216 с.
8. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): Монография / С.В. Кезина. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2005. – 314 с.
9. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета / В. Г. Кульпина. – М., 2001. – 470с.
10. Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветowych концептосфер: монография / В. Г. Кульпина. Отв. ред. В. А. Татаринов. – М: МАКС Пресс, 2019. – 288 с.
11. Маджаева С. И., Байдашева Э. М. Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины / С.И. Маджаева, Э.М. Байдашева // Научные ведомости БелГУ. – Белгород: Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Том 38, №2. – С.219-226.
12. Маджаева С. И., Байдашева Э. М. К вопросу об изучении термина с компонентом цветообозначения в языке медицины / С. И. Маджаева, Э. М. Байдашева // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – №1 (75). – 2020. – С.88-97.
13. Москович В. Л. Система цветообозначений в современном английском языке / В.Л. Москович // Вопросы языкознания. –1960. – № 6. – С. 83-87.
14. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное / Л. П. Прокофьева – Саратов. Изд-во Саратовского медицинского университета. – 2007. – 280 с.
15. Гранд И. Природа цвета / И. Гранд. – М., Стройиздат, 1980.
16. Драгунский В. В. Цветовой личностный тест: Практическое пособие. Мн.: Харвест, 1999. – 448 с.

17. Платон. Государство. Книга седьмая / Платон // Собр. соч.: в 4 т. пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева и др. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 295-326.
18. Булгаков М. А. Записки юного врача / М. Булгаков // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. / вступ. ст. В. Лакшина; коммент. Я. С. Лурье, М. О. Чудаковой. – М.: Худож. лит., – 1992. – С. 5–146; 549-558.

References

1. Madzhaeva S. I. Meditsinskie terminosistemi: stanovlenie, razvitie, funkcionirovanie [Medical Terminologies: Formation, Development, and Functioning] (Based on the Subject Areas of Diabetes Mellitus and AIDS in Medicine). Astrakhan: Astrakhan State Medical Academy, 2012. – 277 p.
2. Alimpieva R. V. Stanovlenie leksiko-semanticheskix grupp czvetovy`x prilagatel`ny`x v russkom yazy`ke pervoj poloviny` XIX v. [Formation of Lexical-Semantic Groups of Color Adjectives in the Russian Language of the First Half of the 19th Century] Voprosy` semantiki [Issues of Semantics] – 1982. – No. 2. – Pp. 49-60.
3. Baydasheva E. M. Czvetologiya yazy`ka mediciny`: lingvisticheskie, psixologicheskie, social`ny`e aspekty`: monografiya [The colorology of the language of medicine: linguistic, psychological, and social aspects: a monograph] Astraxan`: Izd-vo FGBOU VO Astraxanskij GMU Minzdrava Rossii Astrakhan: Astrakhan State Medical University Publishing House, 2024. – 157 p.
4. Baxilina N. B. Istoriya czvetooboznachenij v russkom yazy`ke [History of Color Designations in the Russian Language] – Moscow, 1975. – 286 p.
5. Bekisheva E. V. Formy` yazy`kovoju reprezentacii gnoseologicheskix kategorij v klinicheskoi terminologii [Forms of linguistic representation of epistemological categories in clinical terminology]: dis. ... Dr. Philol. Sciences. / E.V. Bekisheva – M., 2007. – 401 p.
6. Berlin B., Kej P. Osnovny`e czveta [Basic Colors] Ix universal`nost` i vidoizmeneniya. [Their Universality and Modifications] – M., Znanie. – 1969.
7. Vasilevich A. P., Kuzneczova S. N., Mishhenko S.S. Czvet i nazvaniya czveta v russkom yazy`ke [Color and Names of Color in the Russian Language] Under the General Editorship of A. P. Vasilevich. 2nd Edition. – Moscow: LKI Publishing House, 2008. – 216 p.
8. Kezina S. V. Semanticheskoe pole czvetooboznachenij v russkom yazy`ke (diaxronicheskij aspekt) [Semantic Field of Color Designations in the Russian Language (Diachronic Aspect)]: Monograph. Penza: PGPU im. V.G. Belinskogo [PGPU named after V.G. Belinsky], 2005. – 314 p.
9. Kul`pina V. G. Lingvistika czveta [Linguistics of Color] – Moscow, 2001. – 470 p.
10. Kul`pina V. G. Lingvisticheskaya czvetologiya: ot istorii k sovremennosti czvetovy`x konceptosfer: monografiya [Linguistic Colorology: From History to the Present of Color Concept Spheres: Monograph] ed. by V. A. Tatarinov. – Moscow: MAKS Press, 2019. – 288 p.
11. Madzhaeva S.I., Baydasheva E`.M. Terminy` s komponentom czvetooboznacheniya v yazy`ke mediciny` [Terms with a Color Component in the Language of Medicine] Nauchny`e vedomosti BelGu [Scientific Bulletin of BelGU] – Belgorod: Series: Humanities. – 2019. – Vol. 38. – No. 2. – Pp. 219-226.
12. Madzhaeva S. I., Baydasheva E. M. K voprosu ob izuchenii termina s komponentom czvetooboznacheniya v yazy`ke mediciny` [On the Study of a Term with a Color Component in the Language of Medicine] Vestnik Severo-Vostochnogo federal`nogo universiteta imeni M. K. Ammosova [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov] – No. 1 (75). – 2020. – Pp. 88-97.

13. Moskvich V. L. Sistema czvetooboznachenij v sovremennom anglijskom yazy`ke [The System of Color Designations in the Modern English Language] Voprosy Jazykoznanija [Questions of linguistics] – 1960. – No. 6. – Pp. 83-87.
14. Prokof`eva L. P. Zvuko-czvetovaya associativnost`: universal`noe, nacional`noe, individual`noe [Sound-Color Associativity: Universal, National, and Individual] Izd-vo Saratovskogo medicinskogo universiteta. [Saratov Medical University Publishing House] – Saratov. – 2007. – 280 p.
15. Grand I. Priroda tsveta [The Nature of Color] / I. Grand. – Moscow, Stroyizdat, 1980.
16. Dragunskii V. V. Tsvetovoi lichnostnii test [Color Personality Test]: A Practical Guide. Minsk: Harvest, 1999. 448 p.
17. Platon. Gosudarstvo [The State] Book Seven. sobr. soch.: v 4 t. per. s drevnegrech. S.S. Averinceva i dr [Collected Works: in 4 volumes. Translated from Ancient Greek by S. S. Averintsev et al] – Moscow: Mysl, 1994. – Vol. 3 – Pp. 295-326.
18. Bulgakov M. A. Zapiski yunogo vracha [Notes of a Young Doctor] Sobr. soch.: v 5 t. T. 1. / vstup. st. V. Lakshina; komment. Ya. S. Lur`e, M. O. Chudakovej. [Collected Works: in 5 volumes. Vol. 1. / Introduction by V. Lakshin; commentary by Ya.S. Lurie and M.O. Chudakova]. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1992. – Pp. 5-146; 549-558.

Байдашева Эльвира Максutowна	кандидат психологических наук, доцент, Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия bem27@mail.ru
Baydasheva Elvira Maksutovna	candidate of psychology, associate professor, Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia bem27@mail.ru

Научная статья

УДК 811.112.2`36

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-46-54> (таджикский язык)

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ И ПРОКЛЯТИЯ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

Нилуфар Маноновна Исмоилова

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан

nilyufar.manonzoda@bk.ru

Аннотация. В статье *благопожелания и проклятия* в таджикском языке рассматриваются как проявление языковых универсалий. Анализируются их лексико-семантические, прагматические и социокультурные особенности. Выявлено, что национально-культурная специфика формулировок благопожеланий и проклятий обладает универсальным характером, отражает общие для многих языков и культур коммуникативные потребности. Особое внимание уделяется их роли в выражении менталитета, моральных норм, социальных отношений и эмоционального состояния говорящего. Использование фольклорного и разговорного материала позволяет проследить устойчивые формулы и культурную значимость данных выражений в таджикском лингвокультурном пространстве.

Ключевые слова: формулы благопожеланий и проклятий, речевая ситуация, классификация, дуа, проклятие

Для цитирования: Исмоилова Н. М. Благопожелания и проклятия как один из видов языковых универсалий // Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №2. – С. 46-54. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-46-54>

Original article

WISHES AND CURSES AS TYPES OF LINGUISTIC UNIVERSALS

Nilufar M. Ismoilova

Russian-Tajik (Slavic) university, Dushanbe, Tajikistan

nilyufar.manonzoda@bk.ru

Abstract. This article examines good wishes and curses in the Tajik language as manifestations of linguistic universals. Their lexical, semantic, pragmatic, and sociocultural features are analyzed. It is revealed that the national and cultural specificity of the formulations of good wishes and curses is universal in nature, reflecting communicative needs common to many languages and cultures. Particular attention is paid to their role in expressing the speaker's mentality, moral norms, social relations, and emotional state. The use of folklore and colloquial material allows us to trace the stable formulas and cultural significance of these expressions in the Tajik linguistic and cultural space.

Keywords: formulas of good wishes and curses, speech situation, classification, dua, curse

For citation: Ismoilova N. M. Wishes and curses as types of linguistic universals, Linguistics & education, 2026. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 46-54. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-46-54>

Введение

Благопожелания – это речевые высказывания с коммуникативным намерением пожелания какого-либо блага в чей-либо адрес. Это группа

устойчивых формул, именуемых исследователями как «стереотипы», «шаблоны», «атрибуты общения» или «стандарты учтивости», представленные как жанр фольклорного творчества в любом традиционном обществе, которые построены на основе фразеосхемы с неразложимым опорным компонентом и имеющие свои специфические особенности [4, с.76].

Цель исследования – комплексный анализ семантических, коммуникативных и культурных особенностей благопожеланий (дуо) и проклятий в таджикском языке как одного из видов языковых универсалий.

Задачи исследования:

- Определить роль и место данных речевых актов в системе традиционного общения.
- Классифицировать основные типы формул благопожеланий и проклятий.

Материалом исследования послужили фольклорные источники, образцы народной письменной традиции и примеры живой разговорной речи.

Стоит отметить, что благопожелание (дуо) в таджикском языке – это не только пожелание блага кому-либо, также это молитва. Рассмотрим дуо как молитву.

Каримова Ш. указывает в своей работе об особенностях чтения молитв: «Дуохонӣ чанбаи динӣ дошта, одамон ба он бешаку шубҳа эътиқоду ихлос мебанданд» [5, с.16]. – Молитва имеет религиозный аспект, и люди не сомневаются в его реализации» (перевод наш – Н. И.). Дуо это молитва. Она имеет разные коннотации: *дуо дар ҳаққи беморон* – молитвы за больных; *дуо дар ҳаққи фарзандон* – молитвы родителей за детей; *дуо дар ҳаққи тифлон* – молитвы за младенцев; *дуои сафар* – молитвы перед путешествием; *дуои дастархон* – молитвы после еды; *дуои навхонадорон* – молитвы в Новый год; *дуо дар ҳаққи гузаштагон* – молитвы за усопших [6]. Следовательно, мы можем сказать, что молитва как текст обладает как эмоциональными (выражение чувств), так и эмоциогенными (способность вызывать эмоции у другого) характеристиками. В совокупности они обуславливают степень воздействия молитвы на реципиента, и определяют её функциональную роль в системе религиозного дискурса. Это доказывает, что молитва представляет собой не только ритуальный текст, но и является эффективным инструментом эмоционального воздействия и психоэмоциональной саморегуляции.

К эмоциональным составляющим относятся выражение чувств, переживаний и внутреннего состояния говорящего. В молитвах эмоциональные составляющие проявляются через: использование лексики с эмотивной семантикой (например, слова «благодарность», «надежда»); экспрессивные синтаксические конструкции (восклицания, повторы, обращения); интонационные и ритмические особенности, усиливающие эмоциональное воздействие.

Если говорить об эмоциогенных составляющих, то надо дать определение понятию эмоциогенность. По С. И. Маджаевой, эмоциогенность – это способность текста вызывать эмоциональный отклик у реципиента [7]. В

молитвах эмоциогенные компоненты способствуют пробуждению определённых чувств у слушающего или читающего (умиление, утешение, страх, надежда), то есть они выполняют эвокативную функцию. В молитвах используются эмотивные единицы, воздействующие на эмоциональную сферу адресата.

Приведем примеры. *Дуои сафар* читают когда кто-то собирается в путь, в дорогу, так как во время путешествий встречаются различные неприятности, то считается важным перед отправлением в путь, получить благословление родителей (*дуои надару модарро гирифтан*). Очень часто используются такие формулы: «Соқ рафта бией – Поезжай и приезжай в целостности и сохранности»; «Худо сафаратро ба хайр кунад!»; «Рохи сафед! – Счастливого пути!»; «Худованд нигахбон! – Да хранит тебя Бог». Возможно использование в *дуои сафар* прецедентных имен. Одним из таких имен является «Ҳазрати Хучаи Хизр», например: «Илоҳо, сафар бехатар шавад, Ҳазрати Хучаи Хизр роҳбар шавад, ба ҳар чое, ки қадам монанд неқ гардад. Худованд муродашонро ҳосил карда, бо фатҳу зафар боз орад. Солим раванду ғолиб биёянд. Омин. Бираҳматика ё Арҳама-р-роҳимин» – «Пусть путешествие будет безопасным, пусть Хазрат Ходжа Хизр направляет тебя, пусть везде, куда ты ступишь, будет благословенно. Пусть Бог исполнит желания и вернет с победой. Аминь. Милостивый или Милосердный».

Имя Хазрата Хизра, что в переводе с арабского означает "зеленый свет" или "животворный", отражает его роль в исламской вере как святого, покровительствующего путешественникам, управляющего водными ресурсами и дарующего богатство.

Дуои сафар (молитва перед путешествием) – это выражение, которое используется в таджикской культуре для обозначения просьбы о защите и благополучном завершении путешествия. В данном контексте важными элементами являются слова, связанные с понятием «сафар» (путешествие, путь), а также глаголы и имена, связанные с безопасностью и благословением:

«Рохи сафед!» – букв. «Счастливого пути!»; метафорически это пожелание безопасного, благополучного путешествия, где «белый» цвет ассоциируется с чистотой, ясностью и безмятежностью.

«Худованд нигахбон!» – «Да хранит тебя Бог!» – классическое религиозное пожелание защиты в пути.

Использование этих фраз подчёркивает языковую традицию обращения к высшей силе с просьбой о безопасности, удаче и защите. Вместе с тем, использование имен в молитвах, таких как «Ҳазрати Хучаи Хизр», связано с традицией обращения к святому или историческому персонажу, который является символом защиты в пути.

В культуре и традициях таджикского народа, существует обычай произносить молитву после еды как способа благословения и благодарности Аллаху за пищу. Дуои дастархон: “Омин! Шукронаи неъмат, дафъи бало, оқибати кор ба хайр, фотиҳаи касмақасон, ина хӯру боз расон! Поко парвардигор! Хучаи Хизр назар кунад. Бобойи Дехқон назар кунад. Дастархоно

пур шавад. Пури ба файз шавад. Пири бадавлат шавед. Аллоху акбар!» – Аминь! Благодарность за благодать, да будут далеки беды, да будет благословение для тех, кто нуждается! Святой Господь! Худжаи Хизр пусть направит. Пусть столы будут заполнены. Да благословит вас Господь. Аллах велик [7, с. 93].

Дуои дастархон (молитва после еды) представляет собой выражение благодарности и благословения за пищу, которое исполняется в культуре таджиков как часть религиозной и культурной практики. Молитва служит актом признательности перед Аллахом за дарованное благосостояние и надеждой на дальнейшее благополучие. Эти выражения отражают культурные и религиозные представления о важности благодарности, защиты и божественного благословения, которые неизменно присутствуют в жизни таджиков.

Дуо дар ҳаққи фарзандон (молитва родителей за ребенка). Родители просят Аллаха о благословении, защите и руководстве для своих детей, а также о том, чтобы они росли добрыми, умными и праведными людьми. Нет определённых молитв по шаблону, каждый родитель молится за свое дитя и просит от чистого сердца. Распространённым дуо за ребенка является: «Илоҳо ҳазорсола шавӣ; Хока гирӣ, зар гардад»; получить довольство родителей очень важно, так как именно их дуо помогает нам в жизни достичь успеха, добиться своих целей. Очень часто в народе можно услышать: «Дуои падару модарашро гирифт, муваффақ шуд ва Худованд ба ӯ дод» – «Он получил благословение родителей, и Аллах вознаградил его». В данном примере важное место занимает слово «дуо» (молитва). Этот термин в таджикском языке обозначает молитву, обращённую к Богу с просьбой о помощи, защите, благословении. В контексте примера дуо родителей представляют собой просьбы, обращённые к Богу с целью благополучия и развития их детей.

Также можно отметить выражение «Илоҳо ҳазорсола шавӣ; Хока гирӣ, зар гардад» – это фраза, которая может быть интерпретирована как молитва о долголетию и благополучию ребенка. Здесь важно слово «хок» – оно символизирует землю, основу бытия, что в контексте молитвы может означать благополучие и устойчивость. «Зар гардад» может относиться к желанию богатства или процветания.

С прагматической точки зрения молитва родителей является важным инструментом воздействия на реальность и жизнь ребенка. Родители, молясь за своих детей, не только выражают свою любовь и заботу, но и участвуют в формировании судьбы их детей. В таджикской культуре молитва родителей за детей воспринимается как нечто, что имеет реальную силу и может существенно повлиять на жизнь ребенка. Это также связано с религиозной концепцией того, что дуо имеет особую силу, если она произнесена с искренностью и верой.

В таджикской культуре и в целом в исламе благословение родителей играет особую роль. В исламе родительская молитва (дуо) за детей рассматривается как один из способов получения божественного милосердия. В народной мудрости встречаются выражения типа: «Дуои падару модарашро

гирифт, муваффақ шуд ва Худованд ба ӯ дод» («Он получил благословение своих родителей, стал успешным, и Господь дал ему»). Это подчёркивает важность морального и духовного авторитета родителей в жизни их детей.

Молитва в таджикской культуре часто не имеет фиксированной формы, что подчеркивает личный и искренний характер обращения. Каждый родитель молится за своего ребенка по-своему, в зависимости от его состояния, нужд и будущего. Это отличие от более формализованных молитв, существующих в других религиозных традициях, где молитвы могут быть универсальными.

Рассмотрев вышенаписанное дуо от отца и матери, мы можем отметить, что молитвы от родителей являются эмоциональными и эмоциогенными, выражая искренность их мыслей, их любовь и отношение к детям, в которых проявляются их теплые чувства к ним. В таджикской культуре, дуо от родителей и старшего поколения обладают особым благословением; считается, что у ребенка получившего дуо от родителей исполнятся все его желания и будет светлое будущее.

Дуо дар ҳаққи падару модар (Молитва детей за родителей). Дети, молясь за своих родителей, выражают свою благодарность и любовь, а также просят о благословении и благополучии для них. Например: «Эй Парвардигори мо, рӯзе, ки ҳисоб қоим шавад, маро ва падару модарам ва муъминонро биомурз!» – «Господи, прости меня, моих родителей и верующих в тот День, когда будет установлен расчет!» (https://toj.su/crp/Duohomagfiratdarhakkipadarumodar_crp). В данном благопожелании используются термины "День" и "расчет", которые связаны с концепцией Судного дня. Эта идея, широко представленная в различных религиозных традициях, в особенности в исламе и христианстве, подразумевает наступление момента окончательного воздаяния и суда над всеми человеческими душами.

Далее рассмотрим благопожелания как пожелание искренних намерений (пожелание блага):

По структуре и объёму таджикские благопожелания (дуо) делятся на два типа: длинные и короткие [9, с.88]. Длинные молитвы (дуо) обычно состоят из нескольких предложений и выражают чувства говорящего, его пожелания. Они обычно бывают положительного характера (дуои нек). Короткие молитвы состоят из простого предложения, в котором записаны чувства, цели и задачи говорящего, как положительные, так и отрицательные. Короткие молитвы, в свою очередь, по содержанию и цели делятся на хорошие и плохие. Д. Рахими в своей работе “Шугун ва боварҳои мардуми тоҷик” пишет, что короткие молитвы по строению похожи на шугун (хорошая примета, доброе предзнаменование), но между ними существуют отличия:

- Их основная задача совершенно иная. *Дуоҳои кӯтоҳ баръақси шугунҳо бо ифодаҳои маҷозӣ баён шуда метавонанд*. В таджикской народной традиции, когда ожидается неприятное событие или слышится плохое слово, люди используют молитвы, символические приметы и переносные сравнения, чтобы пожелать обратного.

- Короткие молитвы (дуо) могут выражаться метафорическими выражениями, в отличие от шугун (хорошие приметы). Например: *Бигзор роҳи шумо пур аз гул бошад. – Пусть ваш путь будет усыпан цветами*) – метафора жизненного благополучия, гладкой и радостной судьбы.
- *Контексти гӯйиши ин ду паремия аз ҳам фарқи ҷиддӣ дорад* – Контекст использования этих двух паремий (примет и благопожеланий) существенно различается. В контексте использования примет обычно акцент ставится на последствия плохих поступков и на моральные нормы в обществе. А цель или смысл, заключенные в "дуо", могут быть связаны с духовным развитием, с поддержанием надежды и с активным поиском пути к божественному.
- *Дуоҳои кӯтоҳ ба мисли зарбулмасал ба категорияи паремияҳои синтетикӣ ё сермаъно дохил мешавад.* Краткие молитвы (дуо), как и пословицы, относятся к разряду синтетических или многозначных паремий [10, с. 79].

Существует множество видов дуо (благопожеланий), и каждая из них имеет свои особенности, формы и цели. По цели выражения, их можно поделить на следующие группы: **просьба о благополучии** (дуо в основном направлены на пожелания здоровья и удачи); **покаяние и прощение** (некоторые дуо сосредоточены на прощении собственных ошибок или прошений о прощении для других). Особенности благопожеланий связаны с ситуациями, в которых они используются (например, в *дуои сафар* используется прецедентное имя Худжаи Хизр, который был путешественником). Можно сказать, практически для каждого случая в жизни есть дуо.

Одним из распространённых благопожеланий является пожелание *долголетия*. Изобилие фраз, касающихся долголетия в таджикском языке связано с тем, что долголетие является одной из важнейших ценностей таджикской культуры. Среди таких благопожеланий известны: «Сад сола шаведу бад аз он пир шавед. – Доживите до 100 лет, потом состарьтесь»; «Умри дарозу бобаракат бинед – Проживите долгую и баракатную жизнь»; Выражение-пожелание «Умри Саъдӣ ба равед» или «Умри Саъдӣ ба дароед» связано с тем, что великий персидский поэт Саъди Шерози прожил долгую жизнь (107 лет) и человеку, пожелавшему такое, тоже желают дожить до 107 лет.

Другим важным благопожеланием является пожелание *крепкой, счастливой семьи*. Для человека важно создать семью. В таджикской культуре это значимый момент. Именно поэтому, при любых праздниках, мероприятиях желают: «Хамин хона туйхона шавад! – Пусть в этом доме сыграют свадьбу!». Существует ряд распространённых пожеланий (благопожеланий), используемых при формировании новой семьи: «Бахти сафед бинанд! – Пусть будут счастливы!»; «Кӯша пир шаванд! – Пусть состарятся вместе!»; «Фарзанддор шаванд! – Да будут у них дети!».

В контексте речевого взаимодействия, благопожелания выполняют функцию воздействия на адресата. Их цель – выразить позитивное отношение говорящего к партнеру по коммуникации, а также продемонстрировать уважение к общечеловеческим потребностям. Таким образом, они способствуют поддержанию межличностных отношений в желаемом русле.

Выражение агрессии, обращенное к собеседнику, осуществляется в речевых актах проклятия. Под *проклятиями* мы подразумеваем систему словесных формул, являющихся яркими образцами организации текста в соответствии с прагматикой высказывания. Проклятия служат для непосредственного выражения отрицательных чувств как средство прямо реагировать на высказывания, на какой-либо факт, действия человека или живого существа. Традиционно произнесение проклятий представляет собой ритуал, реализующий негативное воздействие. Причина применения проклятий связана с обидой, неприязненным отношением, завистью. Данные речевые формулы являются прагматично ориентированными, предполагающими обязательное наличие конкретного адресата или адресатов.

Проклятия можно классифицировать по тематическим группам:

1) Проклятия, связанные с частями человеческого тела: “Дастонад шикананд – Да сломаются твои руки”; “Забоната ғунда газад – Да укусит твой язык фаланга”; “Калат пӯсад – Да сгинет твоя голова”; “Кӯр шавӣ – Ослепни”;

2) Проклятия, связанные с бытом: 1) «Дар ба дар шавӣ – Остаться тебе бездомным; 2) Молат (хонаву дарат) насибат накунад – Да пропадет все, что принадлежит тебе; 3) “Хонаат андӯххона шавад – Да не будет в твоём доме радости»;

3) Проклятия, связанные с детьми, семьей, домом: 1) Чавонимарг шавӣ – Да умереть тебе молодым; 2) “Аз фарзандонат сер нашавӣ – Не насытись тебе детьми своими”; 3) “Хонаат бисӯзад – Чтоб сгорел твой дом”; 4) “Бадбахт шавӣ – Будь несчастлив»;

Из анализа примеров явствует, что названия частей тела употребляются в проклятиях наиболее часто. Частотными являются те соматонимы, которые выполняют жизненно важные функции для человека. Наиболее уязвимыми частями тела в таджикских проклятиях являются следующие соматонимы: «голова», «язык», «рука», «глаза» и т.д.

Анализ показал, что формулировки благопожеланий и проклятий выполняют следующие функции:

- Коммуникативную – эта функция заключается в процессе передачи информации, намерений и эмоций между людьми.
- Эмотивную – благопожелания и проклятия выражают эмоции говорящего (радость, сочувствие, печаль, обиду, неприязненное отношение, зависть).
- Иллокутивную – благопожелания и проклятия могут влиять на отношения и восприятие в обществе.

В ходе исследования выявлено, что благопожелания и проклятия относятся к числу межъязыковых универсалий. Они участвуют в формировании

языковой картины мира каждого народа (языкового коллектива), отражая исторический, культурный, социальный опыт восприятия и концептуализации мира.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы:

- Молитвы (дуо) носят религиозный характер и используются в народе часто, так как сам пророк призывал людей часто молиться;
- Молитвы (дуо) имеют определенные условия для их реализации: время, обстоятельства, этикет;
- По объёму дуо делятся на короткие и длинные. К длинным в основном относятся благопожелания (дуои нек), а среди коротких есть как благопожелания (дуои нек), так и проклятия (дуои бад);
- Благопожелания и проклятия сопутствуют человеку каждый день и для каждого случая в жизни есть определенное дуо.

© Исмоилова Н.М., 2026

Список источников

1. Мешкова О. В. Типы благопожеланий в традиционном русском родильно-крестильном обряде. Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34 (215). Филология. Искусствоведение. Вып. 49. С. 69–72.
2. Пермьяков Г. Л. Основы структурной паремологии. М.: Наука, 1988 – 227 с.
3. Агапкина Т. А. Благопожелание: ритуал и текст / Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 176.
4. Романовский В. А. Таджикская культура и традиции. – Душанбе: ЭтноКнига, 2010. — С. 123-145 (на тадж яз).
5. Каримова Ш. Расму оинхо оид ба фарзанддор шудани зан. (Дар мисоли ноҳияи Панҷ). (Ритуалы и обряды, связанные с рождением детей у женщины. (В случае Пянджского района). ВЕСТНИК КУЛЬТУРЫ Научно - аналитическое издание 2023, № 1 (61) – 14-23 с. (на тадж яз).
6. Давлатмирова М. Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта "Судьба" (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков). – Душанбе, 2019. – 389с.
7. Маджаева С. И. К проблеме эмоциогенности медицинского термина /С.И. Маджаева // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2015. –№1. – С. 94-104.
8. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. – 160 с.
9. Дуохои магфират дар ҳаққи падару модар (Дуа о родителях) [электронный ресурс] Режим доступа: (https://toj.su/crp/Duohoimagfiratdarhakkipadarumodar_crp), (дата обращения 28.11.24).
10. Рачабӣ Р. Намунае чанд аз фолклори тоҷикони Шаҳрисабз. (Несколько примеров таджикского фольклора из Шахрисабза), Душанбе, 2001. – 132 с. (на тадж яз).
11. Дилшод Раҳимӣ. Шугун ва боварҳои мардуми тоҷик (Пажӯҳиши фолклорӣ) Зери таҳрири профессор Р. Раҳмонӣ. (Приметы и поверья таджикского народа (Фольклорные исследования) Под редакцией профессора Р. Раҳмони) Душанбе: «ОЗАР – 2000» – 136 с. (на тадж яз).

References

1. Meshkova O. V. Tipy blagopozhelanij v tradicionnom russkom rodil'no-krestil'nom obryade. [Types of Good Wishes in the Traditional Russian Birth-Baptism Rite.] Bulletin of Chelyabinsk State University. 2010. – № 34 (215). Philology. Art Criticism. – Vol. 49. – Pp. 69–72.
2. Permyakov G.L. Osnovy strukturnoj paremiologii.[Fundamentals of Structural Paremiology] M.: Nauka, 1988 – 227 p.

3. Agapkina T. A. Blagopozhelanie: ritual i tekst [Good Wishes: Ritual and Text.] / T. A. Agapkina, L. N. Vinogradova // Slavic and Balkan Folklore. M., 1994. – P. 176.
4. Romanovskij V. A. Tadzhijskaya kul'tura i tradicii. [Tajik Culture and Traditions.] – Dushanbe: EtnoKniga, 2010. – Pp. 123-145 (on Tajik lang.).
5. Karimova SH. Rasmu oinho oid ba farzanddor shudani zan. (Dar misoli nohiyai Panj). (Ritualy i obryady, svyazannye s rozhdeniem detej u zhenshciny. (V sluchae Pyandzhskogo rajona). [Rituals and ceremonies associated with the birth of children by a woman. (In the case of the Panj district)] BULLETIN OF CULTURE Scientific and analytical publication, 2023. – № 1 (61) – Pp. 14-23. (on Tajik lang.).
6. Davlatmirova M.B. Universal'noe i etnospecificnoe v yazykovej reprezentacii makrokoncepta "Sud'ba" (na materiale tadjhijskogo, arabskogo i shughnano-rushanskoj gruppy yazykov) [Universal and ethnospecific in the linguistic representation of the macroconcept "Fate" (based on the Tajik, Arabic and Shughni-Rushani group of languages)] – Dushanbe, 2019. – 389 p.
7. Madjaeva S.I. K probleme emozhionnosti medizinskogo termina [On the problem of the emotionality of a medical term] // Vestnik RUDN. Ser. Linguistics. – 2015. – №1. – Pp. 94-104.
8. Bgazhnokov B. H. Adygs'kij etiket. [Adyghe etiquette.] Nalchik: Elbrus, 1978. – 160 p.
9. Duohoi magfirat dar haqqi padaru modar (Dua o roditelyah) [Dua about parents] Access mode: https://toj.su/crp/Duohomagfiratdarhakkipadarumodar_crp, (access date 28.11.24). [Electronic resource]
10. Rajabi R. Namunae chand az folklori tojikoni Shahrissabz. (Neskol'ko primerov tadjhijskogo fol'klora iz Shahrissabza) [Several examples of Tajik folklore from Shakhrisabz], Dushanbe, 2001. – 132 p. (on Tajik lang.)
11. Dilshod Rahimi. Shugun va bovarhoi mardumi tojik (Pazhuhishi folklori) Zeri tahriri professor R. Rahmoni. (Primety i pover'ya tadjhijskogo naroda (Fol'klornye issledovaniya) [Signs and beliefs of the Tajik people (Folklore studies) Edited by Professor R. Rakhmoni] Edited by prof. R. Rahmoni, Dushanbe: «OZAR – 2000» – 136 p. (on Tajik lang.).

Исмоилова Нилуфар Маноновна	преподаватель, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан nilyufar.manonzoda@bk.ru
Ismoilova Nilufar Manonovna	lecturer, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Tajikistan nilyufar.manonzoda@bk.ru

Научная статья

УДК 81`1

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-55-62>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

О КОММУНИКАТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЦВЕТОВЫХ МАРКЕРОВ

Валентина Григорьевна Кульпина

Институт информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), Москва, Россия

vgrkulpina@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – выявление коммуникативной значимости цветообозначения человека и его интерпретационного потенциала. В этом ключе рассматриваются цветовые показатели здоровья человека и его физических состояний в русском языке с привлечением данных польского языка. Цвет в антропоцентрической парадигме анализируется в функции индикатора разнообразных социально и коммуникативно релевантных состояний человека. Проводится внутриязыковое и межъязыковое сопоставление. Указывается на синкретизм цветонаименований и пути его преодоления. Статья адресована преподавателям русского и иностранного языка и специалистам по общему и сопоставительному языкознанию и коммуникативистике.

Ключевые слова: термин цвета, языковая коммуникация, социолингвистика, лингвистический синкретизм, русский язык, польский язык

Для цитирования: Кульпина В. Г. О коммуникативном потенциале цветовых маркеров// Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №2. – С. 55-62. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-55-62>

Original article

ABOUT THE COMMUNICATIVE POTENTIAL OF COLOMARKING

Valentina G. Kulpina

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INSIOSS of RAS), Moscow, Russia

vgrkulpina@mail.ru

Abstract. The goal of the article is to reveal the communicative value of colormarking of people and its interpretational potential. The colour indicators of physical condition of people in Russian language are considered, among them the health indicators are analyzed. The experiences of Polish language are used for the goals of contrastive analyze. The terms of color in anthropocentric paradigm is analyzed in their function of the communicatively and socially relevant indicators of the different physical states of people. There is presented intra- and interlingual comparison of terms of color usage. The color terms' syncretism and the ways of its elimination are indicated. The article is addressed to the teachers of Russian and foreign languages, general and contrastive linguistics, terminology and communication studies.

Keywords: term of color, language communication, sociolinguistics, linguistic syncretism, Russian language, Polish language

For citation: Kulpina V. G. About the communicative potential of colormarking, Linguistics & education, 2026. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 55-62. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-55-62>

Введение

Термины цвета могут быть носителями разнообразнейшей информации о мире, очень разноплановой, помогающей человеку ориентироваться в

пространстве и способствующей его адекватной коммуникации с окружающими. Они являются в том числе весьма информативным индикатором как здоровья человека, так и его нездоровья. Показателем разного типа физических состояний человека может выступать, в частности, цвет разных частей тела человека, а также и «всего» человека.

В наших представлениях, в концептуализации человека как такового через его цветообозначение, могут наблюдаться некоторые достойные внимания особенности. Так, когда мы говорим *румяный человек*, имеется в виду, что у человека *румяные щеки*, что соответствует, по сути, выражению *человек с румяными щеками*. Однако в силу языковой традиции, а, возможно, и в силу действия в языке закона экономии – мы скажем скорее *румяный человек*, при этом мы производим определенное обобщение (от *человека с румяными щеками* к *румяному человеку*). Такие мыслительные операции характерны с точки зрения экономии ментальных усилий, которая «выступает в качестве регулятива, позволяющего упорядочить состав этой системы в ее оптимальных границах – отсекал избыточные и недостаточно надежные с точки зрения возможностей идентификации цвета элементы и сохранять необходимые» [1, с. 91]. И далее: «Особенно наглядно это можно проследить на постоянных эпитетах животных: *лиса рыжая, волк серый, медведь бурый* – в польском языке аналогичная картина. При этом онтологический взгляд на этих животных может показать, что волк не столь уж серый (он разный) [...]. Особенности реально-физического цвета этих животных, цвета в онтологии, показывают, что их цвет варьируется от особи к особи, даже внутри одного и того же вида...» [Там же, с. 89].

Возвращаясь к человеку, наделяемому атрибутом *румяный* – таковой видится окружающим его людям как здоровый (см. выражение *здоровый румянец*). А поскольку здоровье «дружит» с красотой, то такой человек оценивается с давних времен еще и с эстетической точки зрения как приятный на вид, свидетельства чему мы встречаем в художественной литературе – см. в сказке А. С. Пушкина: «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?», где этот факт представлен иносказательно.

Узуальный фактор предопределяет и семантические особенности выражения *цветущий вид*. Обратимся к словарной дефиниции слова *цветущий*: «Покрытый цветом, находящийся в цвету» [2, с. 1458]. Понятие цвета в русском языке самым непосредственным образом связано с цветочными растениями уже в силу происхождения. Когда мы говорим *цветущий сад*, это сочетание в климатических условиях нашей средней полосы способно пробуждать ассоциации с цветущими плодовыми деревьями – такими как яблони, вишни, сливы... Цветки плодовых деревьев в этих широтах белые и розовые (розоватые) – и это приятнейший для глаза цвет. Отсюда и выражение *цветущий вид*, возможно, ассоциативно означает *бело-розовый цвет* лица человека (что в свою очередь является знаком здоровья), см.: «Находящийся в расцвете сил, здоровья. *Цветущая молодая женщина. Цветущее здоровье* || Свидетельствующий о прекрасном здоровье (о внешнем виде, лице и т.п.)» [там

же]. Таким образом, цветущим может быть человек с прекрасным цветом лица, само его лицо, и цветущим (полным цвета и красок) может быть и само здоровье человека (*цветущее здоровье*). В данном случае запрашиваются прямые аналогии с близкородственным польским языком, в котором слово аналогичной русскому причастной структуры kwitnący ‘цветущий’ обращено к слову kwiat ‘цветок’, и таким образом представление о здоровом человеке обладает как структурным, так и семантическим сходством. Человек может быть kwitnący ‘цветущий’, а может быть w kwiecie wieku ‘в цветущем возрасте’. А здоровый цвет лица сигнализируется словом kolorki от слова kolor ‘цвет’ (в уменьшительной форме множественного числа).

Обратившись к термину цвета *розовый* и производной от него цветолексема *розовилицы*, можно убедиться в определенных лексикографически зафиксированных ограничениях на ее употребление. Так, словарно эта лексема фиксируется как цветообозначение лица девушки: «*Розовилиця девушка*» [Там же, с. 1127] (примеры на цветообозначение лица других людей – мужчин и не столь молодых женщин, в словаре отсутствуют). Есть кроме того основания считать, что розовый цвет выступает в качестве цветового показателя здоровья у маленьких детей, см. лексему РОЗОВЫЙ: *Крепкий розовый малыш* [Там же] и на РОЗОВОЩЕКИЙ: *Розовощекий крепыш* [Там же]. Цветовая характеристика здорового ребенка подтверждается и такими словами в составе экземплификаций, как *крепкий* и *крепыш*, характеризующими здоровье как хорошее. Цветопределение *розовый* в словарях может указывать на хорошее здоровье у какого-либо человека через указание на здоровый вид какой-либо части его тела: «*Розовые ногти (...) Розовые губы. Розовые щеки. Розовое лицо*» [2, с. 1127]. Впрочем, цветолексеммы в словарных источниках могут указывать не только на здоровье человека, но и на его нездоровье. Так, на лексему ЩЕКИ представлена оппозиция *розовые щеки* – *бледные щеки* (см.: [Там же, с. 1509], которые могут указывать на определенную ущербность физического состояния человека. Далее рассмотрим некоторые показатели нездоровья.

В коммуникативном аспекте цветолексеммы являются носителями значимой для человека информации – как о его безупречном здоровье, так и о нездоровье. Носителем смыслов может являться как цвет всего человека, так и цвет отдельных частей его тела.

Цветовые индикаторы нездоровья человека

В этом разделе хотелось бы внести некоторые уточнения в представление о терминах цвета. Как известно, каждый термин должен иметь дефиницию. И каждый термин цвета таковой обладает в качестве лексической единицы, являющейся частью терминологического сегмента языка. Вместе с тем термины цвета могут наполняться терминологическим содержанием какой-либо отрасли (другой, не своей исконной), служа этой отрасли и делу профессиональной коммуникации специалистов. «Термин является базовой единицей терминологии какой-либо отрасли и вместе с тем главным базовым понятием терминоведения как науки о термине» [3, с. 92]. Таковы и термины медицины, в

которых имеет место цветовой компонент. Это, например, такие термины, как *желтуха*, *краснуха*, являющиеся номинациями заболеваний. Стоит обратить внимание на то, что в близкородственном польском языке также имеется целый ряд терминов с цветовым компонентом для обозначения известных заболеваний: например, с аналогичной цветосемантикой: *żółtaczka* – *желтуха* (от термина желтого цвета *żółty*); или же с ложно ориентирующей цветовой внутренней формой: см. термин *czervenka* от термина красного цвета *czzerwony*, который означает не *краснуху* (что внушалось бы внутренней формой слова), а *дизентерию*. Среди терминов-цветолексем близкородственных языков могут наблюдаться значительные структурные различия: например, сложному слову – двукорневому термину русского языка *белокровие* – в польском языке соответствует однокорневое слово *białaczka* (на основе термина белого цвета *biały* и суффикса, присущего разговорной речи).

Таким образом, среди терминов на базе цветолексем могут встретиться так называемые *ложные друзья переводчика* (с ложно ориентирующей внутренней формой, отсылающей, вопреки напрашивающимся аналогиям, к другому заболеванию), что, разумеется, кардинально значимо при постановке диагноза. При сопоставлении некоторых цветотерминов обоих языков проявляется также ряд структурных различий как словообразовательного – суффиксального характера, так и различий на линии *однокорневое слово* – *сложное слово*. Указанные различия исключительно релевантны для межъязыковой коммуникации, а пренебрежение ими может иметь далеко идущие негативные последствия.

Медицинские термины (в частности и с цветовым компонентом), вызывают все больший исследовательский интерес. «Причина общественного и лингвистического интереса к медицинской терминологии связана с ее развитием, динамичностью. Медицина связана с самыми главными ценностями – жизнью и здоровьем человека. Активное участие в процессах лечения и излечения, развитие передовых методов, появление новых лекарственных средств обусловило постоянное пополнение языка медицины: появляются новые термины, терминосочетания, которые подвергаются сокращению практически одновременно со своим появлением в языке» [4, с. 140]. Медицинский дискурс особо выделяется среди других типов дискурса, будучи к тому же непосредственно связан с профессиональной языковой личностью – исследователем такого типа дискурса (см.: [5, с. 117–119]).

Показательно, что нездоровье имеет более разнообразную цветовую палитру, чем здоровье, что лишь подтверждает, что диапазон отрицательных характеристик человека в языке всегда разнообразнее, чем положительных.

Может быть приведено немало примеров на цветообозначение разных частей тела человека как показателей нездорового состояния человеческого организма. Выделим некоторые из них. Так, сочетание *красные глаза* (и *красные веки*) может служить показателем болезненных состояний человеческого организма, в частности, говорить о том, что: а) у человека по какой-то причине воспалились глаза (от перенапряжения, от попадания

чужеродного тела (соринки) и др.; б) *красные* (воспаленные) *глаза* могут быть симптоматическим сигналом других воспалительных процессов и болезненных состояний человека; в) такие глаза нередко бывают у невыспавшегося человека (так или иначе такие глаза говорят о неполной кондиции их обладателя). Цветовыми сигналами аналогичных состояний человека в польском языке являются *zaczerwienione oczy* ‘покрасневшие глаза’.

Знаком здоровья или нездоровья и каких-либо других физических состояний человека могут являться его губы. Так, *розовые губы* (польс. *rózowe usta*) – это как бы обычная «цветовая норма». И на таких губах наше внимание обычно не фиксируется. Вместе с тем *бледные губы* – польс. *blade usta* – говорят о нездоровье обладателя таких губ, и это медицинский симптом нездоровья человека. *Синие губы* – польс. *sine usta* ‘синие/сизые губы’ – это также знак нездоровья (возможных проблем с сердцем). Губы человека могут быть признаком каких-либо его физических состояний под воздействием окружающей среды – напр., холода (см. сочетание *посиневшие от холода губы*). В то же время цвет губ может фиксироваться в имплицитном ключе – см. о женских губах: *губы как вишни* или (частотное в польском фольклоре) *usta jak maliny* ‘губы как малина’. Такое цветообозначение губ через сравнение с ягодами внушает не только мысль о здоровье их обладательницы, но и могут вызвать эстетическое чувство – что прочерчивает линию связи здоровья и красоты.

В медицинской симптоматике горло – *красное* или *белое* (с белым налетом) – признак его воспаления, болезненного состояния. Отметим, что при здоровом состоянии человека, цвет не вызывает лингвистического интереса и не фиксируется.

Аналитический материал терминов цвета показывает, что цвет частей тела человека подает коммуникативно значимые сигналы, влияющие на интерпретационный потенциал распознавания заболеваний.

Цветовые сигналы воздействий на физическое состояние человека и цветовые реакции на такие воздействия

В качестве любопытного аспекта проблематики можно выделить некий синкретизм средств цветовой информации и особенности восприятия такой информации реципиентом. Примечательно, что *термин красного цвета* способен указывать на прямо противоположные типы физического воздействия на человека факторов окружающей среды. Так, человек может стать красным / покраснеть как от жары, так и от холода. Возможно, такие цветовые сопряженности ситуативно разнящихся сущностей возникли как результат ассоциативного объединения фоновых знаний (см.: [6, с. 205]). При этом человек в своей каждодневной жизни и коммуникации не замечает «одинаковости» цветовых обозначений столь разных воздействий окружающей его среды, используя такое естественное средство снятия «цветового синкретизма», как углубление в ситуативный контекст. И таким образом, индикаторами типа воздействия среды (жары или холода) и смены состояния человека с нейтрального на специфическое могут служить цветовые маркеры,

«налагаемые» на разные части тела человека. Так, например, *красные/покрасневшие лицо и уши* могут быть сигналом того, что человеку холодно – в ситуации пребывания на свежем воздухе в мороз или стужу. И такие маркеры в своих описаниях людей широко используют художники слова. Также и *красные руки* могут служить сигналом переохлаждения (напр., от пребывания на морозе или от стирки в холодной воде). Аналогичную функцию сигнала переохлаждения может выполнять сочетание *посиневшее лицо* или *красный нос* человека.

Аналогичный цветовой маркер – *красный* – применяется и как индикатор состояния перегревания человека при жаркой погоде – от жары лицо человека *краснеет | становится красным*. Примечательно, что не только такие диаметрально разнящиеся состояния среды и человеческого организма, как жара и холод сигнализируются одним и тем же *термином красного цвета*, но и эмоциональные состояния (стыда и смущения) также выражается этим же термином цвета. Тем не менее, этого противоречия, заключающегося в тождественности языковых средств для обозначения столь разных, «антонимичных» ситуаций мы в реальной жизни не замечаем и адекватно интерпретируем знаки природного и телесно-сенсорного характера. Ведь когда *термин красного цвета* сигнализирует воздействие холода, самой коммуникативной ситуацией человек оказывается включенным в подзону воздействия холода в зоне природной среды человека (см. *покраснение/посинение лица, рук, ушей...* и эвентуально других объектов, напр. рук. Ведь «цвет существует лишь в привязке к определенным объектам, которые в свою очередь группируются по тематическим зонам. Отсюда такая характерная особенность цветовой картины мира, как ее зональное устройство, отражающее распределение терминов цвета по тематическим зонам объектов цветообозначения. Это означает, что функционирование терминов цвета протекает в пределах этих зон в виде цветовых оппозиций. Цветовые зоны носят ярко выраженный антропоцентрический характер. Это зоны внешности человека, характера человека, сферы его чувств, зоны продуктов питания, окружающей его природной и социосреды и ряд других» [7, с. 55–56]. Так, цветосочетание *румяный человек* рассматривается в пределах зоны внешности человека, а *румяный пирог* – в зоне продуктов питания. Добавим, что вышеназванные объекты не идентичны по цвету, а их цветовая сущность может быть определена лишь в пределах соответствующих тематических цветовых зон. И таким образом, «значимости в пределах цветовых зон устанавливаются в силу формировавшейся веками системы оппозиций» [Там же, с. 56] (к примеру, в русском языке в цветовой подзоне глаз (зоны внешности человека) *карие глаза* составляют оппозицию *серым, черным, голубым* и др. глазам. При этом, к примеру, цвет серых глаз не соотносим с цветом серых воробьев, цвет которых рассматривается в подзоне зоосемантики и составляет оппозицию к окрасу других животных. И таковы зональные сопряженности терминов цвета, влияющие на распознавание и интерпретацию их значимости и на выявление их коммуникативных возможностей.

Выводы

Представленная выше дистрибуция цветовых маркеров с точки зрения состояния человека, его здоровья или нездоровья, свидетельствует о зональном устройстве системы цветообозначения в языке и распределении терминов цвета внутри определенных тематических зон цветности [8, с. 165], а также о действии закона экономии в языке, в том числе и в лингвоцветовой номинации [1, с. 77–93], что позволяет с помощью столь небольшого количества основных терминов цвета охватить столь обширный и существенный функционал языка. Ведь цветовая нагрузка приходится именно на основные термины цвета, давно существующих в русском языке: *красный, белый, синий, желтый* и др., и их частеречные конфигурации и модификации (*белизна, желтеющий* и др.), фиксирующие результаты процессов смены состояний человека (*посиневший, пожелтевший, покрасневший*).

Привлекаемый сопоставительный материал близкородственного польского языка демонстрирует в своей принципиальной сущности аналогичное устройство системы цветообозначений, а во многих фрагментах – и наличие параллельных языковых средств. Вместе с тем сопоставительный материал, высвечивая аналогии, в то же время указывает на вариативность моделей терминов цвета, дополнительно на фоне межъязыкового сходства и различий акцентируя особенности устройства терминов русского языка и их коммуникативный потенциал.

Анализ показал, что употребление цветовых маркеров для обозначения состояния здоровья человека и его физической кондиции имеет еще и эстетический аспект, также важный в коммуникативном отношении.

© Кульпина В.Г., 2026

Список источников

1. Кульпина В. Г. Принцип экономии в лингвоцветовой номинации // Экономия в языке и коммуникации / отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ. Институт лингвистики, 2018. – С. 77–93.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
3. Кульпина В. Г. Термин, номен, символ – метаязык музыки и проблемы его лексикографической фиксации // Лингвистика и образование. – 2025. – Том 5. № 2. – С. 90–101.
4. Маджаева С. И. Аббревиация в языке медицины // Терминоведение в России: Путь ученого. Сб. научных статей памяти доктора филологических наук Виктора Андреевича Татарина / Под ред. В. Г. Кульпиной, А. В. Лаврентьева А. И. Мраморнова. – М.: Старая Потловка Пензенской области. – 2026. – С. 128–136.
5. Новодранова В. Ф. Медицинский дискурс // В. А. Татаринцев. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. М.: Московский Лицей, 2006. – С. 117–119.
6. Береснева В. А. Лингвистический синкретизм: онтология и гносеология / отв. ред. В. А. Татаринцев. – Киров: Дом печати Вятка, 2011. – 246 с.
7. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета как ключ к пониманию и переводу образной структуры художественного текста // Вестник Московского университета. – 2023. № 3. – С. 52–71.
8. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. – М.: Московский Лицей, 2001. – С. 165–440.

References

1. Kul'pina V. G. Princip ekonomii v lingvocvetovoj nominacii [The principal of economy in linguistics of colour's nomination] // *Ekonomiya v yazyke i kommunikacii* / otv. red. L.L. Fedorova. – Moscow, RGGU. Institut lingvistiki ki, 2018, – Pp. 77–93.
2. BTS – Bol'shoj tolkovyj slovar/ russkogo yazyka [The great explanatory dictionary of Russian language] / gl. red. S.A. Kuznecov. – Saint Petersburg, Norint, 1998, – 1534 p.
3. Kul'pina V. G. Term, nome, symbol – metazyk muzyki i problemy jeho leksikograficheskoy fiksacii [Term, nomen and symbol – metalanguage of music and the problems of its lexicography fixation] // *Linguistics and education*, 2025. – Vol 5. – No 2. – Pp. 90–101.
4. Madzhaeva S. I. Abbreviaciya v yazyke mediciny // *Terminovedenie v Rossii: Put' uchenogo. Sb nauchnyh statej pamyati doktora filologicheskikh nauk Viktora Andreevicha Tatarinova* / Pod red. V. G. Kul'pinoj, A. V. Lavrent'eva A. I. Mramornova. – M.: Staraya Potlovka Penza region, 2026. – Pp. 128–136.
5. Novodranova V. F. Medicinskiy diskurs [The medical discourse] // V. A. Tatarinov. *Obshchee terminovneniye: Enciklodedicheskiy slovar'*. – Moscow, Moscow Lyceum, 2006. – Pp. 117–119.
6. Beresneva V. A. Lingvisticheskij sinkretizm: ontologiya i gnoseologiya [The linguistic syncretism and gnoseology] / ed. By V. A. Tatarinov. – Kirov, Vyatka Printing House, 2011. – 246 p.
7. Kul'pina V. G. Lingvistika cveta kak kl'uch k ponimaniyu i perevodu obraznoy struktury hudozhestvennogo teksta [The linguistics of colour as a key to the comprehension and translation of the figurative structure of artistic text] // *Vestnik Moskovskogo universitetata, Seria 22, Teoria perevoda*, 2023. – No 3. – P. 52
8. Kul'pina V. G. Lingvistika cveta: Terminy cveta v pol'skom i russkom yazykah [The linguistics of colour: the terms of colour in Polish and in Russian]. – -M.: Moscow Lyceum, 2001. – Pp. 165-440.

Кульпина Валентина Григорьевна	доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия vgrkulpina@mail.ru
Kulpina Valentina Grigoryevna	doctor of philology, associate professor, leading researcher, Institute of scientific information on social sciences (ISISS) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia vgrkulpina@mail.ru

Научная статья

УДК 81`373.43

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-63-72> (немецкий язык)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕРОЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПЛОТНОСТИ В ВОЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э.М. РЕМАРКА “ВРЕМЯ ЖИТЬ И ВРЕМЯ УМИРАТЬ”)

Екатерина Андреевна Куприянычева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

katya_bukreeva@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию репрезентации знания, связанного с трансформацией героя в военном художественном нарративе посредством анализа метафорической плотности. Методика идентификации метафор MIPVU позволила выявить в источнике материала метафоры, которые были распределены на три категории: низкоплотные, среднеплотные и высокоплотные метафоры. При анализе метафор было выявлено, что низкоплотные метафоры фиксируют описание боевых действий и их последствия, среднеплотные включают оценку событий и рефлексии, тогда как высокоплотные характеризуются максимальной экспрессией и интенсивностью переживаний главного героя. Был проведен анализ метафорических контекстов из всех групп метафор, демонстрирующих динамику развития сюжета и внутреннюю эволюцию главного героя. Результаты исследования показывают, что метафорическое пространство произведения отражает изменения в сложном внутреннем мире героя-нарратора, явившегося непосредственным участником описываемых событий.

Ключевые слова: репрезентация знания, военный художественный нарратив, трансформация героя, метафорическая плотность, низкоплотные, среднеплотные и высокоплотные метафоры

Для цитирования: Куприянычева Е. А. Трансформация героя сквозь призму метафорической плотности в военном художественном нарративе (на примере романа Э.М. Ремарка “Время жить и время умирать”) // Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №2. – С. 63-72. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-63-72>

Original article

THE TRANSFORMATION OF THE HERO THROUGH THE PRISM OF METAPHORICAL DENSITY IN A MILITARY ARTISTIC NARRATIVE (BASED ON THE EXAMPLE OF E.M. REMARQUE'S NOVEL “A TIME TO LIVE AND A TIME TO DIE”)

Ekaterina A. Kupriyanicheva

Perm State National Research University, Perm, Russia, Russia

katya_bukreeva@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the representation of knowledge related to the transformation of a hero in a military artistic narrative through the analysis of metaphorical density. The MIPVU metaphor identification technique made it possible to identify metaphors in the source of the material, which were divided into three categories: low-density, medium-density and high-

density metaphors. When analyzing metaphors, it was revealed that low-density metaphors capture the description of hostilities and their consequences, medium-density ones include an assessment of events and reflection, while high-density ones are characterized by maximum expression and intensity of the protagonist's experiences. The analysis of metaphorical contexts from all groups of metaphors was carried out, demonstrating the dynamics of the plot and the internal evolution of the protagonist. The results of the study show that the metaphorical space of the work reflects changes in the complex inner world of the narrator character, who was a direct participant in the events described.

Keywords: representation of knowledge, military artistic narrative, hero transformation, metaphorical density, low-density, medium-density and high-density metaphors

For citation: Kupriyanicheva E.A. The transformation of the hero through the prism of metaphorical density in a military artistic narrative (based on the example of E.M. Remarque's novel "A time to live and a time to die"), *Linguistics & education*, 2026. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 63-72. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-63-72>

Введение

Вопросы, связанные с познанием и передачей знания, всегда интересовали исследователей языка. В рамках развития когнитивной парадигмы в науке происходит концептуальная трансформация подходов к исследованию ментальных конструкторов, отражающих картину мира в индивидуальном и коллективном сознании, – репрезентаций. В современной когнитивистике под репрезентациями преимущественно понимаются «внутренние, или ментальные, репрезентации, которые относятся, с одной стороны, к процессу представления (репрезентации) мира в мышлении людей, а с другой – к единице такого представления. Данная единица используется вместо предметов реального или воображаемого мира и замещает эти предметы в мыслительных процессах» [1]. В данном контексте проблема репрезентации знания приобретает статус центральной эпистемологической проблемы когнитивных наук.

В качестве одного из механизмов познания и репрезентации знания служит метафора. Метафора тесно связывает процессы мышления, восприятия мира и языковой фиксации знаний. Этот феномен изучается в рамках современной когнитивистики, где метафору принято определять, как (основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [2, с. 40]. Изучением метафоры в данном направлении занимались Дж. Лакофф, М. Джонсон, Э. Маккормак, Х. Ортега-и-Гассет, М. Блэк, Г. Стейн, В. А. Маслова, В. Н. Телия, Е. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова, А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, В. В. Петров, Б. А. Серебренников, Е. В. Исаева, М. В. Суворова и другие. Сегодня большинство ученых сходятся во мнении, что метафора – это лингво-когнитивный процесс. Исследователи обращают внимание на то, что метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Обобщив многочисленные современные труды по метафоре, отметим, что метафора представляет собой одну из форм мышления, особенно эффективную

в условиях осмысления каких-то новых реалий, стремления по-новому взглянуть на что-то хорошо известное, преобразовать свойственную адресату картину мира.

Цель настоящего исследования – показать, как метафора, создавая новые репрезентации, влияет на мировоззрение субъекта и меняет его отношение к прошлому опыту, тем самым трансформируя человека.

В качестве источника материала исследования выступает роман Э. М. Ремарка «Время жить и время умирать» (1954 г.), который является ярким образцом военного художественного нарратива.

В современных гуманитарных науках все чаще внимание исследователей обращается к нарративу. Особое значение понятию нарратива уделяется в литературоведении и лингвистике. Под нарративом в литературоведении принято понимать повествовательные произведения любого жанра и функциональности, но это не простое изложение событий, а их объяснение участником события (нарратором, рассказчиком), отделяемого от события пространством или временем. Следует отметить ряд трудов российских и зарубежных ученых, посвященных рассмотрению нарратива, в их числе работы М. М. Бахтина, В. Я. Проппа, В. О. Шкловского, Б. Эйхенбаума, Ц. Тодорова, Р. Барта, Л. Долежела, Г. Женетта, В. Шмида, Г. Принса, С. Чэтмана, Я. Линтфельта [3, с. 17]. В связи с большим интересом к изучению нарратива в литературоведении развивается отдельное направление – нарратология, иными словами теория повествования.

Существует рассмотрение нарратива с позиции лингвистики текста и когнитивной лингвистики [4; 5], а также художественного дискурса [6]. Исследователи, сторонники данной точки зрения на феномен нарратива, отмечают одновременную неразрывную связь нарратива с дискурсивной деятельностью и социокультурным контекстом, поскольку он является продуктом речемыслительного процесса, связанного с познанием, осмыслением и представлением окружающего мира говорящим. Нарратив представляет собой повествовательную структуру, согласно которой люди действуют, говорят, совершают моральные выборы, в нем происходит упорядочивание опыта человека в рассказе о «своем Я» [7]. Таким образом, в структуре нарратива индивидуальный опыт личности преломляется в дискурсивной деятельности и социокультурном контексте.

Настоящее исследование выполнено на стыке литературоведения и лингвистики. Важно отметить, что мы обращаемся к военному художественному нарративу. Его особенность заключается в том, что авторы военного художественного нарратива есть нарраторы, которые лично принимали участие в описываемых ими военных событиях, подвергались определенной трансформации, и пережитый опыт впоследствии структурировали в своих произведениях. За счет детального описания событий до мельчайших подробностей, умения тонко передать эмоциональный фон создается своеобразный эффект погружения в событие. И в то же время, при описании военных действий авторы отстраняются от события, становятся как

бы над ним и предстают в роли наблюдателей, что позволяет взглянуть на происходящее под особым углом зрения [8].

Описание результатов исследования

В фокусе нашего внимания находятся механизмы фиксации информации, описывающей трансформацию персонажа в рамках военного художественного нарратива, а также динамика изменений, происходящих с героем в структуре военного повествования. Для решения поставленной задачи необходимо провести исследование, состоящее из нескольких этапов. В рамках данной статьи мы предлагаем обратиться к рассмотрению метафорической плотности, которая позволяет провести наблюдение за тем, как происходит изменение героя под влиянием военных событий. Обратимся к единице анализа – метафоре. Для поиска метафорических единиц применим процедуру идентификации метафоры MIPVU, разработанную командой европейских ученых [9]. Затем нанесем все идентифицированные метафоры на шкалу метафорической плотности¹ с разметкой страниц источника материала. Ранее метафорическая плотность применялась для анализа другими исследователями и доказала свою эффективность [10, 11, 12, 13, 14], поэтому является надежным инструментом для анализа материала. Следует отметить, что изучение метафорической плотности на материале военного художественного нарратива с учетом современных лингвистических разработок проводится впервые.

На рисунке 1 представлена метафорическая плотность произведения Э. М. Ремарк «Время жить и время умирать» 1954 г. (E.M. Remarque „Zeit zu leben und Zeit zu sterben“ [15]) на языке оригинала.

Рисунок 1 – Метафорическая плотность в романе Э. М. Ремарк «Время жить и время умирать» (Erich Maria Remarque «Zeit zu leben und Zeit zu sterben»)

¹ Метафорическая плотность – это количество метафор на одну страницу текста.

В процессе анализа данных, нашедших свое отображение на графике, было принято решение разделить пики, то есть локации в тексте, где наблюдается различная степень плотности метафор, на 3 группы: низкие пики (низкоплотные метафоры), в которых встречается менее 5 метафорических употреблений; средние пики (среднеплотные метафоры) с плотностью метафор от 5 до 9 и высокие пики (высокоплотные метафоры) со значениями 10 и более метафор на одну страницу текста. Отобразим полученные данные для удобства в процентном соотношении в таблице 1:

Таблица 1 – Соотношение типов метафорической плотности

Низкая плотность	Средняя плотность	Высокая плотность
Менее 5	От 5 до 9	Более 10
56	13	4
76,7%	17,8%	5,5%

Из данных таблицы видно, что в наибольшем количестве представлены низкоплотные метафоры – 56 случаев, за ними в порядке убывания идут среднеплотные метафоры – 13 случаев и самую малочисленную группу образуют высокоплотные метафоры – 4 случая. Приведем наиболее яркие примеры из каждой группы метафор. Обратимся к низкоплотным метафорам, которые представлены в материале исследования в наибольшем количестве по сравнению со средними и высокими пиками – более 76,7 %.

В следующем контексте «Der Russe schien sich zu heben und Graeber entgegenzukommen. Es war, als wölbe er sich, wie **Personen in Juxbuden auf dem Jahrmarkt in einen konvexen Spiegel** (Remarque S. 28)»² репрезентированы три метафоры, которые можно рассматривать как отдельные единицы, так и в качестве компонентов, из которых складывается единый образ. Представленные метафоры связаны с восприятием главным героем русского солдата, пришедшего в себя после бомбардировки, и предстает перед нами человеком, отраженным в кривом зеркале. Метафора **выпуклого/кривого зеркала** («**in einen konvexen Spiegel**»), которое искажает привычное изображение человека, помогает визуализировать состояние солдата после боя, передает его тяжелое самочувствие: он не способен выпрямиться, так как он, возможно, испытывает боль от ранения, либо он получил контузию и потерял ощущение пространства. Данный образ усиливает глагол *sich wölben* («изгибаться, округляться, быть выпуклым, образовывать свод»), что подчеркивает неестественные движения солдата. Кривое зеркало находится **в балагане/аттракционе на ярмарке** («**in Juxbuden**», «**auf dem Jahrmarkt**»), так мы переходим к третьей метафоре. Данные метафоры расширяют пространство, где происходит действие: от одной детали в виде кривого зеркала наше внимание переключается к балагану (будке с аттракционом) и затем расширяется до масштабов ярмарочной площади.

Однако, представленное в произведении событие через метафору «ярмарки», в обычной жизни воспринимаемого нами как яркое и позитивное мероприятие, изображается с сарказмом. Обратимся к «Большому толковому

² Русский, казалось, поднялся и пошел навстречу Грэберу. Это было похоже на то, как если бы он изгибался в отражении кривого зеркала подобно актеру уличного театра на ярмарке.

словарю русского языка» под общей редакцией С. А. Кузнецова, в котором ярмарка – это:

1. Устраиваемый регулярно, в определённое время года и в определённом месте торг, на котором бывают также различные увеселения;

2. Периодически устраиваемый съезд торговых и промышленных организаций, коммерсантов, промышленников, преимущественно для оптовой продажи и закупки товаров по выставленным образцам» [16].

Общие семы, которые объединяют «ярмарку» и «поле боя» следующие: большое количество участников, поведение которых отличается от их поведения в обычной будничной жизни, что связано с определенными целями (продажа товаров и услуг, народные гуляния, всеобщее веселье). Часто ярмарка в нашем сознании рисует образы кипучей жизни, кутежа, в каком-то смысле хаоса и возможные последствия после ее проведения. В данном контексте автор проводит параллель между пространством поля боя после бомбардировки и последствиями ярмарочных гуляний. Образ раненного контуженного солдата усиливает эмоциональное восприятие описываемого события. В данной группе встречаются метафоры, относящиеся к описанию боевых действий и их последствий, а также непосредственных участников сражений и жертв войны.

Приведем пример из числа среднеплотных метафор. Так, в одном из контекстов «Die Erde hob sich und zersprang **in einem Sturm von Donnern und Blitzen** und Dunkelheit (Remarque S. 53)»³ наблюдаем описание поля сражения, которое становится местом проявления природной стихии: все грохочет и сверкает, как если бы нагрянул ураган. Сферой-источником метафорической экспансии является природная стихия. Перенос происходит по общим чертам – это грохот от взрывающихся снарядов, сверкание трассеров и световая волна от взрывов, общий хаос, страх, паника. Однако, среди метафор со средней амплитудой появляются примеры, описывающие не только происходящие события, но и чувства героя (страх, ужас, любовь, тревога, смятение). Например, всполохи от пожаров, которые охватили город, вдруг представляются сценическим светом, сопровождающим возлюбленную главного героя: «Die Bank, auf der sie saßen, war im Schatten, und sie trat hinaus in den wehenden Widerschein der Brände wie eine Tänzerin **in das Licht einer Bühne** (Remarque S. 204)»⁴. Средние пики представляют собой отправную точку трансформации главного героя. Герой, наблюдая за происходящим, по-новому начинает смотреть на вещи, на которые раньше смотрел довольно однозначно. Средние пики метафорической плотности связаны преимущественно с описанием поля боя, которое могло находиться в самом городе либо за пределами жилых кварталов, в деталях описывается поведение участников войны в лице незащищенного населения во время бомбардировки. В отличие от низкоплотных метафор в среднеплотных с возрастающим количеством метафор

³ Земля поднялась и раскололась в буре грома, молний и тьмы.

⁴ Скамейка, на которой они сидели, была в тени, и она [девушка] вышла на свет колеблющегося отблеска пожаров, как танцовщица на свет сцены.

усиливается экспрессия и эмоциональность, а также наблюдается рефлексия главного героя по поводу случившегося, появляются размышления о судьбах участников войны и о будущем.

Наибольшая плотность метафор отмечается в четырех эпизодах произведения. Приведем пример: «Er kannte viele Ängste, **scharfe und dunkle, atemlose und lähmende**, und auch die **letzte**, große, die der Kreatur **vor dem Tode** (Remarque S. 246)»⁵. Человеческий страх представлен в разных своих проявлениях – острый и темный, удушающий и парализующий, и самый ужасный из них – предсмертный страх. Максимальная плотность метафор отмечается в эмоционально сложных эпизодах произведения, где герой оказывается перед трудным выбором. Посредством метафор этой группы автор пытается объяснить абстрактные понятия и передать все оттенки таких чувств как панический страх, пустота и безысходность. Рассуждая о судьбах народов, участвующих в войне, нарратор пытается определить роль каждого народа как в самом событии, так и на общемировой арене. И описывается страх и ужас перед будущим, которое уже не представляется светлым.

Заключение

Проведённая работа позволила прийти к ряду умозаключений. Ключевые из них сводятся к следующему:

1. Военный художественный нарратив является особым типом репрезентации знания. Он не сводится исключительно к последовательному изложению событий, а включает элементы рефлексии и интерпретации со стороны автора и главного героя.

2. Метафора – это экспрессивный и «яркий» инструмент, который позволяет осознать сложные явления и процессы, например, такие, как война, а также проследить за трансформацией главного героя. Идентификация метафор была проведена при помощи методики MIPVU с доказанной эффективностью. Затем была произведена разметка метафорической плотности в источнике материала.

3. Роман Э. М. Ремарка «Время жить и время умирать» характеризуется сложной структурой метафорического пространства. Нами были определены три уровня метафорической плотности – низкоплотные метафоры, составившие 76,7% от общего количества метафор; среднеплотные (17,8%) и высокоплотные (5,5%). На трех уровнях удалось зафиксировать разное содержание нарратива. В низкоплотных метафорах в основном зафиксировано описание боевых действий и их последствий, в среднеплотных помимо описания боевых действий присутствует оценка событий и рефлексия, а высокоплотные метафоры, отличающиеся экспрессивностью, характеризуют моменты повышенной интенсивности переживаний и размышлений главного героя. Исследование показало, что трёхуровневая метафорическая плотность выступает ключевым механизмом, отражающим трансформацию героя,

⁵ Он знал множество страхов, острых и темных, удушающих и парализующих, а также последний, великий, страх существа перед смертью.

изменения в его внутреннем мире и пересмотр оценки событий и их участников.

© Куприянычева Е. А., 2026

Список источников

1. Иноземцев В. А. Репрезентация знания в когнитивных науках / В. А. Иноземцев // Гуманитарный вестник. – 2018. – №7. – С. 1-21.
2. Будаев Э. В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. – 2-е изд., испр. и доп. – 213 с.
3. Трушников Е. А. Лингвистическое моделирование педагогического нарратива: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2025. – 264 с.
4. Алифанова О. Г. Когнитивный и дискурсивный потенциал нарратива: на примере нарратива Священного Писания: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2010. – 167 с.
5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
6. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс / В. А. Андреева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – Вып. 46. – С. 61-71.
7. Сарбин Т. Р. Нарратив как базовая метафора для психологии / Т. Р. Сарбин // Постнеклассическая психология. – 2004. – №1. – С. 6-28.
8. Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие "нарратив" как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура, 2019, – С. 333-348.
9. Gerard J. Steen, Aletta G. Dorst, J. Berenike Herrmann, Anna A. Kaal, Tina Krennmaur и Tryntje Pasma. A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU. John Benjamins Publishing, 2010. – 238 p.
10. Xia Zhao, Yaoyao Han and Xincheng Zhao. A Corpus-based Study of Metaphor in Pavilion of Women // Chinese Semiotic Studies. – 15(1). – Pp. 95-117.
11. Mishlanova S., Ermakova E., Timirkina M. Comparative analysis of Russian and American students' metaphorical competence // Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling (11-18 September, 2016, Lloret de Mar, Spain). – Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation, 2016. – Pp. 141-148.
12. Mishlanova S., Ermakova E. Assessment of metaphorical competence of students-economists in L2 learning (LEVEL A1/A2) // Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling (11-18 September, 2016, Lloret de Mar, Spain). – Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation, 2016. – Pp. 344-354.
13. Тимиркина М. Э., Мишланова С. Л. Сравнительный анализ метафорической компетенции русских и американских студентов / М. Э. Тимиркина, С. Л. Мишланова // Вестник молодых ученых ПГНИУ [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / отв. редактор Р.Р. Гильмутдинов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2016. – Вып. 6. – 14,1 Мб. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – Систем. требования: процессор Intel Pentium, 1,3 ГГц; 40 Мб HDD; 256 Мб RAM; операц. система Windows 98 и выше; рекомендуемое разрешение 1024x576, CD-ROM или DVD-ROM, ПО для чтения документов в формате *pdf; Загл. с этикетки диска. – С. 245-250.
14. Тимиркина М. Э., Мишланова С. Л., Мильц Е. В., Ветрова К. О. Метафорическая компетенция русских и американских студентов / М. Э. Тимиркина, С. Л. Мишланова, Е. В. Мильц, К. О. Ветрова // Евразийский гуманитарный журнал. – 2017. – Вып. 2. – С. 105-109.
15. Remarque E. M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Roman: – Kiepenheuer & Witsch, Köln. – 2. Auflage. – 1999, – 397 S.
16. Большой толковый словарь русского языка под общ. ред. Кузнецова С. А. – URL: <https://djuv.online/file/h38T2vpZl163x?ysclid=mmoomk6mtw883266508> (дата обращения: 15.03.2026).

References

1. Inozemcev V. A. *Reprezentaciya znaniya v kognitivny`x naukah* [Representation of Knowledge in Cognitive Sciences] // *Humanitarian Bulletin*. – 2018. – №7. – Pp. 1-21.
2. Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskom interdiskurse*. [Metaphor in Political Interdiscourse] – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. state ped. un-ty, 2006. – 2nd ed., corrected and enlarged. – 213 p.
3. Trushnikova E. A. *Lingvisticheskoe modelirovanie pedagogicheskogo narrative* [Linguistic Modeling of Pedagogical Narrative]: dis. ... cand. philol. scien. – Perm`, 2025. – 264 p.
4. Alifanova O. G. *Kognitivny`j i diskursivny`j potencial narrativa: na primere narrativa Svyashhennogo Pisaniya* [Cognitive and Discursive Potential of Narrative: on the Example of the Narrative of the Holy Scripture]: dis. ... cand. philol. scien. – Irkutsk, 2010. – 167 p.
5. Makarov M. L. *Osnovy` teorii diskursa*. [Fundamentals of the Theory of Discourse] – M.: ITDGK «Gnozis», 2003. – 280 p.
6. Andreeva V. A. *Literaturny`j narrativ: tekst i diskurs* [Literary narrative: text and discourse]// *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University*. – 2007. – Vol. 46. – Pp. 61-71.
7. Sarbin T. R. *Narrativ kak bazovaya metafora dlya psixologii* [Narrative as a basic metaphor for psychology]// *Post-non-classical psychology*. – 2004. – №1. – Pp. 6-28.
8. Obdalova O. A., Levashkina Z. N. *Ponyatie narrativ kak fenomen kul`tury` i ob`ekt diskursivnoj deyatel`nosti* [Concept of "Narration" as a Cultural Phenomenon and an Object of Discursive Activity]// *Language and Culture*, 2019. – Pp. 333-348.
9. Gerard J. Steen, Aletta G. Dorst, J. Berenike Herrmann, Anna A. Kaal, Tina Krennmayr i Tryntje Pasma. *A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU*. John Benjamins Publishing, 2010. – 238 p.
10. Xia Zhao, Yaoyao Han and Xincheng Zhao. *A Corpus-based Study of Metaphor in Pavilion of Women* // *Chinese Semiotic Studies*. – 15(1). – Pp. 95-117.
11. Mishlanova S., Ermakova E., Timirkina M. *Comparative analysis of Russian and American students' metaphorical competence* [Comparative analysis of Russian and American students' metaphorical competence]// *Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling (11-18 September, 2016, Lloret de Mar, Spain)*. – Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation, 2016. – Pp. 141-148.
12. Mishlanova S., Ermakova E. *Assessment of metaphorical competence of students-economists in L2 learning (LEVEL A1/A2)* // *Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling (11-18 September, 2016, Lloret de Mar, Spain)*. – Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation, 2016. – Pp. 344-354.
13. Timirkina M. E., Mishlanova S. L. *Sravnitel`ny`j analiz metaforicheskoy kompetencii russkih i amerikanskih studentov* [Comparative Analysis of Metaphorical Competence of Russian and American Students]// *Bulletin of Young Scientists of Perm State National Research University* [Electronic resource]: collection of scientific papers. / editor-in-chief R. R. Gilmutdinov; Perm State National Research University. – Electronic Data – Perm, 2016. – Vol. 6. – 14,1 Mb. – 1 electronic optical disc (CD-ROM); 12 cm. – System requirements: Intel Pentium processor, 1.3 GHz; 40 MB HDD; 256 MB RAM; operating system Windows 98 and higher; recommended resolution 1024x576, CD-ROM or DVD-ROM, software for reading documents in *pdf format; Title. from the disc label. – Pp. 245-250.
14. Timirkina M. E., Mishlanova S. L., Mil`cz E. V., Vetrova K. O. *Metaforicheskaya kompetenciya russkih i amerikanskih studentov* [Metaphorical competence of Russian and American students]// *Eurasian Humanitarian Journal*. – 2017. – Vol. 2. – Pp. 105–109.
15. Remarque E. M. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*. Roman: – Kiepenheuer & Witsch, Köln. – 2. Auflage. – 1999, – 397 s.
16. *Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka pod obshh. red. Kuzneczova S. A.* [The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language, under general editorship of Kuznetsov S. A.] – URL: <https://djvu.online/file/h38T2vpZl163x?ysclid=mmoomk6mtw883266508> (access date: 15.03.2026).

Куприянычева Екатерина Андреевна	старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия katya_bukreeva@mail.ru
Kupriyanicheva Ekaterina Andreevna	senior teacher, Perm state national research university, Perm, Russia katya_bukreeva@mail.ru

Научная статья

УДК 81

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-73-79> (английский язык)

СТИЛЕВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОСОДИИ В ЗВУЧАЩЕМ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Елена Леонидовна Фрейдина

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

freydina55@mail.ru

Аннотация. Одной из центральных проблем современных исследований в области фоностилистики является выявление источников просодической вариативности в звучащем тексте. К числу экстралингвистических факторов, определяющих функционально-стилевые модификации просодии английского языка в устном художественном дискурсе, относится «фактор исполнителя». Сопоставление особенностей просодической реализации произведений британской литературы в исполнении профессиональных и непрофессиональных чтецов позволяет продемонстрировать значимость данного фактора в формировании фоностилевых характеристик художественного дискурса и выявить участие сверхсегментных фонетических средств в реализации его экспрессивности.

Ключевые слова: художественный дискурс, контекстные факторы, просодические средства, голос, фоностилистика

Для цитирования: Фрейдина Е. Л. Стилиевая вариативность просодии в звучащем литературно-художественном дискурсе на английском языке // Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №2. – С. 73-79. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-73-79>

Original article

STYLISTIC VARIATION OF PROSODY IN SPOKEN LITERARY DISCOURSE

Elena L. Freidina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

freydina55@mail.ru

Abstract. One of the key problems of phonostylistic studies is the identification of the sources of prosodic variation in oral speech. Functional and stylistic modifications of English prosody in spoken literary discourse (read-aloud prose) are determined (among other factors) by the “factor of the reader”. Comparative analysis of the prosodic realization of British prose performed by professional actors and untrained readers allows us to demonstrate the significance of this factor in forming phonostylistic features of literary discourse and to establish the role of suprasegmental phonetic means in conveying its expressiveness.

Keywords: literary discourse, contextual factors, prosodic means, voice, phonostylistics

For citation: Freidina E. L. Stylistic variation of prosody in spoken literary discourse, Linguistics & education, 2026. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 73-79. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-73-79>

Введение

Современные исследования в области фоностилистики характеризуются особым интересом к изучению просодического варьирования, обусловленного экстралингвистическими (контекстными) факторами. Одной из ключевых проблем данного направления исследований является выявление и функциональная интерпретация корреляционных связей между экстралингвистическим контекстом и просодическими характеристиками устного дискурса. Учитывая, что в реальной речевой коммуникации экстралингвистические факторы находятся в сложном взаимодействии, изучение влияния каждого из них на просодическую реализацию звучащей речи требует особого внимания.

Так, при сопоставлении особенностей просодической реализации текста, прочитанного вслух и спонтанного говорения (*scripted/ unscripted speech*), необходимо учитывать такие факторы, как степень подготовленности (чтение «с листа»/ отрепетированное чтение), а также уровень компетентности исполнителя. Влияние данных факторов на выбор просодических средств особенно ярко проявляется в устной реализации литературно-художественного текста.

Цель исследования состояла в выявлении и сопоставлении особенностей просодического оформления фрагментов художественной прозы в профессиональном (актерском) исполнении и в исполнении неподготовленных (наивных) носителей английского языка.

Материалом исследования послужили отрывки из следующих произведений современной британской литературы в формате аудиокниг: William Golding «*Lord of the Flies*» (в исполнении Мартина Джарвиса) [1]; Nick Hornby «*How to be Good*» (в исполнении Саманты Бонд) [2]; Tony Parsons «*The Family Way*» (в исполнении Фрэнсис Барбер) [3]. Все исполнители – профессиональные актеры, носители британского произносительного стандарта (*Received Pronunciation/Standard Southern British English*). Те же фрагменты были озвучены двумя непрофессиональными носителями британского варианта английского языка, мужчиной и женщиной (возраст 25 и 27 лет). На основе фонетического (перцептивного и электронноакустического) анализа с использованием программы *Speech Analyzer (v.3.0.1)*, а также фоностилистического и сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены некоторые тенденции просодического оформления звучащего художественного текста, обусловленные фактором «исполнителя».

Автор, чтец, слушатель как участники литературно-художественного дискурса

В основе литературно-художественного дискурса лежит взаимодействие его создателя (автора) и адресата (читателя, слушателя). Специфической особенностью художественной коммуникации является бесконечная множественность восприятий и интерпретаций текста читателями при единичности его создателя, автора, обладающего особым, неповторимым идиолектом. В рамках теории «семи жизней текста» М. Я. Блох связывает

шестой этап, или шестую жизнь художественного текста («жизнь в читательском сознании») с множественностью его интерпретаций: «Шестая жизнь текста расщепляется на множество жизней – ровно столько, сколько читателей он находит, будучи издан» [4, с.90].

В модели звучащего художественного дискурса добавляется еще один компонент – чтец (исполнитель): автор – произведение – текст – адресат (слушатель). Выступая посредником между автором и слушателем, чтец в то же время является и интерпретатором художественного произведения, привнося в его исполнение собственную трактовку замысла автора, стилевых и эстетических свойств художественного текста.

Как известно, литературное произведение в его письменной реализации обладает особым фонетическим строем, который формирует «голос» текста или «тембр» текста [5] и отражает его смысловые, стилевые, эстетические характеристики, реализуя уникальный авторский стиль. Оценивая особенности просодической реализации художественного текста в устном исполнении, необходимо учитывать и такой критерий, как способность чтеца передать авторский голос, авторскую интонацию и обеспечить правильную интерпретацию текста. Фоностилистический анализ художественного текста в устной реализации предполагает соотнесение его просодического оформления и интонации, заложенной автором. Рассматривая подходы к изучению интонации читаемого текста, Anne Wichmann отмечает, что, если нас интересует то, как опытный чтец реализует художественный текст (рассказы, стихи, аудио книги), нам необходимо осмыслить это на более высоком уровне, на уровне риторической модели текста. Только в этом случае мы сможем понять, чем определяется выбор определенных интонационных моделей, помимо творческой свободы исполнителя [6, с. 18].

При рассмотрении особенностей просодической реализации художественного текста, прочитанного вслух, необходимо учитывать такой фактор, как степень подготовленности. Очевидно, что можно ожидать существенные различия в чтении «с листа» и заранее отрепетированном чтении. Однако важно подчеркнуть, что этого критерия не достаточно, поскольку профессиональное исполнение предполагает иной способ прочтения текста. «Чтец может выбрать один из двух вариантов: он может «войти» в текст и исполнить его так, как будто он сам вступает в разговор со слушателем, говоря «вот, в чем смысл этого текста», либо он остается за пределами текста и становится посредником, говоря «вот, о чем идет речь в этом тексте» [7, с. 83]. Действительно, актерское чтение отличается глубиной проникновения в замысел автора и его индивидуальный стиль, отраженный и в лексико-синтаксических характеристиках, и в интонационном строе. Художественное чтение традиционно рассматривается как искусство, а при оценке актерского исполнения используются, в том числе, и эстетические критерии.

Специфика просодической реализации художественного текста в актерском исполнении определяется также профессиональными качествами речевого голоса чтецов. Такие компоненты речевого голоса как тембр,

голосовые модуляции и тон голоса, с одной стороны, способствуют реализации воздействия, а, с другой стороны, формируют неповторимую манеру речи исполнителя, которая придает тексту дополнительную эстетическую ценность. К маркерам профессиональной принадлежности актеров-чтецов можно отнести следующие фонетические характеристики речи: четкость артикуляции, соответствие произношения орфоэпической норме, адаптивность и гибкость голоса, разнообразие мелодического репертуара, вариативность темпа речи. Отметим, что характеризуя голос, привлекающий внимание слушателей, Дэвид Кристал называет его «интересным», подчеркивая, что именно с помощью интонации можно повысить интерес к звучащему сообщению [8, с.145].

Важно подчеркнуть, что в художественном дискурсе реализуется функциональный потенциал интонации как средства экспрессивности. «На уровне суперсегментной фонетики отмечается использование всех экспрессивно-стилистических возможностей: отход от стилистически нейтральных характеристик, сочетание контрастных в стилистическом и экспрессивном отношении характеристик, широкое использование экспрессивно окрашенных элементов» [9, с.177].

Особенности просодического оформления художественного текста в актерском и непрофессиональном исполнении

Представим некоторые наблюдения, полученные в ходе сопоставительного анализа просодического оформления фрагментов британской прозы в исполнении актеров и неподготовленных носителей английского языка. Основная задача исследования состояла в выявлении просодических средств, отражающих фоностилевое своеобразие звучащего художественного текста, а также маркеров просодической вариативности, обусловленной «фактором исполнителя».

Как показало наше исследование, совпадения в просодической реализации текста в двух видах исполнения отмечаются в членении (сегментации) текста и выделении смысловых центров. Это свидетельствует о том, что при передаче структурно-смыслового компонента чтецы опираются на строй текста (риторическую и синтаксическую структуру, пунктуацию и заложенную автором интонацию).

*Cat had always **thought** |that she wanted her **freedom**, || but she saw **now**| that what she had really **wanted**| was for them to be a real **family**.|||* (фрагмент романа Family Way)

*The shore was fledged with **palm** trees. || These **stood or leaned or reclined** against the **light** || and their green feathers| were a hundred feet **up** in the **air**.||* (фрагмент романа Lord of the Flies)

Не наблюдается существенных различий и в выборе одного из базовых ядерных тонов, передающих законченность или незаконченность высказывания (Falling Tones, Rising Tones, Mid Level Tone). Можно предположить, что в сфере реализации организующей функции интонации отсутствует существенная зависимость от степени профессиональной подготовленности чтеца. Интересно, что данное наблюдение соотносится с подсистемами английской

интонации, выделенными в рамках модели «The three Ts: tonality, tonicity, tone», разработанной британским фонетистом Джоном Веллзом [10]. Компоненты этой модели (сегментация звучащего текста, выделение смыслового центра, выбор ядерного тона) представляют собой алгоритм действий, необходимых при устной реализации текста. Как видно из материалов нашего исследования, как профессиональные, так и непрофессиональные исполнители следуют данному алгоритму.

Существенные различия в профессиональных и непрофессиональных исполнениях наблюдаются в степени вариативности просодических параметров. Так, в актерском чтении отмечается варьирование темпоральных параметров: увеличение или уменьшение показателя скорости речи, использование пауз различной длительности (от сверхкратких до сверхдлительных), присутствие эмфатических пауз.

Заметны также различия в мелодическом репертуаре. К числу характерных особенностей актерского исполнения можно отнести варьирование тонального диапазона (от узкого до широкого), разнообразие терминальных тонов, использование эмфатических ядерных тонов, разнообразие интонационных моделей в предтерминальной части интонационной группы. В отличие от непрофессиональных исполнителей актеры используют просодические сигналы, маркирующие структурную организацию текста, в частности высокий тональный уровень в начале фоноабзаца. Кроме того, актеры чаще используют такие интонационные техники, как перенос фразового ударения, резкое прерывание шкалы (Accidental Rise), пословное акцентирование, придающие тексту особую выразительность.

Следует также отметить вариативность громкости и тембральной окраски голоса в актерском исполнении. Действительно, к качествам профессионального голоса принято относить суггестивность и креативность, т.е. способность передавать самые тонкие нюансы контекста и оказывать эмоциональное воздействие на слушателя.

Важно подчеркнуть, что удачное профессиональное чтение художественного текста предполагает уместность выбора интонационного оформления, т.е. его соответствие замыслу автора, жанровым и стилевым особенностям произведения. Приведенный ниже фрагмент представляет собой первый абзац романа Ника Хорнби «Как быть хорошим», произведения современной прозы, в котором серьезные социальные и этические проблемы обсуждаются сдержанно и иронично.

Listen: |||I'm not a bad person.|| I'm a doctor: ||| One of the reasons I wanted to become a doctor| was because I thought it would be a good - rather than exciting |or well-paid |or glamorous - thing to do. ||| I liked how it sounded: |||"I want to be a doctor", |||"I'm training to be a doctor", ||| "I'm a GP| in a small North London practice". |||| I thought it made me seem just right||| - professional, || kind of brainy||, not too flashy, ||respectable, | mature, | caring. ||| (фрагмент романа How to Be Good)

Внутренний монолог героини имитирует разговорную речь, что отражается в таких просодических характеристиках, как средний и узкий

тональный диапазон, использование преимущественно низкого нисходящего, низкого восходящего и среднего ровного тонов. Выразительность чтения обеспечивается вариативностью темпа речи, длительности пауз и громкости. Начало фрагмента реализовано в медленном темпе, полупшепотом. За первой короткой интонационной группой следует длительная пауза, сопровождающаяся легким вздохом. Такое просодическое оформление привлекает внимание слушателей и передает волнение героини. Следующие интонационные группы реализуются с большей громкостью. Отмечается использование высокого нисходящего терминального тона, маркированное расположение фразового ударения, а также интонационные повторы. Используя вариативность компонентов просодии, исполнитель придает всему фрагменту ироническую окраску. Мы наблюдаем, с одной стороны, естественность просодической реализации, а, с другой стороны, сбалансированное использование просодических средств для передачи тонких эмоционально-модальных оттенков.

Данные наблюдения свидетельствуют о том, что основные фоностилистические различия находятся в сфере эмоционально-модальной и экспрессивной функций интонации. На перцептивном уровне непрофессиональное исполнение воспринимается как монотонное, демонстрирующее отсутствие вовлеченности, а иногда даже некоторую отстраненность.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что непрофессиональное исполнение относится к типу чтения, передающего содержание текста (“this is what the text says”), в то время как актерское чтение направлено на передачу смысла текста (“this is what the text means”) и воздействие на слушателей. Очевидно, что чтение художественного текста вслух – это искусство, овладение которым требует серьезной профессиональной подготовки.

В контексте фоностилистики представленные здесь наблюдения подтверждают необходимость глубинного анализа корреляционных связей между контекстными факторами и просодическим оформлением текста. Современные исследования в этой области, как правило, направлены на выявление закономерностей в просодическом оформлении речи и создание определенных моделей, обобщающих эти закономерности. Представляется, что опора на обобщенные статистические данные может приводить к преуменьшению значения индивидуальности говорящего.

Изучение стилового варьирования просодии в литературно-художественном дискурсе предполагает детальный анализ индивидуальных реализаций, что позволит углубить представления о сложных вариационных процессах, затрагивающих просодию, и в то же время продемонстрировать роль чтеца в реализации замысла автора художественного произведения.

© Фрейдина Е. Л., 2026

Список источников

1. Golding William. Lord of the Flies (аудиокнига). Free Audiobooks URL: <https://goldenaudiobook.com/william-golding-lord-of-the-flies-audiobook-free-online/> (дата обращения: 06.05.25).
2. Hornby Nick. How to be Good (аудиокнига). Penguin Audiobooks, 2001.
3. Parsons Tony. The Family Way (аудиокнига). Harper Collins Audiobooks, 2004.
4. Блох М. Я. Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья. М.: Прометей, 2020. – 534 с.
5. Konurbaev M. E. The Style and Timbre of English Speech and Literature. Palgrave Macmillan, 2016. – 203 p.
6. Wichmann A. Intonation in Text and Discourse. Beginnings, Middles and Ends. – Harlow: Pearson Education Limited, 2000. – 162p.
7. Brazil D. The Communicative Value of Intonation. Cambridge University Press, 1997. – 204 p.
8. Crystal D. The Gift of the Gab. How Eloquence Works. New Haven and London: Yale University Press, 2016. – 243 p.
9. Иванова-Лукьянова Г. Н. Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М.: Флинта. Наука, 2003. – 197 с.
10. Wells J.C. English Intonation. An Introduction. Cambridge University Press. 2006. – 276p.

References

1. Golding William. Lord of the Flies (audiobook). Free Audiobooks URL: <https://goldenaudiobook.com/william-golding-lord-of-the-flies-audiobook-free-online/> (accessed: 06.05.25).
2. Hornby Nick. How to be Good (audiobook). Penguin Audiobooks, 2001.
3. Parsons Tony. The Family Way (audiobook). Harper Collins Audiobooks, 2004.
4. Blokh M. Ya. Chelovek i mir skvoz prizmu yazyuka. Filosofskyie razdumia. [Man and the World through the Prism of Language. Philosophical Reflections.] M.: Prometheus, 2020. – 534 p.
5. Konurbaev M. E. The Style and Timbre of English Speech and Literature. Palgrave Macmillan, 2016. – 203 p.
6. Wichmann A. Intonation in Text and Discourse. Beginnings, Middles and Ends. – Harlow: Pearson Education Limited, 2000. – 162 p.
7. Brazil D. The Communicative Value of Intonation. Cambridge University Press, 1997. – 204 p.
8. Crystal D. The Gift of the Gab. How Eloquence Works. New Haven and London: Yale University Press, 2016. – 243 p.
9. Ivanova-Lukyanova G. N. Kultura ustnoy rechi. Intonatsia, pauzirovanie, logicheskoye udarenie, temp, ritm. [The Culture of Oral Speech: Intonation, Pausing, Logical Stress, Tempo, and Rhythm.] M.: Flinta. Nauka, 2003. – 197 p.
10. Wells J. C. English Intonation. An Introduction. Cambridge University Press. 2006. – 276 p.

Фрейдина Елена Леонидовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики и лексики английского языка им. В.Д. Аракина Института иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия freydina55@mail.ru
Freidina Elena Leonidovna	doctor of philology, professor, professor of the V.D. Arakin Department of Phonetics and Lexicon of the English Language at the Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia freydina55@mail.ru

Научная статья

УДК 811.133.1

5.9.6 Языки народов зарубежных стран
(французский язык)

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-1-80-95>

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СНОВИДЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ СИСТЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЖОРЖ САНД)

Ирина Викторовна Харитоновна ¹, Оксана Владимировна Тимашева ²

^{1,2}Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

¹iv.kharitonova@mpgu.su

²ov.timasheva@mpgu.su

Аннотация. Цель настоящего исследования состоит в выявлении специфических языковых средств образной и символической репрезентации онейрического пространства в эпистолярных и автобиографических текстах, принадлежащих французской писательнице эпохи романтизма, Жорж Санд. Сновидческие описания, присутствующие в романтической художественной литературе, имеют сакральный смысл и ярко выраженное символическое значение, которое передается через комплекс чувственных и рациональных образов. Эпистолярные и автобиографические тексты французского автора не являются образцами художественной литературы, но демонстрируют особенности писательского мастерства, направленного на изображение ирреальной действительности, отражающей ее психологическое состояние, возникающее в связи с определенными событиями или в определенном контексте реальной действительности. Представленные онейрические описания выступают средствами вербализации процесса познания самой себя и воздействия на адресата переписки (сына Мориса, Альфреда де Мюссе и Мишеля де Буржа) или читателя мемуаров. Жорж Санд создает чувственные (сенсорные и эмоциональные) и рациональные образы, при помощи которых транслирует свои переживания страха, тревоги, неуверенности. Писательница стремится к осмыслению реальности через абстрактные (вера, прощение, смерть и т.п.) и конкретные символы (кукла, мебель, тирс и т.п.), которые свидетельствуют одновременно о глубине ее самоанализа и индивидуальной интерпретации идей романтизма.

Ключевые слова: онейрический текст, вербализация, чувственные образы, рациональные образы, символическое пространство текста, самоанализ

Для цитирования: Харитоновна И. В., Тимашева О. В. Вербализация сновидческого пространства как образно-символическая система (на материале текстов Жорж Санд)// Лингвистика и образование. 2026. – Том 6. – №2. – С. 80-95. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-80-95>

Original article

VERBALIZATION OF DREAM SPACE AS A FIGURATIVE-SYMBOLIC SYSTEM (BASED ON TEXTS BY GEORGE SAND)

Irina V. Kharitonova ¹, Oksana V. Timasheva ²

^{1,2} Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

¹iv.kharitonova@mpgu.su

²ov.timasheva@mpgu.su

Abstract. The purpose of this study is to identify specific linguistic means of figurative and symbolic representation of oneiric space in epistolary and autobiographical texts belonging to the

French Romantic writer George Sand. The dream descriptions present in romantic fiction have a sacred meaning and a pronounced symbolic meaning, which is conveyed through a complex of sensual and rational images. The French author's epistolary and autobiographical texts are not examples of fiction, but demonstrate the peculiarities of writing skills aimed at depicting surreal reality, reflecting its psychological state, arising in connection with certain events or in a certain context of reality. The presented oneiric descriptions act as a means of verbalizing the process of self-knowledge and influencing the addressee of correspondence (the son of Maurice, Alfred de Musset and Michel de Bourges) or the reader of memoirs. George Sand creates sensual (sensory and emotional) and rational images, through which he translates his feelings of fear, anxiety, and insecurity. The writer strives to comprehend reality through abstract (faith, forgiveness, death, etc.) and concrete symbols (doll, furniture, thyrus, etc.), which simultaneously attest to the depth of her introspection and individual interpretation of the ideas of Romanticism.

Keywords: oneiric text, verbalization, sensory images, rational images, symbolic space of the text, introspection

For citation: Kharitonova I. V., Timasheva O. V. Verbalization of dream space as a figurative-symbolic system (based on texts by George Sand), *Linguistics & education*, 2026. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 80-95. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2026-2-80-95>

Введение

К проблеме репрезентации художественного пространства сна обращались многие отечественные ученые-филологи. С начала 2000-х годов опубликовано значительное количество статей, посвященных данной теме. Так, В. С. Карпачев рассматривал взаимодействие маски и онейрического пространства в стихотворениях Н. С. Гумилева [1]. А. В. Хорошун определил смыслообразующую роль хронотопа в рассказе Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» [2], С. И. Ермоленко изучал мифологему сон-смерть на материале творчества М. Ю. Лермонтова, который помещал лирического субъекта в ментальное пространство, сконструированное творческой силой его воображения [3]. О. С. Горелов в терминах сюрреалистического кода анализировал функционирование концептов сна и любви в художественной системе С. Д. Кржижановского [4]. Важной работой явилась монография В. В. Савельевой, в которой представлен глубокий филологический анализ онейрических фрагментов произведений русских писателей: А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и В. В. Набокова. Последнее десятилетие отмечено не только литературоведческой, но и лингвистической потребностью в изучении художественных онейрических текстов. Литературоведческие работы на материале русского (Т. Н. Маркова, М. А. Липина, Д. Л. Куликова, И. И. Наумцев, Е. Е. Иванов, А. А. Чевтаев, М. А. Дударева, В. В. Компанец и Н. Ф. Брыкина, В. А. Маскаева, О. А. Ефремова, И. В. Фазиулина и др.), английского (Т. Н. Туржанова, В. С. Дворяшина, А. А. Михейкина, Н. Г. Владимирова и Е. С. Куприянова и др.) языков и даже языков малых народов (ненецкая литература изучается А. С. Жулевой) решают задачи определения изобразительных функций онейрических описаний (поэтической, сюжетообразующей, символической, идейно-художественной, интертекстуальной, хронотопической) в литературных текстах. Одним из малочисленных трудов, поднимающих вопросы языковой репрезентации онейрического пространства художественного текста, является статья И. Г.

Горовой [5]. Эпистолярные, автобиографические и художественные тексты Жорж Санд, не становились объектом ни филологического, ни лингвистического анализа.

Во французскую литературу эпохи романтизма особый вклад внесла Жорж Санд (Аврора Дюдеван (1804-1876 гг.)). Ее переписка, автобиографические произведения и романы содержат мотивы и описания сновидений, которые могут служить интересным материалом исследования средств их вербализации. Выбор текстов для изучения не случаен. Он определяется особенностями жизни и творчества писательницы.

К вопросу о природе творчества Жорж Санд, писательницы эпохи романтизма

С точки зрения психологии, сны являются отражением подавленных желаний, страхов и надежд человека. Сон необходим для восстановления сил и поддержания эмоционального равновесия. Мотив сна в искусстве часто динамичен и зависит от намерений и таланта автора. У этого мотива может быть философское, религиозное или психологическое толкование. Само отношение к сновидениям было весьма разнообразным в различные эпохи. Сон и сновидения являлись предметом глубоких и таинственных образов сознания, сильно воздействующих на человека. Карл-Густав Юнг полагал, что сон – это своего рода «скрытая маленькая дверь», ведущая в потаенные уголки души, иногда открывающаяся в «космическую ночь» [6].

В эпохи *ренессанса* и *барокко* сон имел исключительно сакральный смысл, то есть он был своего рода аллегорией внутреннего мира человека, отражением его эмоций и размышлений (Микеланджело, Рафаэль), а иногда даже служил своего рода «переходом» от земного мира к небесному. В эпоху *романтизма* сон теоретиками толкуется иначе. Он тесно связан с мифом, образуя единство, открывающее «врата» в иной мир – мир соединения мистического сознания с «мировой душой». Сон трактуется как переход в иное измерение, где соединяются реальность и фантазии. Он может быть не только источником вдохновения, но также средством исследования подсознания, иногда предвестником будущих изменений. Для романтиков сон – это возможность лучше понять свои чувства, потребности и стремления в определенной сфере. Вербализация сновидения важна для понимания и описания общего психоэмоционального состояния персонажей. В качественном отношении сон полон символов и метафор. Так, сон о влюбленности может символизировать и скрытые желания, и новые возможности, и позитивные изменения в жизни, перемены и даже признание чьих-то заслуг. Например, у немецких романтиков есть известный символ (своего рода тотем) – «голубой цветок», связанный с именем немецкого поэта Новалиса (псевдоним натурфилософа барона Фридриха фон Харденберга (1782-1801 гг.)), написавшего роман «Генрих фон Офтердинген», в основу которого легла легенда об известном миннезингере XIII века. Генрих, полюбив дочь волшебника Матильду, должен совершить путешествие, чтобы найти и сорвать для нее «голубой цветок». С филологической точки зрения, творческие

принципы, трансформируясь в духовном мире художника, проявляются затем и в его искусстве. Совершенно не обязательна здесь абсолютная точность в географическом смысле. Важнее колорит и характер романтического героя. Остальное дорисует воображение читателя. Таким образом создается миф как некое сверхъестественное выражение того, что в принципе содержит природа и история. Как отмечает Н. Я. Берковский, возникающее новое литературное произведение, наполняется внутренним смыслом, заложенным в отчётливый художественный образ. По мысли ученого [7], идеал романтиков – это Орфей из Древнего мифа, который пел и играл, и под его музыку сдвигались камни, строились города, расцветали сады. Так объясняли купцы в романе Новалиса юному Офтердингену, что такое поэзия.

Средневековая Германия в «Генрихе фон Офтердингенге» Новалиса есть некий миф о сне, возвращающем человека (поэта) к самому себе, такой же, как миф о божественной созидательной роли поэзии. Романтический тип освоения практической жизни во Франции был несколько иным, чем в Германии. Хотя идеи немецкого романтизма и влияли на французов, но при этом отдельная человеческая личность в духовно-практическом освоении жизни ощущала свою самоценность настолько, что во Франции в итоге появился романтический культ личности. Образ художника в тисках мелочных своекорыстных интересов можно найти во многих произведениях романтического искусства. Сон, миф и поэтическое изображение реальной и/или вымышленной действительности (поэзия) составляли тем самым единое ментальное пространство в искусстве того времени. Мир фантастических образов способствовал художественному воплощению того, о чем думали писатели. Особую роль в этом процессе играют литературно-художественные, эпистолярные и автобиографические описания сновидений.

Одной из французских писательниц, которая часто использовала онейрические мотивы была Жорж Санд. Жорж Санд (Аврора Дюдеван) уже в первых своих романах давала волю описанию своих снов и фантазиям. Можно добавить также, что и все увиденное ею хотя бы однажды переходило в поэтическое измерение. Вот, например, пассаж из первой главы известного романа Жорж Санд – «Пиччинино» (*Le Piccinino*) (1847 г.), где писательница очень «легким пером» живописует будущее место действия своей еще не вполне сложившейся книги, чувствуется, еще не предвидит, как будет разворачиваться действие, но уже создает полусказочную, слегка таинственную атмосферу, связанную с размещением героев в известных географических точках: «Pour leur donner le temps de se calmer, en attendant que je recommence, je vais faire un tour en Sicile ... Mais comment m'y prendrai-je pour ne pas me servir d'un nom appartenant à une personne ou à une localité de cette île célèbre?» (*Я решил прогуляться теперь по Сицилии... Но как же мне быть, чтобы случайно не упомянуть лица или места, в самом деле существующего на этом прославленном острове?..*) [8, с. 5-7].

«Предки Жорж Санд – все из ряда вон выходящие люди. Там перемешались все: короли с монахинями, знаменитые воины с девчонками из

театра. Как в сказках, все женщины носят имя Авроры; все имеют сыновей и любовников, и сыновья всегда на первом месте; внебрачные дети падают градом, но их признают, превозносят, воспитывают по-королевски» – так пишет Андре Моруа, автор книги о Жорж Санд [9]. Автор не упрекает Жорж Санд в ее беспорядочной жизни, а просто констатирует факты. Однако такой, как была ее предыстория, становится и ее собственная жизнь: а главное ее произведения. Женская душа ищет любви и преданности, хочет разобраться в происходящем и жизненных ценностях, жаждет внимания и понимания. При этом на своем жизненном пути писательнице приходится самой, говоря на современном языке, «разруливать конфликты и чрезвычайные обстоятельства», связанные, в частности, с такими гениями человечества, как Альфред де Мюссе и Фридерик Шопен. Последнему она реально продлила годы его слишком короткой жизни, увезя его, уже совсем больного, на Майорку. И это совсем не выдумка, ее слова, повторяющиеся в разных романах от ее имени – «Шопен, сядь за рояль». Она реально, с железом в голосе, обращалась к уже очень больному человеку. Ее совершенно необыкновенная судьба столкнула ее и с музой И.С. Тургенева – Полиной Виардо, доброй подругой, прототипом Консуэло («Графиня Рудольштадт»).

По мысли многих исследователей романтической литературы, поэт и жрец были в начале заодно. Поэт часто сам предсказывал свою судьбу, Миф усиливал внутренний смысл, заложенный в образ, и часто поднимался до яркого вымысла. Так романтики на основе поэтизации, мифологизации и сновидческих описаний стремились выявить трансцендентные смыслы привычных событий. Духовные, мировоззренческие контакты вели к средневековой мистике, а далее к очевидному прозрению, что не могло не отразиться и в творчестве Ж. Санд. Онейрические и мифические мотивы, представленные в текстах ее переписки, автобиографии и романах являются средствами языковой репрезентации идей романтизма.

Цель, задачи и теоретико-методологические предпосылки исследования

В работе, направленной на выявление закономерностей вербализации онейрического пространства в текстах, написанных Жорж Санд, решаются следующие задачи: выделить средства вербализации пространства сна; соотнести свойства сновидческого пространства с системой образов (сенсорных, эмоциональных и рациональных); выявить средства языковой репрезентации символического компонента онейрического пространства.

В ходе исследования применяется комплексный подход, включающий лингвистический, прагматический и семиотический анализ способов репрезентации сновидческого пространства. Теоретическую базу составляют работы следующих ученых: В. В. Акимова, В. Ф. Асмус, М. М. Бахтина, Е. П. Блаватской, С. Б. Бондаренко, А. Е. Кибрика, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Вл. А. Лукова, И. А. Мельчука, А. В. Нестерука, Е. А. Предтеченского, В. В. Савельевой, И. В. Харитоновой, Д. Чалмерса, А. В. Шуталевой и др.

Под сновидческим (онейрическим) пространством понимается континуум литературно-художественного текста, в пределах которого развиваются

сюжетные действия и взаимодействия персонажей, происходящие не в изображаемой условно реальной и рациональной действительности, а в состоянии сна, описание которого позволяет автору проникать в ментальную область иррационального и подсознательного и демонстрировать ее читателю. Это – текст в тексте, который не только формирует, но и насыщает произведения особой системой чувственных (сенсорных и эмоциональных) и рациональных образов, метафорических смыслов и символов [10, 11, 12, 13].

Материалом исследования служат фрагменты переписки и мемуаров Жорж Санд, которые содержат описания сновидений. Анализируются следующие тексты: 1) три текста, извлеченные из опубликованной переписки автора в период с 1812 по 1847 гг., адресованные любовнику – поэту Альфреду де Мюссе (1834 г.), сыну Морису Дюдеван-Санду (1834 г.) и любовнику – адвокату и политическому деятелю Мишелю де Буржу (1837 г.); 2) два автобиографических текста 1855 г. из книги «*Histoire de ma vie*» («История моей жизни»).

Результаты исследования. Особенности языка сновидений в письмах Жорж Санд

В *письме к сыну Морису (Triste séparation)* [14, с. 577-578] писательница обращается к краткому описанию своего повторяющегося сновидения, которое вызвано ее переживаниями: *j'ai fait bien des rêves où je croyais tenir mes deux enfants dans mes bras*. Морис живет и учится в Париже, в то время как мать находится в Венеции. Не получая вестей от сына, она пишет ему письмо-оправдание в том, что не может быть рядом с ним не по своей *вине* (*Je ne fais pas ce que je veux // je te raconterai toutes les raisons qui m'ont forcée de te quitter*) и очень из-за этого переживает (*j'ai bien souffert*). Причин расставания назвать она не может, но в будущем (*quand tu seras plus grand*), когда сын станет взрослее, расскажет о них (*je te raconterai toutes les raisons // Tu sauras alors*). В данном фрагменте создается сенсорный образ пространства, основанный на противопоставлении его количественного свойства – протяженности. Ощущение *желаемой* для писательницы *близости* передается вербально через глагол тактильного ощущения *tenir (dans mes bras)* и использования притяжательного прилагательного *mes*. Образ *реальной удаленности* формируется за счет глагола *quitter*, словосочетания *rester éloignée*, хронотопически «усиленного» указанием на неопределенно длительный временной отрезок (*bien des mois*) и наречия в сравнительной степени *si loin*. Контраст между желаемой близостью и реальной удаленностью имплицитно вызывает ощущение одиночества автора, выраженного прилагательным *seule* и создает эксплицитно (*j'ai bien souffert*) эмоциональный образ страдания, подкрепляемый визуализацией повторяющегося состояния писательницы, которая просыпается в слезах – *je me suis bien des fois éveillée en pleurant*. Контраст усиливается и за счет символизации: сон – это близость к своим детям, реальность – отдаленность от них. На основе этого сенсорно-эмоционального континуума создается рациональный образ, отражающий объективную оценку ситуации [13, с. 170-176] – отсутствие близости с сыном вызвано

невозможностью покинуть Венецию (отдалиться от этого точечного пространства), продиктованной внешней, не зависящей от писательницы силой обстоятельств (*toutes les raisons qui m'ont forcée*). Создаваемый визуальный образ женщины с детьми на руках (*je croyais tenir mes deux enfants dans mes bras*) имеет символическое значение не только в художественном творчестве вообще, но и у романтиков, в частности. Он воплощает не только материнство, но и любовь, надежду на будущее. Мотив слез у Жорж Санд по романтической традиции символизирует не только сильные переживания, но и духовное очищение – раскаяние. Учитывая творческий характер личности Жорж Санд, нельзя утверждать, что описанное сновидение было в действительности. Возможно, это лишь плод ее воображения или художественный прием, которым она не могла пренебречь и который использовала для воздействия на сына как предполагаемого читателя. С прагматической точки зрения описанное страдание, которое писательница испытывает от разлуки с сыном, скрывает ее чувство вины перед ним и демонстрирует надежду на понимание и прощение в неопределенном будущем. Данное наблюдение дает основание полагать, что в приведенном тексте вербализуется христианская дихотомия, представленная двумя моральными категориями – вина и прощение, связь между которыми осуществляется через страдание и раскаяние. Иными словами, имплицитно идея о том, что путь к прощению проходит через страдание и раскаяние.

Находясь в Венеции, Жорж Санд пишет письмо и своему любовнику известному поэту Альфреду де Мюссе [14, с. 603-604]. Тема страдания от расставания с сыном здесь получает свое развитие и снова подкрепляется описанием повторяющегося сновидения. В Италию писательница приехала вместе с поэтом, который некоторое время спустя вернулся в Париж. Обращаясь к де Мюссе, Жорж Санд просит сообщить ей новости о сыне, который уже несколько недель ей не пишет. Совсем иные эмоции движут автором письма: она находится на грани отчаяния и близка к тому, чтобы покончить с жизнью (*Quelle vie! J'ai bien envie d'en finir, bien envie, bien envie!*) Этим своим состоянием Жорж Санд с психологической точки зрения «шантажирует» своего близкого друга, взывая к его добродетели и чувству любви, которое он к ней испытывает (*Tu es bon et tu m'aimes*). Явной является вербализация конфликта, который произошел между любовниками: тема прощания (*Adieu mon enfant*) и просьба о прощении (прямая номинация *pardonne-moi* // метафора *brûle ce billet de mauvaise humeur*) – символизируют размолвку и расставание. Жорж Санд осознает, что причиной стало ее плохое настроение (*ce billet de mauvaise humeur*). И то ли, чтобы вернуть де Мюссе, вызвав у него чувство жалости и эмпатии к своим страданиям, то ли от отчаяния и понимания того, что Альфред – единственный человек, который может найти ее сына и поговорить с ним, она, взывая к Богу (*pour l'amour de Dieu*), обращается к любовнику с просьбой узнать о том, вспоминает ли сын о ней (*s'il se souvient de mon nom*), не потерял ли он человеческое лицо (*s'il a figure humaine*). Для усиления воздействия на де Мюссе-читателя писательница снова использует онейрическое описание. Но если в первом письме сновидческая реальность вне общего контекста

переживаний носит если не позитивный, то, по крайней мере, нейтральный характер, то этот повторяющийся сон (*toutes les nuits*) – сон-кошмар. Создается страшный визуальный образ смерти – *Je rêve toutes les nuits qu'on m'apporte son squelette ou sa peau toute sanglante*. Причем, если в первом сне визуально-тактильный образ единения с детьми обладает чертами возможной реальности, то в этом сновидении образ ирреален, что подчеркивает измененное психическое состояние автора, выражающееся в крайней степени проявления отчаяния, вызванного потерей связи с сыном и разладом в отношениях с де Мюссе. Рациональный образ поэтому не складывается. Он замещается иррациональным отражением действительности. В этом отрывке, как и в предыдущем актуализируется связь между *виной* и *прощением*. Но средством достижения желаемого *прощения* является *смерть*.

Темы *вины*, *прощения* и *смерти* имеют развитие в дальнейшей переписке Жорж Санд. Однако если в первых двух текстах *вина* лежит на самой писательнице, а мольба о *прощении* адресована читателю, то в данном письме возможность *вины* относится к другому человеку, и *прощение* исходит от Жорж Санд. Находясь в Ноане, усадьбе, где она провела большую часть своей жизни, она пишет своему любовнику Мишелю де Буржу, адвокату, социалисту по убеждениям, с которым она познакомилась в апреле 1835 года [14, с. 732]. Основные темы – *любовь* и *верность*, которые эксплицитно не вербализуются. С прагматической точки зрения, данное письмо – это требование объяснений по поводу слухов о связи Мишеля де Буржа с Эрмини, молодой женщиной, с которой он жил вместе. В предыдущих фрагментах содержание сна излагалось точно в форме сложноподчиненных предложений, а данный текст состоит из нескольких фраз, которые передают целый динамически развивающийся и тоже повторяющийся, относительно законченный сюжет, в котором действуют три персонажа: дух/тень самой Жорж Санд, духи/тени Эрмини и той, которую писательница именует *L'Autre*⁶. Сон-кошмар (*un rêve affreux*), который адресант называет странным (*étrange*), снится в Париже. Важную роль в передаче сюжета играет *Imparfait* – время, подчеркивающее повторяемость и незавершенность действия, а также его неправдоподобность, ирреальность со значением «как будто». Содержательно онейрическое описание повествует о том, что Жорж Санд будто бы недавно умерла и похоронена в одной из парижских церквей. В полночь она встает и ходит в своем саване. Двое усопших также встают и садятся на ступеньки жертвенника. Две женские тени (*deux mortes // elles venaient s'asseoir*), которые писательница узнает несмотря на то, что она при жизни никогда не видела этих женщин, это – тени Эрмини и *L'Autre* (Другой). Все трое плачут и обнимаются (*nous nous embrassions en pleurant toutes les trois*). Единение и *прощение* вербализуется тем самым через создание не только визуального, но и тактильного образа. Мотив *слез* имеет то же значение (*прощение*), что и в первом тексте, в котором писательница обращается к сыну. Но в письме к сыну это – слезы *раскаяния*, символизирующие желание быть

⁶ Литературоведами и биографами не установлено, о ком конкретно идет речь: является ли этот персонаж духом реального человека или это – аллегория.

прощенной, в письме к де Буржу слезы – это само *прощение*. Данный онейрический текст вербально создает зрительный образ потустороннего мира, имеющий символическое значение. В романтической традиции смерть трактовалась через ее противоположность – «жизнь после смерти» и ассоциировалась, например, у Новалиса с возможностью воссоединения с возлюбленной и обретением покоя рядом с ней. Вероятно, именно с этой целью, отражающей склонность романтиков к вербализации трансцендентных смыслов, т.е. идей, выходящих за пределы рационального и опытного, Жорж Санд символически передает свое *прощение* де Буржу и Эрмини и выражает желание быть вместе с возлюбленным. Несмотря на то, что специалистами не установлено, кого писательница представляет как L'Autre, можно предположить, что, в целом, описание сна символизирует готовность не только простить любовнику все возможные измены, но и «разделить» его с другой женщиной. Писательница не называет ее имени. Поэтому L'Autre – это, скорее всего, либо образ еще одной любовницы де Буржа, либо обобщенный образ женщин, с которыми он изменял Жорж Санд, либо «второе я» самой Жорж Санд. Появление двойника было свойственно романтической литературе особенно в контексте потустороннего. Двойник мог выступать как предвестник будущего несчастья или как символ неминуемой смерти героя, что объективно совпадает с онейрическим сюжетом.

Особенности языка сновидений в автобиографии Жорж Санд

В автобиографическом произведении Ж. Санд «Histoire de ma vie» [15, с. 163] представлены подробные описания ее детских сновидений, которые относятся к возрасту 4 и 8 лет. Первый сон условно называется «*Un polichinelle déchaîné*» («Разбушевавшийся полишинель»). Автор вспоминает свою игрушку – полишинеля, которая вызывала у нее чувство страха. Рационально оценивая причину такого своего отношения к этой игрушке (*ce vilain être*), Ж. Санд вербализует ее визуальный образ, используя вызывающие отвращение эпитеты: *ses yeux vitreux, son méchant rire*. Причем *rire* – это не звук, а мимика, присущая полишинелю. Ужас девочки спровоцирован именно мимикой игрушки и ее взглядом, который как будто следит за ней, в какой бы части комнаты она не находилась (*qui pouvait me suivre des yeux dans tous les coins de la chambre*). Но то, что писательница использует номинат *rire*, а не *sourire*, вызывает у читателя отклик в виде слухового образа смеющегося полишинеля. Основными стратегиями вербализации сна-кошмара (по оценке самого автора, *un rêve éprouvable*) являются: антропоморфизм угрозы, динамическое развитие сюжета, апелляция к физиологии страха и символизация пространства сна.

Антропоморфизм заключается в том, что в детском сознании полишинель наделяется свойствами человека, от которого исходят опасность и злой умысел: *regardant le plafond avec ses yeux vitreux et son méchant rire, pouvait me suivre des yeux*. Его неподвижность (*reposait sur le poêle*) воспринимается ребенком как скрытая угроза.

Динамика сна-кошмара достигается описанием *трансформации* игрушки, *преследования* с ее стороны и *жертв* этой агрессии. Трансформация связана с

тем, что полишинель оживает (*s'était levé*), его жилет воспламеняется (*gilet de paillon rouge, avait pris feu sur le poêle*)⁷. Обычная игрушка тем самым становится источником опасности, которая усиливается зрительным образом огня (*longs jets de flamme*), который создает атмосферу паники и хаотического движения. Начинается погоня: *il courait partout, poursuivant tantôt moi, tantôt ma poupée*. Жертвы – сама Аврора и ее кукла – спасаются от преследователя, они беззащитны перед лицом опасности (*ma poupée qui fuyait éperdue*).

Физиологическое ощущение страха формируется на основе звукового образа (*Je réveillai ma mère par mes cris*) крика, который разбудил мать. Однако на этом роль матери заканчивается. В действие вступает проснувшаяся, спавшая рядом с героиней сестра (*Ma sœur, qui dormait près de moi*), благодаря действиям которой ужас заканчивается: сестра перемещает полишинеля в другое пространство – относит на кухню. При этом зрительный его образ больше не транслируется (*Je ne le revis plus*), что возвращает читателя в начало фрагмента, в котором описание сновидения предваряется фразой *Je ne le voyais plus*. Такая композиция текста демонстрирует пересечение реальности (такая игрушка у Авроры действительно была в раннем детстве) и сновидческой ирреальности (*mais, dans mon imagination, je le voyais encore*), оставившей настолько яркий отпечаток в виде сложной системы образов в памяти ребенка, что это видение «всплывает» в сознании взрослой женщины вновь и вновь. Одним из наиболее выраженных является термоцептивный тактильный образ полученного в ходе сновидческой погони ожога (*l'impression imaginaire que j'avais reçue de la brûlure*). Этот образ настолько сильно повлиял на психическое состояние героини, что ее, страстно любившую играть с огнем, один его вид некоторое время (*pendant quelque temps*) приводил в состояние не просто ужаса, а безграничного ужаса (*la seule vue du feu me laissa une grande terreur*).

Символическое значение онейрического описания это – проявление потребности Жорж Санд передать глубину эмоций, испытанных в детстве, индивидуальный опыт и переживания и усилить (что свойственно романтикам) воздействие на предполагаемого читателя за счет обращения к его воображению. *Огонь* выступает как символ с противоположными значениями: раннее он был привлекательным, страстью (*j'en avais eu la passion*), а после сновидения приобрел разрушительные пугающие свойства. *Полишинель* – это символ необъяснимого, иррационального детского страха, который возникает в связи с «оживающими» объектами. *Кукла* также символична. При помощи этого образа усиливается ощущение незащищенности и уязвимости ребенка. Символично и то, что полишинель и кукла (*ma poupée*), на которую также направлена агрессия, это – две куклы. Одна – источник зла, другая – товарищ по несчастью. Примечательно, что, хотя Полишинель – имя собственное, Жорж Санд использует строчную букву в орфографии. Также важно отметить, что детское восприятие писательницей французского народного кукольного

⁷ В том, что Полишинель оживает нет ничего особенного, потому что эта игрушка – атрибут народного кукольного французского театра, происходящая от итальянского персонажа «комедии дель арте» Пульчинеллы.

персонажа отличается от общепринятого: Полишинель – это комический уродливый герой (смех его не должен вызывать страх), задира, балагур, острый на язык. Поэтому авторское восприятие этого персонажа кукольного театра следует рассматривать как субъективно-возрастное.

В тексте наряду с сенсорными и эмоциональными присутствует и рациональный образ (романтикам не свойственный), который транслируется через здоровое высказывание сестры о том, что игрушка, подобная полишинелю, не подходит маленьким детям (*c'était une vilaine poupée pour un enfant de mon âge*). Это суждение в некотором смысле свидетельствует о том, что Полишинель и его «маска» (предназначение) не доступны для адекватного восприятия маленькими детьми (Авроре было тогда 4 года). Его юмор и ирония детским сознанием не постигаются как таковые, а трактуются как угроза. Его внешний вид (горбун) вызывает не улыбку, а страх.

В мемуарах Жорж Санд представлено еще одно описание сна-кошмара, которое также связано с ожившими персонажами («*Des figurines se détachent de la tapisserie*» – «Фигурки, сошедшие с обоев») [15, с. 260-262]. Писательница вспоминает о том, как в возрасте восьми лет она находилась под впечатлением (*ces deux personnages me causaient une vive impression*) от изображенных на обоях ее комнаты вакханок и силен. Образы этих мифических персонажей были представлены на бордюрах в виде медальонов, располагавшихся над дверьми комнаты.

Основными приемами вербализации данного сна-кошмара выступают поляризация образов, трансформация (анимация), эскалация страха, проницаемость границы между сном и явью, а также использование символических средств.

Поляризация образов. Героиней одного медальона была нимфа/флора (*une nymphe ou une flore*). Она вызывала у девочки сильное эмоционально положительное ощущение (*Celle-là me plaisait énormément*), поскольку ассоциировалась с утренним пробуждением. Казалось, что она смеется, танцует и приглашает к тому, чтобы веселиться в ее компании (*folâtrer en sa compagnie*). Это описание дополняется созданием зрительного образа нимфы: бледно-голубое одеяние, венок из роз и гирлянды цветов в руках. Визави этой нимфы, для обозначения которой автор использует другой номинат *bacchante* (вакханка), была ее полная противоположность – источник неопределенных эмоций (предубеждения – *prévention* и удивления – *étonnement*), а также отрицательных эмоций (мучение – *cette figure qui me tourmentait*) и даже страха, вызванного легендой об Орфее, растерзанном менадами (мифологическая аллюзия). Она не смеялась, не танцевала, была одета в зеленую тунику, на голове у нее был венок из грейпфрутового дерева, вместо гирлянды цветов в руках она держала тирс. И ассоциировалась эта вакханка с другими временем суток и занятиями ребенка: днем и письменным столом, за которым девочка занималась (*le jour de ma table de travail*), вечером и молитвой перед сном (*le soir, en faisant mes prières avant d'aller me coucher*). Когда ускользящий свет дня освещал руку вакханки, в своем воображении маленькая Аврора видела

голову божественного певца на острие тирса. Противопоставление резюмируется сравнением двух изображений с весной и осенью, эксплицитной вербализацией контраста при помощи номинатов эмоций *la gaieté / la tristesse, la bienveillance / la sévérité*, а также созданием рационального образа *ma nymphe bien-aimée / la ménade redoutable, cette diablesse*.

Таким образом, как и в предыдущем отрывке, описание сна предваряется формированием комплекса эмоциональных, сенсорных (зрительных) и рационального образов персонажей, один из которых будет действовать в онейрическом пространстве.

Эскалация страха. Страх перед грозной менадой является скрытым переживанием девочки, которое ей самой оценивается как *слабость (faiblesse)* и которого она *стыдится (je commençais à avoir honte de cela)*. Сновидение вызвано изменением расположения детской кровати в связи с наступлением зимы (поближе к камину), что следует рассматривать как пространственный дисбаланс. То, что грозная менада, теперь будет «являться» Авроре по утрам представляет для девочки угрозу (*cette diablesse me regardait obstinément et me menaçait de son bras immobile*), которая реализуется через *анимизацию*. Спрятавшись под одеяло, она видит сон-кошмар, в котором злая вакханка отделяется от медальона, растет до размеров человека, направляется к хорошей нимфе (*jolie nymphe*) и старается оторвать ее от медальона. Создается сенсорный слуховой образ подвергающейся насилию нимфы, издающей душераздирающие крики (*Celle-ci poussait des cris déchirants*). Грозная менада рвет обои до тех пор, пока нимфа не отделается от них и не спасается бегством, оказавшись в центре комнаты, затем она ищет защиты под пологие кровати девочки. Менада, преследуя ее, несколько раз пронзает своим жезлом, превратившимся в острое копье, и нимфу, и Аврору (*chaque coup était pour moi une blessure dont je sentais la douleur*). Автор описывает сенсорный (тактильный) образ боли, от которой кричит во сне. Усиление страха основано на создании образов агрессии, преследования и нанесения телесных повреждений.

Проницаемость границы между сном и явью. На крик прибегает мать. Сновидческая действительность смешивается с реальностью (*Le réel et le chimérique étaient simultanément devant mes yeux*), поскольку девочка не пробуждается полностью: под натиском матери происходит *обратная трансформация*: вакханка удаляется, уменьшается в размерах, карабкается по двери и возвращается в свой медальон. Но сон продолжается, и в нем менада бежит вдоль бордюра, призывая и принуждая остальных пирующих и развлекающихся силен и вакханок танцевать с ней и крушить мебель в комнате. Постепенно сознание сновидицы путается, и она от этого даже получает некоторое удовольствие (*j'y pris une sorte de plaisir*). Пробуждение воспринимается девочкой как галлюцинация (нимфа и вакханка поменялись местами на медальонах), которая рассеивается при первых лучах солнца. Аврора успокаивается и в этот день больше не вспоминает о сне-кошмаре.

Символические средства. Сновидческое пространство наполнено символами разной природы. Это – цвета и аксессуары персонажей. У

романтиков *голубой цвет* (*bleu pâle* – цвет одежды нимфы) обозначает стремление к идеалу («голубой цветок» как символ мечты). Что касается *зеленого цвета* (*vert* – цвет туники вакханки), то у романтиков этот цвет символизирует надежду и весну, а в описании Жорж Санд он предстает как знак страха, безнадёжности, отчаяния и признак осени. *Венок из роз* символизирует чистоту и целомудрие, а *грейпфрутовый венок* не имеет специфического символического смысла у романтиков. На этом основании можно предположить, что писательница создает собственную символическую картину сновидческого пространства, где атрибутами радости, добра, весны, возрождения и нового дня выступают бледно-голубой цвет, венок из роз и гирлянда из цветов, а знаками страха и зла – зеленый цвет, грейпфрутовый венок и тирс. *Тирс* обретает и собственное значение, символизируя насилие, агрессию, нарушение покоя, вторжение в безопасное пространство. *Бунт вакханок* метафоризирует хаос, разрушающий гармонию мира ребенка, наличие порядка в котором символизирует *мебель*. *Утро* – это детская радость, связанная с событиями предстоящего дня и спасительная сила, которая рассеивает ночные кошмары (*cette hallucination se dissipa aux premiers rayons du soleil*).

Оба текста представляют собой вербализацию глубокого анализа психологической стороны детских воспоминаний автора. Объектом этого анализа является *страх*, который порождается оживлением предметов и нарушением привычного безопасного пространства ребенка. Особое внимание Жорж Санд уделяет сенсорным деталям: визуальным, слуховым и тактильным. Автобиографический смысл сновидческих текстов можно рассматривать как раскрытие травматических аспектов детства писательницы: беспомощности перед своим страхом иррациональной природы, одиночества в познании и восприятии окружающего мира, отсутствия защиты со стороны матери (в первом тексте сестра, а не мать приходит на помощь, а во втором – мать помогает лишь частично).

Заключение

В своей переписке и мемуарах Жорж Санд использует онейрические описания как инструмент познания самой себя и воздействия на читателя. Общими закономерностями, которые прослеживаются при изучении текстов, выступают: внимание к природе сновидений, создание доминирующих образных комплексов, использование семиотических механизмов. Природа сновидений проявляется в том, что они представлены как источник страдания. В переписке ведущими являются структурирующие образы, связанные с репрезентацией моральных категорий (вины и прощения), что характерно для сновидческого пространства взрослой женщины, обладающего определенной степенью абстракции.

В мемуарах детские сны описываются более конкретно. Доминирующими образными комплексами выступают огонь, свет, состояние тела и физические ощущения. В качестве семиотических приемов можно рассматривать изображение трансформации предметов, пространства, персонажей, а также

структурирование смысла при помощи бинарных оппозиций (порядок/хаос, добро/зло, радость/грусть, реальность/ирреальность и т.п.). Жорж Санд апеллирует и к архетипам: дьявол (*diabliesse*), монстры (*polichinelle*) кровь, боль, разрушительные силы. В тексте «Des figurines se détachent de la tapisserie» отмечается интертекстуальность (миф об Орфее).

Основными средствами вербализации образного пространства сновидений, в особенности детских, следует считать яркую визуализацию, основанную на детальном описании эмоций, ощущений, событий, движения, использование контраста и метафоризации, наделение персонажей, объектов, событий и действий символическими смыслами. В автобиографических снах-кошмарах наблюдается «поток сознания» и некоторая алогичность в переходах, поведении и трансформациях, за счет чего достигается усиление ощущения ужаса, вызванного потерей контроля над происходящим.

В заключении необходимо отметить, что рассмотренные сновидческие тексты характеризуются многофункциональностью. С одной стороны, они выполняют автобиографическую функцию осмысления собственного опыта отношений с мужчинами и материнства, женских и детских страхов и душевных травм. С другой стороны, онейрические описания несут психоаналитическую нагрузку, позволяя писательнице выразить и осмыслить подсознательные страхи, желания, тревогу и переживания.

© Харитоновна И.В., Тимашева О.В., 2026

Список источников

1. Карпачев В. С. Маска и пространство сна в стихотворениях Н. С. Гумилева [Текст] / В. С. Карпачев // Русская речь. – 2012. – № 3. – С. 15-21.
2. Хорошун А. В. Особенности организации художественного времени и пространства в рассказе Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» [Текст] / А. В. Хорошун // Новые горизонты русистики. – 2017. – №2. – С. 83-86.
3. Ермоленко С. И. Я зрел во сне, что будто умер Я... («Ночь. I»: конструирование ментального пространства как творческая интенция лирического субъекта М.Ю. Лермонтова) [Текст] / С. И. Ермоленко // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2012. – №10. – С. 168-177.
4. Горелов О. С. Сюрреалистический код С. Кржижановского: интеллектуальный сон и эссе о любви [Текст] / О. С. Горелов // Автор – текст – читатель: теория и практика анализа: Материалы Седьмых Международных научных чтений, Калуга, 29-31 октября 2020 года. – Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 2020. – С. 20-27.
5. Горовая И. Г. Средства вербализации онейрического пространства в художественном тексте // МНКО. 2023. №6 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-verbalizatsii-oneyricheskogo-prostranstva-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 14.07.2025).
6. Carl Gustav Jung, Joseph L. Henderson, Marie-Louise von Franz, Aniela Jaffé, and Jolande Jacobi. Man and His Symbols. 1964. Карл Густав Юнг, Мария-Луиза фон Франц, Джозеф Л. Хендерсон, Аниэла Яффе, Иоланда Якоби. Человек и его символы. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 17.01.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4121> (дата обращения: 14.07.2025).
7. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии Берковский Н. Я. [Текст] / Н. Я. Берковский – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.

8. Жорж Санд: биографический роман / Андре Моруа [Текст]; перевод с французского Е. С. Булгаковой. – Калининград: Янтарный сказ, 2001. – 432 с.
9. Sand, George. Le Piccinino [Текст] / par George Sand. – Paris : Desessart, 1847. – 5 vol.; in-8.
10. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – Москва, 1986. – С.121-122.
11. Лотман Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург: «Искусство–СПБ», 2000. – 704 с.
12. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: Монография [Текст] // В. В. Савельева. – Алматы: Жазушы, 2013. – 520 с.
13. Харитонова И. В. Системный подход к исследованию языка [Текст] / И. В. Харитонова, Д. С. Золотухин, А. А. Матвеева. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2016. – 296 с.
14. Sand, George. Œuvres autobiographiques. [Текст]. Tome II: Histoire de ma vie, Quatrième partie, Chapitres I à XII ; Cinquième partie, Chapitres I à XII. Édition établie, présentée et annotée par Georges Lubin. – Paris: Garnier Frères (Classiques Garnier), 1966. – 1648 p.
15. Sand, George. Œuvres complètes. [Текст]. – Paris: Calmann Lévy, 1879. – Vol. 40-43. – 1347 с.

References

1. Karpachev V. S. Maska i prostranstvo sna v stihotvoreniiakh N.S. Gumileva [Mask and space of sleep in the poems of N. S. Gumilev] / V. S. Karpachev // Russian speech, 2012. – No. 3. – Pp. 15-21.
2. Horoshun A. V. Osobennosti organizatsii hudozhestvennogo vremeni i prostranstva v rasskaze F.M. Dostoevskogo «Son smeshnogo cheloveka» [Features of the organization of artistic time and space in the story of F. M. Dostoevsky "The Dream of a Ridiculous Man"] / A. V. Horoshun // New horizons of Russian studies, 2017. – No. 2. – Pp. 83-86.
3. Ermolenko S. I. Ya zrel vo sne, chto budto umer Ya... («Noch'. I»: konstruirovaniye mental'nogo prostranstva kak tvorcheskaya intentsiya liricheskogo sub"ekta M.Yu. Lermontova) [I saw in a dream that it was as if I had died... ("Night. I": construction of mental space as a creative intention of the lyrical subject of M. Yu. Lermontov)] / S.I. Ermolenko // Psycholinguistic aspects of the study of speech activity. – 2012. – No. 10. – Pp. 168-177.
4. Gorelov O. S. Syurrealisticheskij kod S. Krzhizhanovskogo: intellektual'nyj son i esse o lyubvi [The surrealist code of S. Krzhizhanovsky: an intellectual dream and an essay on love] / O.S. Gorelov // Author – text – reader: theory and practice of analysis: Proceedings of the Seventh International Scientific Readings, Kaluga, October 29-31, 2020. – Kaluga: Publishing House of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, 2020. – Pp. 20-27.
5. Gorovaya I.G. Sredstva verbalizatsii oneiricheskogo prostranstva v hudozhestvennom tekste [Means of verbalization of oneiric space in a fiction text] // MNKO. 2023. №6 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-verbalizatsii-oneiricheskogo-prostranstva-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed: 14.07.2025).
6. Carl Gustav Jung, Joseph L. Henderson, Marie-Louise von Franz, Aniela Jaffé, and Jolande Jacobi. Man and His Symbols. 1964. Karl Gustav Yung, Mariya-Luiza fon Franc, Dzhozef L. Henderson, Aniela Yaffe, Iolanda Yakobi. Chelovek i ego simvol'y. [Man and His Symbols. 1964] / Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies. – 17.01.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4121> (accessed: 14.07.2025).
7. Berkovskij N. Ya. Romantizm v Germanii [Romanticism in Germany.] Berkovskij N. Ya. / N.Ya. Berkovskij – SPb.: Azbuka-klassika, 2001. – 512 s.
8. Zhorzh Sand: biograficheskij roman / Andre Morua [George Sand: A Biographical Novel / André Maurois]; translated from French by E. S. Bulgakova. – Kaliningrad: Yantarny skaz, 2001. – 432 p.

9. Sand, George. Le Piccinino [Texte imprimé] / par George Sand. – Paris : Desessart, 1847. – 5 vol. ; in-8.
10. Bahtin M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерки po istoricheskoy poetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]/ M. M. Bahtin / Literary Critical Articles. – Moscow, 1986. – Pp .121-122.
11. Lotman Yu. M. Semiosfera [Semiosphere]/ Yu. M. Lotman. – S.-Peterburg: «Iskusstvo–SPB», 2000. – 704 s.
12. Savel'eva V. V. Hudozhestvennaya gipnologiya i onejropoetika russkih pisatelej: Monografiya [Artistic hypnology and oneiropoetics of Russian writers: Monograph]/ V. V. Savel'eva. – Almaty: Zhazushy, 2013. – 520 p.
13. Haritonova I. V. Sistemnyj podhod k issledovaniyu yazyka [Systematic approach to language research]/ I. V. Haritonova, D. S. Zolotuhin, A. A. Matveeva. – Moskva: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2016. – 296 s.
14. Sand, George. Œuvres autobiographiques. Tome II: Histoire de ma vie, Quatrième partie, Chapitres I à XII ; Cinquième partie, Chapitres I à XII. Édition établie, présentée et annotée par Georges Lubin. Paris: Garnier Frères (Classiques Garnier), 1966. – 1648 p.
15. Sand, George. Œuvres complètes. Paris: Calmann Lévy, 1879. – Vol. 40-43. – 1347 p.

Харитоновна Ирина Викторовна	кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков им. В.Г. Гака, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия iv.kharitonova@mpgu.su
Kharitonova Irina Viktorovna	candidate of philology, professor, head of the V.G. Gak Department of Roman Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Moscow, Russia iv.kharitonova@mpgu.su
Тимашева Оксана Владимировна	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романских языков им. В.Г. Гака, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия ov.timasheva@mpgu.su
Timasheva Oksana Vladimirovna	doctor of philology, associate professor, professor of the V.G. Gak Department of Roman Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Moscow, Russia ov.timasheva@mpgu.su

Требования к оформлению статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе *Microsoft Word* и сохраняется с расширением *.doc* или *docx*. Рукопись присылается через личный кабинет автора на сайте.

Параметры страницы. Формат А4 (книжный). Поля: все по 20 мм.

Форматирование основного текста. Абзацный отступ 1,25 см.

Межстрочный интервал шапки статьи – одинарный, текста статьи – полуторный. Нумерация страниц располагается внизу страницы в углу справа. *Шрифт Times New Roman*, Обычный. Размер кегля (символов) – 14 пт.

Объем статьи. Минимальный объем статьи 8 страниц, максимальный объем – до 12 страниц машинописного текста.

Требования к составу публикуемой статьи.

Публикуемая в журнале статья должна состоять из следующих последовательно расположенных элементов:

- «Научная статья» – слева, шрифт 12пт;
- индекс (УДК) – слева, шрифт 12пт;
- шифр научной специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым представлена статья в соответствии с Приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 года № 118 – слева, шрифт 12пт;
- 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
- 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.9.5 Русский язык.
 - заголовок (название) статьи на русском языке – по центру, заглавными буквами, шрифт 14пт, полужирный;
 - имя, отчество и фамилия автора (ов) на русском языке – слева, шрифт 12пт, полужирный;
 - сведения о месте работы (учёбы) авторов на русском языке указывают после имён авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений¹⁾ (название вуза, область, город, страна) – слева, шрифт 12пт;
 - электронная почта автора (ов) – слева, шрифт 12пт
 - аннотация на русском языке – шрифт 12пт;
 - ключевые слова на русском языке – шрифт 12пт;
 - «Original article» – слева, шрифт 12пт;
 - заголовок (название) статьи на английском языке – по центру, заглавными буквами, шрифт 14пт, полужирный;
 - имя, отчество и фамилия автора (ов) – слева, шрифт 12пт, полужирный на английском языке;
 - сведения о месте работы (учёбы) авторов на английском языке (название вуза, область, город, страна) – слева, шрифт 12пт;
 - аннотация на английском языке – шрифт 12пт;
 - ключевые слова – шрифт 12пт;

- текст статьи – шрифт 14пт, интервал полуторный;
- список источников – шрифт 12пт, интервал одинарный.

Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30
Linguistics & education 2024 Vol 4, No. 3. P. 18-30

Научная статья

УДК 811.133.1

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30> (французский)

РОЛЬ И СВОЙСТВА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССА ПРЕДЛОГОВ (на материале французского языка)

Земфира Ришадовна Гречухина¹, Евгения Юрьевна Кислякова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие термина «грамматикализация», его интерпретация отечественными и зарубежными авторами. Затрагивается проблема соотношения грамматикализации и лексикализации в процессе формирования предлогов. Авторы статьи предпринимают попытку описать основные характеристики и особенности проявления грамматикализации в формировании предлогов французского языка.

Ключевые слова: грамматикализация, лексикализация, полнозначное слово, десемантизация, предложная единица, предложное выражение, составной предлог

Для цитирования: Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. Роль и свойства грамматикализации в процессе формирования класса предлогов (на материале французского языка) // Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

Original article

THE ROLE AND PROPERTIES OF GRAMMATICALIZATION IN THE PROCESS OF FORMING A CLASS OF PREPOSITIONS (based on the French language)

Zemfira R. Grechukhina¹, Evgeniya Yu. Kislyakova²

¹Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia

²Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of the term grammaticalization, its interpretation by domestic and foreign authors. The problem of correlation of grammaticalization and lexicalization in the process of prepositions formation is touched upon. The purpose of the article is to describe the main characteristics and features of the manifestation of grammaticalization in the formation of French prepositions.

Keywords: grammaticalization, lexicalization, full-meaning word, desemantization, prepositional unit, prepositional expression, lexical preposition, functional preposition

For citation: Grechukhina Z.R., Kislyakova E.Yu. The role and properties of grammaticalization in the process of forming a class of prepositions (based on the French language, Linguistics & education 2024;3: 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2024. Том 4 №3(15)

18

Редакция журнала рекомендует придерживаться традиционной структуры написания статьи (введение, цели исследования, методы исследования, полученные результаты, обсуждение результатов и выводы). Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.

Аннотация. Объем – не превышает 250 слов.

Ключевые слова. не меньше 3 и не больше 15 слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.

Список источников. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.7–2021. **Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.**

Следовательно, неотъемлемыми свойствами грамматикализации являются однонаправленность, градуальность и частичность процесса для определенной формы предлога в конкретный период развития языка.

© Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. 2024

Список источников

1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale/ Meillet A. – Paris, Librairie Honoré Champion, 1965, – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question : du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, consulté le 22 juin 2023. URL: <http://journals.openedition.org/ml/523> (дата обращения 22.07.23).
3. Авагян А.А. Основные аспекты расхождений в исследованиях грамматикализации / А.А. Авагян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

References

1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale, Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question: du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, URL : <http://journals.openedition.org/ml/523> (consulté le 22 juin 2023).
3. Avagyan A.A. Osnovnye aspekty raskhozhdenij v issledovaniyah grammatikalizacii [Main aspects of differences in grammaticalization studies]/ A.A. Avagyan // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2021. – T. 18. – № 2. – Pp. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

Гречухина Земфира Рншадовна	кандидат филологических наук, Астраханский ГМУ, г. Астрахань grechukhinaz@mail.ru
Grechukhina Zemfira Rishadovna	candidate of philology, Astrakhan SMU, Astrakhan grechukhinaz@mail.ru
Евгения Юрьевна Кислякова	кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград evgenia.kislyakova2@yandex.ru
Kislyakova Evgeniya Yurievna	candidate of philology, associate professor, Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Библиографическая запись

Для связи списка цитируемой литературы с текстом статьи используют отсылки в ГОСТ Р 7.0.7–2021. Отсылки в тексте статьи заключают в квадратные скобки. Порядковый номер цитируемого источника приводят в соответствующей строке текста статьи, например, [5]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой, например, [5, с. 23].

References составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке. Для транслитерации с кириллицы на латиницу рекомендуем использовать систему автоматического транслитерирования на сайте <http://www.translit.ru> (выбрав при этом опцию «МВД»).

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Familija A.A. Nazvanie stat'i [Title of article]. *Nazvanie zhurnala* [Title of Journal], 2005. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 49-53.

▪ представлять в References описание журнала только в транслитерированном варианте (без перевода) недопустимо;

▪ при описании изданий без авторов (сборников, коллективных монографий) допускается вместо авторов писать одного, максимум двух редакторов издания;

▪ для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо просто “Unpublished Source” или “Unpublished Report” и т.д., если авторство в документе отсутствует;

▪ так как русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, необходимо в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

▪ нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников. Это часто приводит к потере связки, так как название может быть не идентифицировано;

▪ все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства (кроме собственного непереводного имени издательства, оно транслитерируется)) должны быть представлены на английском языке;

▪ в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не надо указывать тип изданий;

▪ в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании указывается “Pp.” Перед страницами; количество страниц в полном издании (книге) – указывается как “p.” после указания количества страниц;

▪ перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

▪ одна публикация описывается в списке литературы один раз, независимо от того, сколько раз в тексте публикации был упомянут источник;

▪ если книга в списке литературы (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в описании должен быть указан ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2026. Том 6 №2

полный объем издания, независимо от того, какие страницы издания были процитированы в тексте; исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы, с указанием страниц “от-до”;

- для транслитерации необходимо использовать системы автоматического перевода кириллицы в романский алфавит; не делать транслитерацию вручную;

- для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Примеры оформления списка источников.

□ Блэйк П.Г. Современные представления об анемии при почечной недостаточности / П.Г. Блэйк // Нефрология и диализ. 2000. – Т. 2. – № 4. – С. 278-286.

□ Аронов Д.А. Функциональные пробы в кардиологии / Д.А. Аронов, В.П. Лупанов. – М.: МЕДпресс-информ, 2007. – 328 с.

□ Горелкин А.Г. Пат. 2387374 Рос. Федерация, МПК А61В5/107 Способ определения биологического возраста человека и скорости старения / А.Г. Горелкин, Б.Б. Пинхасов; заявитель и патентообладатель ГУ НЦКЭМ СО РАМН. – № 2008130456/14; заявл. 22.07.2008; опубл. 27.04.2010. Бюл. № 12.

□ Онищенко Г.Г. Иммунобиологические препараты и перспективы их применения в инфектологии / Г.Г. Онищенко, В.А. Алешкин, С.С. Афанасьев, В.В. Поспелова; под ред. Г.Г. Онищенко, В.А. Алешкина, С.С. Афанасьева, В.В. Поспеловой – М.: ГБОУ ДПО ВУНМЦ МЗ РФ, 2002. – 608 с.

□ Иванов В.И. Роль индивидуально-типологических особенностей студентов в адаптации к учебной деятельности: автореф. дис. ... канд. биол. наук / В.И. Иванов. – Томск, 2002. – 18 с.

□ Johnson D.W. Novel renoprotective actions of erythropoietin: New uses for an old hormone / D.W. Johnson, C. Forman, D.A. Vesey // Nephrology. 2006. – Vol. 11. – № 4. – Pp. 306-312.

□ Государственный реестр лекарственных средства. URL: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (дата обращения: 11 февраля 2019).

Далее следует список источников («References»), оформленный в следующем порядке:

- все авторы и название статьи в транслитерированном варианте (использовать сайт <https://translit.net/>, выбрав стандарт BGN. Окошко переключения между стандартами размещается над строкой с буквами алфавита),

- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках,

- наименование русскоязычного источника в транслитерированном варианте,

- перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках,

- выходные данные с обозначениями на английском языке.

Примеры оформления списка источников в латинице (References).

□ Пример оформления *книги*: Osipenkova-Vichtomova T.K. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kostey [Forensic examination of bones]. Moscow, BINOM Publishing House, 2017. – 272 p.

□ Пример оформления *статьи из журнала*: Bleyk P.G. Sovremennye predstavleniya ob anemii pri pochechnoy nedostatochnosti [Modern concepts of anemia in kidney insufficiency]. Nefrologiya i dializ [Nephrology and dialysis], 2000. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 278-286.

□ Пример оформления *патента*: Gorelkin A.G., Pinkhasov B.B. Sposob opredeleniya biologicheskogo vozrasta cheloveka i skorosti stareniya [The way of definition of man's biological age and senility speed]. Patent RF, No. 2387374, 2010.

□ Пример оформления *диссертации*: Ponezheva Zh.B. Kliniko-immunologicheskie aspekty patogeneza khronicheskogo gepatita C i puti optimizatsii terapii. Avtoreferat dissertatsii doktora meditsinskikh nauk [Clinico-immunological aspects of pathogenesis of chronic hepatitis C and ways to optimize therapy. Abstract of thesis of Doctor of Medical Sciences]. Moscow, 2011. – 38 p.

□ Пример оформления *статьи с DOI*: Bassan R., Pimenta L., Scofano M., Gamarski R., Volschan A; Chest Pain Project investigators, Sanmartin C.H., Clare C., Mesquita E., Dohmann H.F., Mohallem K., Fabricio M., Araújo M., Macaciel R., Gaspar S. Probability stratification and systematic diagnostic approach for chest pain patients in the emergency department. Crit. Pathw. Cardiol., 2004. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 1-7. doi: 10.1097/01.hpc.0000116581.65736.1b.

□ Пример оформления *статьи из сборника трудов*: Kantemirova V.I., Kasatkina T.I., Vyazovaya I.P., Timofeeva N.V. Issledovanie detoksitsiruyushchey funktsii pecheni po vosstanovlennomu glutationu krovi u detey s razlichnoy somaticheskoy patologiyey [The investigation of liver detoxicytic function according to restoring blood glutation in children with different somatic pathology]. Sbornik nauchnykh trudov Astrakhanskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii [Collection of scientific works of the Astrakhan State Medical Academy], 2003. – Pp. 388-391.

□ Пример оформления *материалов конференций*: Mazlov A.M., Vorontseva K.P., Bulakh N.A. Optimizatsiya ispol'zovaniya antibakterial'nykh preparatov v akusherskom observatsionnom otdelenii oblastnogo perinatal'nogo tsentra [Optimizing the use of antibacterial drugs in the obstetric observational department of the regional perinatal center]. Materialy III mezhdunarodnoy konferentsii Prikaspiyskikh gosudarstv “Aktual'nye voprosy sovremennoy meditsiny” [Materials of III International Conference of the Caspian States “Actual issues of modern medicine”. 4-5 October 2018]. Astrakhan', Astrakhan State Medical University, 2018. – Pp. 116-117.

□ Пример оформления *интернет-ресурса*: Gosudarstvennyy reestr lekarstvennykh sredstv [State Register of Medicines]. Available at: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (accessed 11 February 2019).

Рисунки, схемы, диаграммы. В качестве иллюстраций статей принимается не более 3 рисунков. Иллюстрации должны быть четкими. В

тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например, (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.

Фотографии. Прилагаемые фотографии должны быть четкими, пригодными для сканирования либо в электронном виде (формат *tif, jpg*).

Таблицы. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТов 7.12-93, 7.11-78. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе *Microsoft Word* (формат *.doc) и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами АГМУ или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией.

Дополнительно к статье автор высылает следующие документы:

1. Сведения об авторе(ах).

Сведения об авторе(ах) присылаются на электронный адрес журнала lingv_edu@astgmu.ru отдельным файлом, имеющим название Сведения_Фамилия. Сведения об авторе(ах), которые содержат данные:

- фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (кафедра, институт (факультет)); занимаемая должность; контактный телефон (рабочий, сотовый); адрес электронной почты.

Сведения в полном объеме приводятся на русском и английском языках.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи

Фамилия Имя Отчество	
Ученая степень, ученое звание	
Должность или профессия	
Место работы или учебы	
Контактный телефон	
Адрес электронной почты	
Тема статьи	

Requirements for article arrangement

General requirements. The electronic version of the article is executed in a *Microsoft Word* text editor and saved with the *.doc* or *.docx* extension. The manuscript is sent through the personal account of the author on the website of the online edition.

Page parameters. A4 format (book). Margins: all 20 mm.

Formatting of the main text. Paragraph indentation 1.25 cm.

The line spacing of the article header is single; the text of the article is one and a half. Page numbering is located at the bottom of the page in the corner on the right. *Times New Roman Font*, Regular. The size of the pin (characters) is 14 pt.

The volume of the article. The minimum volume of the article is 8 pages, the maximum volume is up to 12 pages of typewritten text.

Requirements for the composition of the published article.

The article published in the online edition should consist of the following sequentially arranged elements:

- "4 language
- title (name) of articles in Russian – centered, in capital letters, font 14pt, bold;
- the author's first name, patronymic and surname in Russian – on the left, font 12pt, bold;
- information about the place of work (study) of authors in Russian is indicated after the authors' names on different lines and linked to the names using superscript numeric designations) (name of the university, region, city, country) – on the left, font 12pt;
- e-mail of the author(s) – on the left, font 12pt
- abstract in Russian – font 12pt;
- keywords in Russian – font 12pt
- "Original article" – on the left, font 12pt;
- title (name) of articles in English – centered, in capital letters, font 14pt, bold;
- first name, patronymic and surname of the author(s) – on the left, font 12pt, bold in English;
- information about the place of work (study) of the authors in English (name of the university, region, city, country) – on the left, font 12pt;
- abstract in English – font 12pt;
- keywords in English – font 12pt;
- the text of the article is 14pt font, one and a half interval;
- the list of sources is 12pt font, the one interval.

Научная статья

УДК 811.133.1

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30> (французский)

**РОЛЬ И СВОЙСТВА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССА ПРЕДЛОГОВ
(на материале французского языка)**

Земфира Ришадовна Гречухина¹, Евгения Юрьевна Кислякова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие термина «грамматикализация», его интерпретация отечественными и зарубежными авторами. Затрагивается проблема соотношения грамматикализации и лексикализации в процессе формирования предлогов. Авторы статьи предпринимают попытку описать основные характеристики и особенности проявления грамматикализации в формировании предлогов французского языка.

Ключевые слова: грамматикализация, лексикализация, полнозначное слово, десемантизация, предложная единица, предложное выражение, составной предлог

Для цитирования: Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. Роль и свойства грамматикализации в процессе формирования класса предлогов (на материале французского языка) // Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

Original article

**THE ROLE AND PROPERTIES OF GRAMMATICALIZATION IN THE
PROCESS OF FORMING A CLASS OF PREPOSITIONS
(based on the French language)**

Zemfira R. Grechukhina¹, Evgeniya Yu. Kislyakova²

¹Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia

²Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of the term grammaticalization, its interpretation by domestic and foreign authors. The problem of correlation of grammaticalization and lexicalization in the process of prepositions formation is touched upon. The purpose of the article is to describe the main characteristics and features of the manifestation of grammaticalization in the formation of French prepositions.

Keywords: grammaticalization, lexicalization, full-meaning word, desemantization, prepositional unit, prepositional expression, lexical preposition, functional preposition

For citation: Grechukhina Z.R., Kislyakova E.Yu. The role and properties of grammaticalization in the process of forming a class of prepositions (based on the French language, Linguistics & education 2024;3: 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2024. Том 4 №3(15)

18

The editorial board of the online edition recommends adhering to the traditional structure of writing an article (introduction, research objectives, research methods, results obtained, discussion of results and conclusions). The elements of the article are separated from each other by one empty line.

Abstract. The volume does not exceed 250 words.

Keywords. No less than 3 and no more than 15 words (phrases) that carry the main semantic load in the text.

List of sources. The list of cited literature is given in accordance with the requirements of GOST R 7.0.7–2021. **Bibliographic entries in the list of non-**

textual bibliographic references are numbered and arranged in the order of citation of sources in the text of the article.

Следовательно, неотъемлемыми свойствами грамматикализации являются однонаправленность, градуальность и частичность процесса для определенной формы предлога в конкретный период развития языка.

© Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. 2024

Список источников

1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale/ Meillet A. – Paris, Librairie Honoré Champion, 1965, – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question : du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, consulté le 22 juin 2023. URL: <http://journals.openedition.org/ml/523> (дата обращения 22.07.23).
3. Авагян А.А. Основные аспекты расхождений в исследованиях грамматикализации / А.А. Авагян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

References

1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale, Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question: du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, URL : <http://journals.openedition.org/ml/523> (consulté le 22 juin 2023).
3. Avagyan A.A. Osnovnye aspekty raskhozhdenij v issledovaniyah grammatikalizacii [Main aspects of differences in grammaticalization studies]/ A.A. Avagyan // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2021. – T. 18. – № 2. – Pp. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

Гречухина Земфира Рншадовна	кандидат филологических наук, Астраханский ГМУ, г. Астрахань grechukhinaz@mail.ru
Grechukhina Zemfira Rishadovna	candidate of philology, Astrakhan SMU, Astrakhan grechukhinaz@mail.ru
Евгения Юрьевна Кислякова	кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград evgenia.kislyakova2@yandex.ru
Kislyakova Evgeniya Yurievna	candidate of philology, associate professor, Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Bibliographic entry. To link the list of cited literature with the text of the article, references are used in accordance with GOST R 7.0.7–2021, References in the text of the article are enclosed in square brackets. The serial number of the cited source is given in the corresponding line of the text of the article, for example, [5]. If the link is given to a specific fragment of the document text, the reference indicates the serial number and pages on which the link object is placed. The information is separated by a comma, for example, [5, p. 23].

References are compiled in the order completely identical to the Russian-language version with a similar numbering.

References must be issued according to the following rules:

1. Authors (transliteration), the title of the article in transliterated version [translation of the title of the article into English in square brackets], the name of the Russian–language source (transliteration) [translation of the name of the source into English is a paraphrase (for journals, you can not to do)], output data with notation in

English. For transliteration from Cyrillic to Latin, we recommend using the automatic transliteration system on the website <http://www.translit.ru> (by selecting the option "Interior Ministry").

2. It is forbidden to use the signs "/" and "-" to separate the structural elements of the bibliographic description.

Example:

Familija A.A. Nazvanie stat'i [Title of article]. Nazvanie zhurnala [Title of Journal], 2005. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 49-53.

□ it is unacceptable to submit a description of the journal in References only in a transliterated version (without translation).;

□ when describing publications without authors (collections, collective monographs), it is allowed to write one, maximum two editors of the publication instead of the authors;

□ for unpublished documents, you can make the shortest name with an indication in parentheses (unpublished), if it has authorship (to take into account the author's references), or simply "Unpublished Source" or "Unpublished Report", etc., if there is no authorship in the document;

□ since Russian-language sources are difficult to identify by foreign experts, it is necessary to italicize the original name of the source in the descriptions, as in most foreign standards;

□ it is undesirable to make arbitrary abbreviations of source names in links. This often leads to the loss of the bundle, as the name may not be identified;

□ all the main output publishing information (in the descriptions of the journal: the designation of the volume, number, pages; in the descriptions of books: the place of publication – the city, the designation of the publishing house (except for the publisher's own untranslated name, it is transliterated)) must be submitted in English;

□ in the descriptions of Russian-language textbooks, teaching aids, it is not necessary to indicate the type of publications;

□ in the output data of publications in references (articles, books), the number of pages of the publication must be indicated: the range of pages in the publication is indicated by "Pp." Before pages; the number of pages in the complete edition (book) – indicated as "p." after specifying the number of pages;

□ the translation of the title of the article or source is taken in square brackets;

□ one publication is described in the list of references once, regardless of how many times the source was mentioned in the text of the publication;

□ if the book in the list of references (in any version - main or in References) is described in full, then the description should indicate the full volume of the publication, regardless of which pages of the publication were cited in the text; the exception is when individual chapters from a book are used; in this version, the list of references gives a description of the chapter, indicating the pages "from-to";

□ for transliteration, it is necessary to use systems for automatically translating Cyrillic into the Roman alphabet; do not transliterate manually;

□ for journals published in Russian and English, a link is given to the English version of the journal.

The following is a list of sources (“References”), arranged in the following order:

- all authors and the title of the article in a transliterated version (use the site <https://translit.net/>, selecting the BGN standard. The window for switching between standards is located above the line with the letters of the alphabet),
- translation of the title of the article into English in square brackets,
- the name of the Russian-language source in a transliterated version,
- translation of the source name into English in square brackets,
- output data with symbols in English.

Examples of formatting a list of sources in Latin (References).

□ *Example of book formatting:* Osipenkova-Vichtomova T.K. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kostey [Forensic examination of bones]. Moscow, BINOM Publishing House, 2017. – 272 p.

□ *Example of formatting an article from a magazine:* Bleyk P.G. Sovremennye predstavleniya ob anemii pri pochechnoy nedostatochnosti [Modern concepts of anemia in kidney insufficiency]. Nefrologiya i dializ [Nephrology and dialysis], 2000. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 278-286.

□ *Example of a patent formatting:* Gorelkin A.G., Pinkhasov B.B. Sposob opredeleniya biologicheskogo vozrasta cheloveka i skorosti stareniya [The way of definition of man's biological age and senility speed]. Patent RF, No. 2387374, 2010.

□ *Example of theses formatting:* Ponezheva Zh.B. Kliniko-immunologicheskie aspekty patogeneza khronicheskogo gepatita C i puti optimizatsii terapii. Avtoreferat dissertatsii doktora meditsinskikh nauk [Clinico-immunological aspects of pathogenesis of chronic hepatitis C and ways to optimize therapy. Abstract of thesis of Doctor of Medical Sciences]. Moscow, 2011. – 38 p.

□ *Example of article formatting with DOI:* Bassan R., Pimenta L., Scofano M., Gamarski R., Volschan A; Chest Pain Project investigators, Sanmartin C.H., Clare C., Mesquita E., Dohmann H.F., Mohallem K., Fabricio M., Araújo M., Macaciel R., Gaspar S. Probability stratification and systematic diagnostic approach for chest pain patients in the emergency department. Crit. Pathw. Cardiol., 2004. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 1-7. doi: 10.1097/01.hpc.0000116581.65736.1b.

□ *Example of formatting an article from a collection of works:* Kantemirova B.I., Kasatkina T.I., Vyazovaya I.P., Timofeeva N.V. Issledovanie detoksitsiruyushchey funktsii pecheni po vosstanovlennomu glutationu krovi u detey s razlichnoy somaticheskoy patologiei [The investigation of liver detoxicytic function according to restoring blood glutation in children with different somatic pathology]. Sbornik nauchnykh trudov Astrakhanskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii [Collection of scientific works of the Astrakhan State Medical Academy], 2003. – Pp. 388-391.

□ *Example of formatting conference materials:* Mazlov A.M., Vorontseva K.P., Bulakh N.A. Optimizatsiya ispol'zovaniya antibakterial'nykh preparatov v akusherskom observatsionnom otdelenii oblastnogo perinatal'nogo tsentra

[Optimizing the use of antibacterial drugs in the obstetric observational department of the regional perinatal center]. Materialy III mezhdunarodnoy konferentsii Prikaspiyskikh gosudarstv "Aktual'nye voprosy sovremennoy meditsiny" [Materials of III International Conference of the Caspian States "Actual issues of modern medicine". 4-5 October 2018]. Astrakhan', Astrakhan State Medical University, 2018. – Pp. 116-117.

□ *Example of formatting of an Internet resource:* Gosudarstvennyy reestr lekarstvennykh sredstv [State Register of Medicines]. Available at: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (accessed 11 February 2019).

Drawings, schemes, diagrams. No more than 3 figures are accepted as illustrations of articles. Illustrations must be clear. In the text of the article, a link to a specific figure should be given, for example, (Fig. 2). Figures should have a minimum number of words and symbols. Each figure must have a serial number, title and explanation of the meanings of all curves, numbers, letters and other symbols placed under the figure.

Photo. Attached photographs must be clear, suitable for scanning or in electronic form (.tif, jpg format).

Tables. There should be no more than 3 tables. Each table should be given a serial number and a heading. Abbreviation of words is allowed only in accordance with the requirements of GOST 7.12-93, 7.11-78. Tables must be provided in a Microsoft Word text editor (*.doc format) and numbered in order. The simultaneous use of tables and graphs (figures) to present the same results is not allowed.

Additional materials for published articles

1. Information about the author(s).

Information about the author(s) is sent to the email of the online edition lingv_edu@astgmu.ru in a separate file called Information_Surname. Information about the author(s), which contains data: last name, first name, patronymic in full; academic degree; academic title; place of work (department, institute (faculty)); position held; contact phone (work, cell); E-mail address.

Information in full is given in Russian and English.

Full Name	
Academic degree, academic title	
Position or profession	
Place of work or study (with address)	
Contact number	
E-mail address	
Article topic	

The responsibility for the accuracy of the specified information lies with the author of the article.

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Сетевое издание

2026

Том 6 № 2

Сетевое издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой
информации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г.)

Учредитель: ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России

Адрес учредителя: 414000, г. Астрахань, Бакинская, 121, каб 419

Тел: +7 (8512) 66-94-80

E-mail: post@astgmu.ru

Редакционная коллегия

Научный редактор – Гречухина З.Р.

Ответственный секретарь – Дьякова Е.М.

